

WWW.ELTECH.RU

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ «ЛЭТИ»
им. В.И. Ульянова (Ленина)

197376, СанктПетербург, ул. Профессора Попова, д. 5, СПбГЭТУ,
кафедра истории культуры, государства и права

Межвузовская научная конференция
«ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ»

29 ноября 2013

СБОРНИК ДОКЛАДОВ

Санкт-Петербург
2014

МИНОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования*

«Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)»

**МЕЖВУЗОВСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ»**

Сборник докладов

29 ноября 2013

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
2014

УДК 94(47).084:303.446.4

ББК ТЗ(2)771я43

Г75

Гражданская война в России: проблемы истории и историографии: сб. докл. межвуз. науч. конф. г. Санкт-Петербург. 29 нояб. 2013 г. / Отв. ред. д.и.н., проф. В.В. Калашников. Санкт-Петербург. Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2014. 204 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Ганелин Р.Ш.</i> Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке под пером Б.А. Романова	7
<i>Полторак С.Н.</i> Современная историография Гражданской войны в России и перспективы ее развития	16
<i>Гагкуев Р.Г.</i> Современная историография Белого движения	30
<i>Калашиников В.В.</i> Иностранная интервенция как фактор Гражданской войны в России	43
<i>Соболев Г.Л.</i> Антибольшевистский компромат как фактор иностранного вмешательства в Гражданскую войну в Советской России	57
<i>Цамутали А.Н.</i> Офицерский корпус Российской армии в годы Первой мировой и Гражданской войн. (Историографические заметки) ..	63
<i>Давыдов А.Ю.</i> «Кочевая Россия»: вокзально-дорожная повседневность времен гражданской войны	74
<i>Мусаев В.И.</i> Беженство на Северо-Западе России в 1918–1922 гг.	86
<i>Смирнова Т.М.</i> Петроградские национальные общества в годы Гражданской войны	97
<i>Цветков В.Ж.</i> Закономерности эволюции политических режимов Белого движения в России в 1917–1922 годах	106
<i>Бажанов Д.А.</i> Военные моряки в Гельсингфорсе (октябрь 1917 — март 1918 гг.): перспективы втягивания в гражданское противостояние	112
<i>Ганин А.В.</i> Эрзац-академия. Советские школы штабной службы в годы Гражданской войны	121
<i>Захаров А.М.</i> Советская власть, Антанта и проблема эвакуации чехословацкого корпуса из Сибири в марте — апреле 1918 г.	136
<i>Калиновский В.В.</i> Современная историография Гражданской войны в Крыму	146
<i>Пученков А.С.</i> Украина и Крым в 1918 — начале 1919 г.: к постановке проблемы	151
<i>Стогов Д.И.</i> Судьба лидеров правых партий в годы гражданской войны	157
<i>Богомазов Н.И.</i> Проблемы историографии начального этапа Белого движения на Северо-Западе России	166
<i>Васильев П.А.</i> Влияние гражданской войны на употребление наркотиков в Петрограде	171
<i>Кириллова Е.А.</i> Домовые комитеты бедноты в годы гражданской войны в России	180

<i>Петров В.В.</i> Петроградский университет в годы гражданской войны.....	188
<i>Петров И.В.</i> Православные приходы Эстонии в конце 1917 — 1920-х годах в контексте военного противостояния	196
Сведения об авторах	204

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник содержит доклады, прочитанные или представленные участниками межвузовской конференции «Гражданская война в России: проблемы истории и историографии». Конференция состоялась 29 ноября 2013 г. и была посвящена 95-й годовщине начала крупномасштабной гражданской войны в России. Данный научный форум стал продолжением межвузовской научной конференции «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии», которая прошла в Санкт-Петербурге в ноябре 2012 г.¹

Инициатором и организатором конференций явилась кафедра истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина).

Обе конференции были проведены совместными усилиями научных сотрудников Санкт-Петербургского института истории РАН и преподавателей кафедры новейшей истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кафедр истории Петербургского государственного университета путей сообщения и ряда других высших учебных заведений Санкт-Петербурга, Москвы и Симферополя.

С приветствием и вступительным словом выступил директор Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук, профессор Н.Н. Смирнов, который обозначил круг узловых проблем в изучении истории гражданской войны в России на современном этапе. В докладах, представленных на конференции, был рассмотрен широкий круг проблем.

Речь шла о предпосылках и причинах гражданской войны в России, проблемах ее периодизации, роли иностранной военной интервенции в развязывании гражданской войны в России, основных чертах новейшей историографии Белого движения, региональных особенностях гражданской войны (Поволжье, Украина, Крым, Северо-Запад), участии различных социальных слоев и профессиональных групп населения и др.

¹ Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии». Сборник докладов. С.-Петербург. Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2013. 182 с.

Все доклады представлены в авторской редакции и отражают личную точку зрения каждого автора.

Участники конференции выразили благодарность ректорату и службам Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» за прекрасные условия, в которых проходила работа конференции и за материальную поддержку, которая позволила издать настоящий сборник.

Р. Ш. ГАНЕЛИН

Санкт-Петербургский институт истории РАН

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ПОД ПЕРОМ Б.А. РОМАНОВА

Для проводящейся в наше время работы по изучению и академическому анализу истории и историографии гражданской войны в России важно установить время и обстоятельства формирования того направления в литературе, которое создавало устойчивое представление о войне между красными и белыми со всеми последствиями этого подхода, в том числе и такими, которые отнюдь не носили академического характера.

Историографическая судьба проблемы была отнюдь не простой. Достаточно сказать о существовавшем ряд лет во главе с И.И. Минцем Институте истории гражданской войны, в деятельности которого принимал участие сам Сталин. Между изданиями этого института разных лет, яркими и содержательными, но приспособленными к потребностям момента, существовала значительная концепционная разница. Она относилась и к различным поколениям авторов, занимавшихся изучением истории гражданской войны.

Как это иногда бывает, наиболее близкими к действительности оказались работы первого этапа, о некоторых из них здесь будет сказано.

Журнал ленинградского истпарта «Красная летопись» в 20-х годах не без успеха соперничал с общесоюзным историко-революционным органом «Пролетарская революция». Таков был старт, данный «Красной летописи» при ее основании в 1922 г. Г.Е. Зиновьевым, первым лицом в Петрограде, ревниво относившимся к идеологической репутации города. Ответственным редактором журнала была интеллигентная большевичка П.Ф. Куделли, кол-

лега Н.К. Крупской по преподаванию в вечерних школах для рабочих. Как рассказывал автору этих строк С.Н. Валк, из числа профессиональных историков, недавних выпускников дореволюционного университета, привлеченных к участию в журнале, П.Ф. Куделли выделяла Б.А. Романова. Кроме него и самого С.Н. Валка в эту группу входили А.А. Шилов, П.А. Садиков, Н.Ф. Лавров, В.А. Петров. Участвовал в журнале и представитель университетской профессуры А.Е. Пресняков. С.Ф. Платонов, который возглавлял петербургскую историческую школу, до самого конца 20-х годов после однодневного ареста в 1919 г.¹ пользовался доверием советской власти, возглавив петроградское отделение Центрархива, в Москве руководившегося «красным академиком» М.Н. Покровским, а также Библиотеку АН СССР и Пушкинский дом.²

В числе руководящих работников Петроградского отделения Центрархива были кроме Платонова, А.Е. Пресняков, М.А. Полиевктов, В.Н. Сторожев, Е.В. Тарле, П.Е. Щеголев. Среди сотрудников были историки, по тем или иным причинам не попавшие в число пассажиров ленинского «философского парохода», не эмигрировавшие другими способами и лишенные преподавания в университетах, где чтение курсов истории в сущности прекратилось. Как отмечал Е.В. Тарле, Платонов, Пресняков и Полиевктов «дрались очень хорошо и стойко» и «им удалось удержать на архивной службе много превосходных старых архивистов, пополнить новыми учеными силами штаты и многое спасти». «В наше время архивы становятся на путь превращения в те центры умственной жизни, где чисто научная постановка восторжествует над ведомственным, чиновническим отношением к делу», — заявил Платонов осенью 1918 г.³

В отличие от С.Н. Валка и других своих коллег, уделявших внимание главным образом истории революционного движения, Б.А. Романов сделал основным предметом своих занятий историю дальневосточной политики царской России, которая до конца его дней оставалась предметом его занятий в сфере «модерн» (так он называл их в отличие от «антик», своих исследова-

¹ Документы об аресте С.Ф. Платонова в 1919 г. и М.К. Любавского в 1923 г. / Публ. Ю. В. Кривошеева // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 240–244.

² Соболев Г.Л., Токарев Ю.С. Петроградский историко-революционный архив в первые годы советской власти (1918–1923) // Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященный 75-летию С.Н. Валка. СПб., 1964. С. 6–15.

³ Груздева Е.Н. Петербургский историк Сергей Васильевич Рождественский. СПб., 2008. С. 142.

ний по древнерусской тематике).⁴ Тем не менее, он и по истории революционного движения оставил около 20 работ, значение которых со временем становится все более ясным.⁵

Здесь будет сказано о его отклике на публикацию трех источников по истории гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. Его интерес к ним был вызван дальневосточной ориентацией его основной исследовательской работы. Но перед тем как приступить к этому, следует остановиться на первом печатном выступлении Б.А. Романова в области «модерна». В отличие от статьи о публикациях источников по истории интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке, оно вовсе не было связано с тематикой его архивной работы и представляло собой напечатанную в 1920 г. в кн. 1 журнала «Дела и дни» рецензию на первый том протоколов Брест-Литовской мирной конференции. Брестской теме пришлось впоследствии претерпеть столько историографических злоключений, что диву даешься, как просто и ясно выразил историк старой школы суть дела, показал и внутривластные, и межпартийные разногласия по поводу Бреста.

Б.А. Романов начинал свою рецензию едва ли не с самого острого связанного с Брестом сюжета — с упоминания о том, что в борьбе вокруг заключения мира с Германией «не исключалась и наличность предварительного соглашения между Советской властью и Вильгельмом II». Он опирался при этом на вводную статью к «Мирным протоколам в Брест-Литовске», на-

⁴ См.: Борис Александрович Романов. К 120-летию со дня рождения. Биобиблиографический указатель / Сост. А.С. Крымская. Отв. ред. В.М. Панеях. СПб., 2011 (На с. 16 необходимо исправление: в скобках на строках 28–29 следует считать: тринадцатимесячное заключение в следственной тюрьме и два с половиной года в Балтбелстрое); *Никифоров В.Н.* Советские историки о проблемах Китая. М., 1970. С. 337–344; его же. Б.А. Романов. К 80-летию со дня рождения // *Народы Азии и Африки*. 1969. № 3. С. 208–210; *Беляев С.Г.* Б.А. Романов-архивист // *Проблемы социально-экономической истории России. К 100-летию со дня рождения Б.А. Романова*. СПб., 1991. С. 57–62; *Ананьич Б.В., Панеях В.М.* «Россия в Маньчжурии» Б.А. Романова: судьба книги // *Россия в XIX–XX вв. Сб. статей к 70-летию Р.Ш. Ганелина* / Под ред. А.А. Фурсенко. СПб., 1998. С. 11–23; *Панеях В.М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000; *Ганелин Р.Ш.* «Россия в Маньчжурии» Б.А. Романова // *Российская действительность XIX–XX вв. и революционный процесс* / Отв. ред. Р.Ш. Ганелин. СПб., 2012. С. 222–231.

⁵ См.: *Ганелин Р.Ш.* Б.А. Романов — историк революционного движения в России // *Проблемы социально-экономической истории России: к 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Романова*. СПб., 1991. С. 41–53; Перепеч.: Его же. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х — 1970-х годах. СПб., 2006. Приложение. С. 209–230.

писанную Л.Д. Троцким, озаглавленную «Брестский этап» и содержащую, по словам Б.А. Романова, «объяснение и обоснование брестской политики Советского правительства, и в двух-трех штрихах выразительные наброски главных действующих лиц. Казалось, Брестский мир открывал длительную эпоху экономического порабощения и унижения России; аппарат советской диктатуры становился как бы аппаратом юнкерской Германии на предмет расхищения и эксплуатации богатств и живой силы страны, а в случае его непригодности заменен был бы, м. б., и иным, но все в тех же целях», — излагал Б.А. распространенный тогда взгляд. «Можно сказать, что в тот момент только незначительная кучка людей, — продолжал он, отметив как характерный факт, что ни А.А. Иоффе, ни Троцкий, оборвавшие переговоры отказом подписать договор, по принципиальным основаниям не поехали в Брест для подписания окончательного текста, — во главе с Лениным уверенно держали курс на пресловутую "передышку" и поставили ставку на эфемерность Брестской "петли" — и оказались правы. 16–22 марта 1918 г. состоялась ратификация мирного договора, а затем развернулся ряд военных неудач Срединного союза, и к ноябрю того же года крах Гогенцоллернской империи стал совершившимся фактом. Аннулирование Брестского договора мелькнуло тогда поистине само собою разумеющейся и никому не нужной формальностью».

Это была проверка практических действий людей революционно-интернационалистского лагеря исследовательским мышлением историка-профессионала строгой академической выучки.

Оценивая Брест, Б.А. Романов вовсе не склонен был считать его манной небесной, счастливым, а не вынужденным и единственным выходом из ультимативного положения. «Расплата за Брест последовала в Версале, — писал он, — и оказалась не менее суровой, гораздо более длительной и чрезвычайно реальной. И после того наша страна продолжает свой путь испытаний; но "Брестский этап" пройден, и как этап становится достоянием истории».

Засвидетельствовав свое признание бесспорной правоты линии Ленина, Б.А. Романов показал сущность тактики Троцкого «ни мира, ни войны». Он не излагал тех оснований, по которым Троцкий придавал в Бресте такое значение разоблачению политики правительства Вильгельма II (Троцкий считал препятствием к заключению мирного договора с ним призывы к его свержению, обращенные к германскому пролетариату). Однако агитационный смысл тактики Троцкого был исчерпывающе охарактеризован в рецензии

Б.А. Романов «Нужно удивляться, — писал он, — почему противная сторона в течение 20 заседаний поддерживала иной раз очень для нее неудобную и рискованную дискуссию, смысл которой (при гласности заседаний) для Советской делегации — на этот раз с Троцким в качестве председателя — заключался исключительно в агитационном разоблачении завоевательной программы германского правительства. К 10 февраля (28 января), когда достигнута была полная ясность ее размеров предъявлением карты с начертанной восточной границей германской военной оккупации, закончился второй период переговоров — памятным заявлением Троцкого о выходе из войны без подписания договора».

Собственно, Б.А. Романов дал в 1920 г. ту оценку договора и политической ситуации вокруг него, которая должна, наконец, занять свое место в современной науке. Для публикаторов-непрофессионалов, каковыми, по видимому, были издатели протоколов, разумеется, имели серьезное значение сделанные в рецензии Б.А. Романова замечания археографического свойства. Но с архивной деятельностью Б.А. Романова это его выступление в области «модерна» прямо связано не было.

Таким же образом обстояло дело и с другой его работой, появившейся в 1926 г. и означавшей экскурс Б.А. Романова в новую и непривычную для него сферу — в историю гражданской войны, — и тем особенно интересной. Он откликнулся общей рецензией на три документальных издания о гражданской войне и союзнической интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке.⁶ Первым из них был доклад члена французской военной миссии в Петрограде Пишона, который, объехав сразу же после Октябрьской революции сибирские города, отказался «от ходячей мысли, что с хорошей палкой в руке можно восстановить и поддержать порядок у такого народа, как русский».⁷

В течение полугода Пишон двигался по Сибири на восток, изучая сложившуюся там политическую обстановку. Вывод, к которому он пришел, состоял, по выражению Б.А. Романова, в том, «что медлить с интервенцией, в дни Брест-литовского мира, нельзя ни одного дня». «Иначе, — считал Пи-

⁶ Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири. (Доклад Пишона) / Редакция и предисл. Вл. Виленского-Сибирякова. Госиздат. М.; Л., 1925. 93 с.; Допрос Колчака / Под ред. и предисл. К.А. Попова. Центрархив. Госиздат. Л., 1925. II+232 с.; *Болдырев В.Г.* Директория, Колчак, Интервенты. Воспоминания. (Из цикла «Шесть лет». 1917–1922 гг.) / Под ред., с предисл. и примеч. В.Д. Вегмана. Сибкрайиздат. Новониколаевск, 1925. 565 с. // Красная летопись. 1926. № 3 (18). С. 177–183.

⁷ Красная летопись. 1926. № 3 (18). С. 179.

шон, — "с экономической точки зрения мы навсегда потеряем Россию"». ⁸ Для советских авторов 40-х — 50-х годов это было бы достаточно веским разоблачительным аргументом. Но Б.А. поставил перед собой задачу — оценить точку зрения Пишона с различных сторон, установив степень ее обоснованности и всесторонне определив военные и политические способы проведения вторжения, предлагавшиеся французом. Анализируя всю систему взглядов, изложенных Пишоном, исследователь старого закала усмотрел, что «его основания явственно не сходятся с выводами», которые носят чрезмерно общий характер. И все это потому, что «по существу дела анализ только в сибирском масштабе не позволяет ставить и решать вопрос об интервенции во всем его всероссийском объеме». Но, с другой стороны, Б.А. Романов обратил внимание на то, что «ввиду полной секретности доклада Пишон мог писать все, что думал, высказывая свою мысль до полной ее ясности и в любой конкретной форме».

Пользуясь этим, Б.А. Романов воспроизводит намеченную в докладе Пишона программу действий интервентов, которым «выступать формально следует только "по просьбе русских антибольшевистских партий и группировок"». Осуществление интервенции Пишон возлагал на Японию, которая была в его представлении «единственной державой», способной на «действительные военные действия». Предполагался захват Сибирской железной дороги на всем ее протяжении и установление «фактического контроля» над производственными центрами. Среди политических сил в России и в Сибири в частности, на которые Пишон искал возможности опираться, он остановил свой выбор на эсерах, так как кадетов в Сибири было мало, а правых он считал нужным избегать, «так как с ними легче себя скомпрометировать, чем достичь каких-либо реальных результатов». ⁹

Рецензент счел нужным сообщить читателю все социальные расчеты Пишона, считавшего: «при обсуждении плана интервенции нам не придется опасаться пробуждения чувств национальной гордости и чести». Причину этого Пишон видел в своих ожиданиях того, что «отношение населения к иностранному вооруженному вмешательству будет рассматриваться только с точки зрения полезности или вреда его для интересов отдельных частных групп». Классовый подход Пишона был прост. «Нужно считать совершенно

⁸ Там же. С. 178.

⁹ Там же.

определенно, что городской рабочий против нас», — писал он, предлагая противопоставить интересам рабочих интересы крестьянства и «удовлетворить потребность деревни в мануфактуре», т. е. подойти к этой «в общем слепой, а потому опасной силе через кооперативные объединения».

Б.А. Романов обращал внимание читателя на то, как представлял себе Пишон организацию, или «формальную сторону» интервенции: «Союзники назначают "верховное командование русскими войсками, организованными в Маньчжурии" под контролем союзного командования, и предлагают членам учредительного собрания и представителям партий, находящихся в Харбине, организовать временное правительство. "Ведь сегодня без нас никто не может быть ничем в Сибири", — заключает свой доклад Пишон». Подтверждал он это так: «То или иное правительство может существовать лишь до тех пор, пока мы будем его признавать и оказывать ему поддержку»: «на нашей стороне сила и деньги, это лучшие аргументы, при помощи которых можно всего достичь».

Б.А. Романов не ставил под сомнение то, что доклад Пишона выделяется своей цинической боевитостью, но с источниковедческим профессионализмом предлагал рассматривать его в ряду других материалов интервенционистского происхождения. Он видел в докладе Пишона «интересный, но пока одинокий осколок теоретически мыслимого собрания документов, какие во множестве, вероятно, лежат в дипломатических и военных канцеляриях союзных держав».

Романов считал «опубликование документальных источников союзнических интервенций на основе их тщательного собирания все-таки осуществимым». «Пока же» он обратился к мемуарным источникам. Приближающейся к таковым он считал стенограмму допроса Колчака Чрезвычайной следственной комиссией 21 января — 6 февраля 1920 г. Комиссия, по словам Романова, «задавалась целью дать путем этого допроса историю не только колчаковщины, но и автобиографию самого Колчака. В зависимости от этого стенограмма дает почти связный рассказ о жизни допрашивавшегося, начиная с детских его лет, рассказ, изредка перебиваемый вопросами членов комиссии, но отнюдь не обрываемый бесповоротно. Только на последнем дне допроса резко отразилось в этом смысле нервное желание допрашивавших, в виду предстоявшего в этот день расстрела Колчака, забежать несколько вперед и выяснить хоть некоторые подробности периода диктатуры, до которого только-только успел дойти в своем рассказе Колчак накануне. В виду такой особенности «допрос» дает четкий автопортрет Колчака; рассказ свой он вел,

по признанию председателя комиссии, с достаточной откровенностью и полным достоинством, зная об ожидавшей его участи, не ища поводов снискать себе снисхождение врага и отнюдь не бравируя.

Существенно важно для понимания Колчака то, что с первых же шагов его работы по возрождению русского флота после разгрома в 1904–1905 гг. она протекала под знаком твердо усвоенной мысли о неизбежности вести всю боевую подготовку вооруженных сил России в расчете на мировую войну в союзе с Антантой против Германии. Эта мысль и вошла немаловажным слагаемым в его психический комплекс, и он был естественным противником Октябрьской революции. Никогда так ярко эта черта не была отмечена, как в показаниях Колчака, которые именно на этих страницах дают любопытнейший материал для истории подготовки России к мировой войне. Колчак сразу и без колебаний принимает Февральский переворот, поскольку он обещает более успешное участие России в войне; но эмигрирует он еще при временном правительстве, когда становится ясно, что продолжение войны невозможно. И в дальнейшем перед Колчаком не перестает стоять на первом плане необходимость личного участия в борьбе с германской коалицией в рядах Антанты, где бы временно ни протянулся этот воображаемый германский Фронт. Нет нужды искать в Колчаке политика: любая страница его на редкость цельных показаний отбивает охоту трактовать Колчака в этой плоскости. Здесь он — «простая игрушка в руках держав Антанты» и тех контрреволюционных классовых групп, в гущу которых он попал в 1918 г. в Омске, кипевшем гражданской войной. Он и не скрывает истории своих отношений с представителями иностранных держав, не вдаваясь в мелочные подробности, но достаточно ясно очерчивая эти отношения в основных линиях (наиболее тесные с англичанами, колюче-неприятельные с японцами)».¹⁰

Средствами источниковедческого анализа, текстологического и сюжетно-смыслового Б.А. Романов создал целомудренно реалистический и объективный исторический портрет Колчака, не поддавшись господствовавшему тогда чувству классовой ненависти.

Менее существенным источником считал он показания Колчака применительно к основному для истории сибирской контрреволюции вопросу о возникновении самой диктатуры и обстановке свержения Директории. Здесь

¹⁰ Там же. С. 179–180.

у него вызывало «несравненно более широкий интерес» прижизненное издание воспоминаний В.Г. Болдырева, которого Б.А. Романов определял как «предшественника, затем неудачного соперника и, наконец, своего рода приемника Колчака».

«Именно поэтому, — писал Б.А. Романов, — кухню переворота можно рассматривать с мыслимыми вообще подробностями в книге Болдырева с максимальной личной невыгодностью для Колчака и найти здесь подтверждение тому, что рассказывает последний о своем участии в перевороте».¹¹ «Его [Болдырева. — Р.Г.] объемистый том, охватывающий все пятилетие внесоветской истории восточной России и Сибири, за исключением года, проведенного им не у дел в Японии, отличается богатством фактического материала (нередко документального), снабжен подробными пояснительными примечаниями и сделан с надлежащим литературным умением: удачное чередование связанного рассказа в форме воспоминаний и отрывочных деловых записей дневника делают книгу эту легкой и доступной для массового читателя», — так характеризует Б.А. Романов «Воспоминания» Болдырева. Описывая жизненный путь мемуариста, Б.А. Романов с удовлетворением отмечал, что тот, арестованный после занятия Владивостока Красной армией в 1922 г., был освобожден по его просьбе во ВЦИК о предоставлении ему возможности участия в строительстве новой России и стал работать в сибирской плановой комиссии.

Однако снова арестованный Болдырев был расстрелян 20 августа 1933 г. В этот год Б.А. Романов, арестованный в 1930 г., вышел на свободу и писал в своем письме: «пока я никакой работы не имею».¹²

¹¹ Там же. С. 182.

¹² Б.А. Романов — П. Г. Любомирову, 15 декабря 1933 г. // Ганелин Р. III. Б. А. Романов — историк революционного движения // Проблемы социально-экономической истории России... С. 50 и сл.

С. Н. Полторак

Журнал для ученых «Клио»

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Еще несколько лет назад у меня складывалось устойчивое убеждение в том, что историография Гражданской войны в России почти не развивается. Исключение составляла, пожалуй, лишь историография Гражданской войны в Сибири.

В какой-то мере складывавшаяся еще недавно историографическая ситуация объяснялась своеобразным «постсоветским синдромом». Появившиеся в изобилии в 1990-х гг. авторы, воспевавшие историю белого движения и клеймившие позором всю советскую, преимущественно большевистскую составляющую истории Гражданской войны, во многом исчерпали запас своего вдохновения и новых сведений. Но главное — у российского общества иссяк духовный лимит потребности антибольшевистского, антисоветского прочтения истории Гражданской войны в России. Более востребованным в 2000-е гг. и особенно во втором его десятилетии стал взвешенный подход к оценке тяжелейших событий Гражданской войны.

Возможно, главной тенденцией современного изучения проблемы стало рассмотрение тех или иных событий того времени не с позиций одной из сторон. Главным для историков стало стремление к объективности в оценке противостояния революционных и антиреволюционных сил во всем их многообразии.

Представляется, что в последние годы наибольших достижений в изучении историографии Гражданской войны в России добился архангельский исследователь В.И. Голдин. Однако это не означает, что другие попытки исто-

риографических исследований последнего времени были неудачными. Пример тому — вышедшая из печати в 2009 г. в Самаре работа Г.М. Ипполитова.¹ Хотя очерки носят региональный характер, в них есть крупные обобщения, важные в методологическом отношении для всех авторов, исследующих историю этой проблемы.

По мнению профессора Г.М. Ипполитова, советская историография Гражданской войны прошла три этапа: 1918–1922 гг., 1920-е — первая половина 1950-х гг., вторая половина 1950-х — первая половина 1980-х гг.

Автор оставил без внимания историографию 1985–1991 гг., считая, вероятно, что еще не наступило время ее оценок. Представляется, что этот короткий промежуток времени можно рассматривать как отдельный этап развития историографии, поскольку он обладает качественно новыми чертами и во многом питает тот период историографического нигилизма, который был присущ исследовательской деятельности многих российских ученых в первые постсоветские годы.

Свое отношение к этому труду Г.М. Ипполитова я высказал в послесловии к его работе.² Чтобы не повторяться, замечу лишь, что самарский исследователь очень точно предсказал перспективу выхода «на новый уровень историографического синтеза».³ Подтверждение тому — самобытные и очень яркие монографии ростовского историка О.М. Морозовой.

Как известно, Ростов-на-Дону справедливо считается крупным центром развития исторической психологии. Рискну заметить, что во многом этот научный центр можно считать даже прародителем этого направления исторической науки. О.М. Морозова, явно тяготея к междисциплинарному синтезу, выпустила из печати две монографии, которые заметно выделяются среди многих работ, посвященных истории Гражданской войны.⁴

Обе монографии отличают солидная источниковедческая база, сочетание документов центральных и местных архивов с редкими опубликованны-

¹ *Ипполитов Г.М.* Летопись братоубийства (Очерки советской историографии Гражданской войны на юге России. 1918–1985 гг.). Самара: Ас Гард, 2009. 517 с.

² Там же. С. 484–489.

³ Там же. С. 446.

⁴ *Морозова О.М.* Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов-н/Д: ЮНЦ РАН, 2010. 276 с.; Она же. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов-н/Д: ЮНЦ РАН, 2010. 360 с.

ми источниками и малоизвестной историографией. При мощном наполнении публикаций фактическим материалом в них прекрасно уживается с интереснейшими фактами глубокая авторская мысль. Многие обобщения стали результатом глубоких размышлений. Среди них, в частности, мысль о том, что «Гражданская война разделила население страны на типы выживания: человек с ружьем, человек с мешком, человек с ремесленным инструментом или с сохой, а был и человек с книгой и пером. <...> В годы гражданского конфликта только небольшая часть убивала друг друга; для очень многих других искусство, наука и образование стали нишей, в которой они желали бы пережить это время. Выдавленные с севера войной и голодом, они сбивались в школы, университеты, театральные труппы, литературные кружки на более сытом Юге и так сохраняли себя и свою душу. Участие в политике они хотели бы ограничить работой на съездах своих партий и помощью раненым, но другие — с ружьем — постоянно выдергивали их из этих убежищ».⁵

Среди многих достоинств монографий О.М. Морозовой следует назвать и совершенно неожиданное достоинство. Собственной практикой исследовательской работы Ольга Михайловна показала, что областные архивы, в частности Государственный архив Ростовской области, содержат немало документов о деятельности белогвардейских формирований. Так, О.М. Морозовой приводятся интереснейшие сведения о денежном довольствии различных белогвардейских воинских частей. Опираясь на документы, она показала, что кубанские казаки получали гораздо больше, чем военнослужащие (в том числе и офицеры) Добровольческой армии, что «особенно бедствовали терцы, отступившие на Кубань».⁶

Важным достижением О.М. Морозовой стало то, что она сумела очень четко дифференцировать архивные документы, обратив внимание на особую ценность «источников нарративного типа». Характеризуя воспоминания участников Гражданской войны, поступавшие в Комитеты (комиссии) помощи демобилизованным красноармейцам и бывшим красным партизанам, она очень метко подметила, что часто полуграмотные ветераны писали искренне и «не зажато», поскольку знали, что их воспоминания будут читать не совет-

⁵ Морозова О.М. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. С. 131.

⁶ Там же. С. 156.

ские чиновники, а их вчерашние сослуживцы, однополчане, волею судьбы ставшие членами комиссий разного уровня.

Она подчеркивала, что «даже в 1932 г. бывшие красные партизаны с благодарностью вспоминали Л.Д. Троцкого, в октябре 1918 г. на станции Тундутово одарившего их ценными подарками, возможно, это было одно из самых ярких праздничных впечатлений за всю их боевую жизнь».⁷

По глубокому убеждению О.М. Морозовой «мотивация обычного солдата побеждать не менее важна, чем желание великого полководца»⁸. Она отмечает: «С великими все ясно, они хотят славы и могущества, а чего хотел тот, кто согласился умереть за это?»⁹ Задаваясь этим вопросом, ростовский автор исследовал судьбы красноармейцев в архивах Москвы, Ростова-на-Дону, Краснодар, Элисты, Владикавказа, Майкопа, Волгограда, Саратова, Архангельска. Ольга Михайловна стремилась выявить общее и особенное в процессе Гражданской войны. По ее мнению, «Эти источники показывают, что революция и Гражданская война имели длительную предысторию и глубокие основания в предшествующем укладе жизни. Слом старой государственной машины отвечал настроениям значительной части российского общества».¹⁰

Важной приметой времени стала историография, посвященная персоналиям. Пример тому — монография самарского историка Е.Е. Шеремеева, в которой, как пишет автор, «на фоне эпохи» написана биография видного политического деятеля белого движения А.К. Клафтона.¹¹ Многие годы до революции Александр Константинович Клафтон трудился в Самаре. В 1918–1919 гг. он был лидером кадетов в Сибири, стал инициатором информационной реформы в правительстве А.В. Колчака. Расстрелянный по приговору Сибирского революционного трибунала в 1920 г., А.К. Клафтон долгие годы был незаслуженно забыт не только широким кругом людей, но и историками Гражданской войны. Между тем именно журналист, секретарь Самарской

⁷ Морозова О.М. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны. С. 13.

⁸ Там же. С. 4.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 6–7.

¹¹ Шеремеев Е.Е. Самарский «Сфинкс» при правительстве Колчака: А.К. Клафтон (1871–1920 гг.) — биография на фоне эпохи. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2011. 338 с.

губернской земской управы А.К. Клафтон внес значительный вклад в открытие в Самаре Педагогического института и Университета.

Заслуга Е.Е. Шеремеева состоит в том, что он на основе большого круга источников, огромной историографии сумел по крупицам реконструировать жизненный путь своего героя, научно обосновав его прочное место в отечественной культуре и в истории, в том числе — в истории Гражданской войны. Ценность книги Евгения Евгеньевича не столько в том, что он сумел отыскать и обобщить ценнейшие документы (среди них — акт о приведении в исполнение приговора Чрезвычайного революционного трибунала Сибири, согласно которому был расстрелян А.К. Клафтон и ряд других деятелей правительства Колчака). Ученый очень четко прослеживает тенденции времен Гражданской войны и современности. Не случайно свою монографию он завершает словами: «Яркая и трагичная биография Александра Константиновича Клафтона должна служить серьезным предостережением прошлого настоящему и будущему России. Она должна наставлять властителей и реформаторов к восприятию действительных общественных запросов "народной души"». ¹²

Известные персоналии периода Гражданской войны в последнее время все чаще становятся объектом научного изучения. Так, в 2013 г. в Санкт-Петербурге Н.Ю. Бринюк была защищена кандидатская диссертация, посвященная военно-политической деятельности одного из лидеров белого движения В.О. Каппеля. ¹³

В 2011 г. вышла из печати монография В.И. Голдина, посвященная российской военной эмиграции в 1920–1930-е гг. ¹⁴ С одной стороны в книге сделаны важные обобщения: показаны истоки и эскалация Гражданской войны в нашей стране, дана характеристика социальных общностей и национальных движений, участвовавших в водовороте событий той войны. Автор близко к объективности вскрыл причины поражения антибольшевистских сил. При этом Владислав Иванович опирался на достижения своих коллег.

Его новаторское начало проявилось в том, что он, вводя в монографии в научный оборот документы Государственного архива Российской Федерации, проследил процесс формирования российской военной эмиграции, создания ее организаций и деятельности многих из них в 1920–1930 гг.

¹² Там же. С. 290.

¹³ Бринюк Н.Ю. Военно-политическая деятельность Владимира Оскаровича Каппеля (1883–1920 гг.): автореф. дис. ... к.и.н. СПб., 2013. 24 с.

¹⁴ Голдин В.И. Гражданская война в России и военная эмиграция 20–30-х годов XX века. Архангельск; М.: Поморский гос. ун-т, 2011. 149 с.

Одна из важных заслуг архангельского профессора состоит в том, что он сумел разглядеть, оценить и описать «качественно разные процессы», протекавшие в кругу российской военной эмиграции.¹⁵

Важное место в оценке динамики изучения истории Гражданской войны в России заняла новая книга В.И. Голдина, вышедшая из печати в Мурманске тиражом всего лишь 150 экземпляров.¹⁶ Пожалуй, в постсоветское время это самая ценная работа, посвященная анализу историографии Гражданской войны. Содержание монографии — это по существу перечень важнейших вопросов, нуждающихся в изучении и осмыслении в наше время. Среди них — генезис Гражданской войны в России, размышления о разрастании войны на постимперском пространстве в 1918 г., сопоставление минувших и современных тенденций развития российского общества. Особое место автор отвел анализу историографии 1919 и 1920-х гг. — стержневого периода отечественного братоубийства. Белое движение, зарождение и развитие Красной армии также были подвергнуты ученым дотошному историографическому анализу.

Трудно не удивляться научной компетентности В.И. Голдина. Из поля его зрения не выходят даже самые, казалось бы, неприметные малотиражные издания во многих регионах страны. Осведомленность Владислава Ивановича — это признак большого исследовательского мастерства и каждодневной изнурительной работы по выявлению и доскональному изучению новых публикаций. Сопоставляя многочисленные точки зрения ученых по одним и тем же вопросам, В.И. Голдин находит возможность всегда быть «над схваткой», при этом искусно расставляя акценты таким образом, что читатель невольно склоняется к мнению того из историков, чья система аргументаций является наиболее убедительной.

В последнее время заметным явлением в отечественной историографии стали крупные работы петербургского историка В.Б. Лобанова, посвященные антиреволюционной деятельности различных политических сил на Северном Кавказе в период кульминационных событий осени 1917–1920 гг.¹⁷

¹⁵ Там же. С.132.

¹⁶ Голдин В.И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск: МГГУ, 2012. 333 с.

¹⁷ Лобанов В.Б. Белое движение на Северном Кавказе (ноябрь 1917—май 1919 гг.). СПб.: Полторацк, 2012. 182 с.; Он же. История антибольшевистского движения на Северном Кавказе, 1917–1920 гг.: на материалах Терек и Дагестана. СПб.: Полторацк, 2013. 424 с.

В первой из монографии подробно описывается процесс создания Добровольческой армии, события знаменитого Ледяного похода, в полемической форме описываются второе наступление Добровольческой армии на Кубань, борьба за Ставрополье, занятие региона Терека и Дагестана. Помимо многочисленных опубликованных источников и данных шести архивов, автор использовал обширную историографию, не упустив из поля зрения даже небольшие публикации. Это позволило Владимиру Борисовичу систематизировать представления ученых о Гражданской войне на Северном Кавказе, дать взвешенные оценки мемуарным источникам, что в значительной мере предопределило успех вышедшей из печати работы.

Закрепляя его, автор уже в новой монографии существенно расширил архивную базу исследования, что не могло не сказаться на результате: монография, основанная во многом на материалах Терека и Дагестана, стала новым явлением в изучении истории Гражданской войны в регионе.

Свою исследовательскую нишу нашел и другой петербургский историк А.С. Пученков. Сфера его научных интересов — национальная политика А.И. Деникина, история событий на Украине и в Крыму до начала деятельности П.Н. Врангеля.¹⁸

Как и В.Б. Лобанов, А.С. Пученков опирается на многочисленные архивные документы, в том числе на ряд украинских — Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины, Государственный архив Одесской области. Исследовательскую работу Александр Сергеевич провел и в Бахметевском архиве (США), в отделах рукописей Российской государственной библиотеки и Российской национальной библиотеки.

Достойная источниковедческая база позволила автору проследить развитие взглядов А.И. Деникина на национальный вопрос. При этом исследователь отдельно изучил взгляды Антона Ивановича на польский, финляндский, грузинский, армянский, азербайджанский, северо-кавказский, украинский, бессарабский и еврейский вопросы.

В целом, монография, посвященная национальной политике генерала А.И. Деникина, получилась информационно насыщенной, снабженной интересными приложениями, впечатляющим именованным указателем (с. 324–335).

¹⁸ Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918—весна 1920 г.). СПб.: Полторак, 2012. 338 с.; Он же. Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб.: Нестор-История, 2013. 352 с.

Из текста монографии неясно отношение белогвардейского лидера к белорусам и литовцам. Кроме того, трудно согласиться с мнением автора, заявившим о победе Польши в советско-польской войне 1920 г.¹⁹

О стремительном росте А.С. Пученкова как ученого свидетельствует его монография, посвященная исследованию политических процессов на Украине и в Крыму. Автор изучил деятельность П.П. Скоропадского, его идеологию и взаимоотношения с белым движением. В книге немало внимания уделено вопросам германской оккупации Украины, предпосылкам французской интервенции юга Украины и России.

А.С. Пученков подготовил книгу об истории Украины и Крыма в 1918 — начале 1919 гг., основываясь на материалах 21 архива и рукописных фондов крупных книгохранилищ, что позволило ввести в научный оборот новый пласт источников, в том числе и весьма колоритные воспоминания, такие как, например, воспоминания харьковского губернатора генерала П. Залесского.

Огромную ценность для современных исследователей представляет монография известного омского профессора А.А. Штырбула.²⁰

Сибирские и дальневосточные издания об истории Гражданской войны в России — явление особое. Они представляют огромный интерес как минимум по трем причинам. Во-первых, основанные, как правило, на местных архивных и других документах, они обладают огромной информационной новизной. Во-вторых, к сожалению, для историков, проживающих и работающих в европейской части России, труды коллег из региона Сибири и Дальнего Востока почти недоступны.

Но есть и третья очень веская причина, по которой работы зауральских коллег требуют особо пристального внимания. Дело в том, что региональная история Сибири и отчасти Дальнего Востока в меньшей степени, чем региональная история в Европейской России, насыщена трудами, так или иначе связанными с сюжетами Великой Отечественной войны. Некоторым коллегам такая взаимосвязь покажется странной. Между тем дефицит собственной истории, связанной с событиями Великой Отечественной войны (не считая истории работы тыла, вопросов мобилизации и т. д.) во многом, на мой

¹⁹ Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918—весна 1920 г.). С. 56.

²⁰ Штырбул А.А. покушение на Колчака: историческое расследование. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2012. 392 с.

взгляд, инициирует активность сибирских и дальневосточных коллег в изучении истории именно Гражданской войны.

К сожалению, о работе сибирских коллег в Европейской России в основном известно лишь по материалам научных конференций, проводимых по инициативе кемеровского профессора С.П. Звягина.

Вот почему монография А.А. Штырбула «Покушение на Колчака», изданная тиражом всего лишь в 100 экземпляров, представляет особый интерес.

В ней прекрасно сочетается использование архивных документов с достижениями историографии, в том числе широко известной когда-то монографией А.Х. Клеванского «Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус», изданной в далеком 1965 г.

В монографии Анатолия Алексеевича есть множество сведений, дающих возможность убедиться в сложности обстановки, складывавшейся в различных регионах страны в период Гражданской войны. Например, описывая события во Владивостоке осенью 1919 г., автор, ссылаясь на архивные документы, пишет: «По данным контрразведки, "с приездом Гайды [во Владивосток] его поезд стал настоящим осиным гнездом, около него группировалось много старых видных эсеров. Организация в поезде именовала себя «Центральным Бюро Военных Организаций Сибири». В поезде, а также на Нагорной улице под охраной чехов происходили совещания с участием представителей от чехов, американцев, эсеров, максималистов, местных представителей большевистских организаций, представителей офицерства и партизан с Сучана, Ольги и Уссури. Организация располагала очень крупными суммами денег. Вся работа этой организации, определенно установленная агентурой, была вне досягаемости русских властей"». ²¹

Монография А.А. Штырбула представляет собой образец академической по стилю и новаторской по сути научной работы. Особую ценность представляют обобщения, касающиеся событий Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. Остается лишь сожалеть, что этот основательный научный труд недоступен для большинства исследователей истории Гражданской войны.

К числу не меньших редкостей следует отнести и две великолепные монографии новосибирского историка В.Г. Кокоулина, вышедшие из печати в 2013 г. ²²

²¹ Там же. С. 252.

²² *Кокоулин В.Г.* Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 — март 1921 г.). Новосибирск: Сибирь-наука: XXI век, 2013. 385 с.; Он же.

Монография о повседневной жизни горожан Сибири в 1914–1921 г. выпущена тиражом в 100, а монография, посвященная исследованию жизни Алтая в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма», — тиражом в 80 экземпляров. При этом обе монографии написаны на очень высоком исследовательском уровне и могли бы стать настоящим учебным пособием для молодых ученых.

При подготовке первого из этих изданий Владислав Геннадьевич использовал документы из Государственного архива Алтайского края, Государственного архива Новосибирской области, Государственного архива Томской области, Центра документации новейшей истории Томской области, а также двух центральных архивов. Из трех глав монографии одна (вторая) посвящена событиям Гражданской войны с июня 1918 по декабрь 1919 г.²³ В главе акцент сделан не на военные события, а на те стороны жизни, которые неизбежно сопровождают всякую войну. Автор писал о дефиците продовольствия и промышленных товаров, о спекуляции, об ужасающей антисанитарии, квартирном кризисе, безработице, преступности. Иными словами, В.Г. Кокоулин поставил в центр внимания повседневную жизнь людей. Именно эта проза жизни, пронзительная серость повседневности очень рельефно показала все издержки Гражданской войны.

При подготовке монографии об Алтае автор использовал многочисленные фонды Государственного архива Алтайского края, Государственного архива Новосибирской области, Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Томской области, Российского государственного архива экономики, Российского государственного военного архива, Центра документации новейшей истории Томской области. По своей структуре книга очень похожа на предыдущую. Но во второй главе, посвященной Гражданской войне²⁴, исследуются совершенно другие сюжеты. В ней говорится о свержении власти Советов, о выжидательной позиции разоренного войной крестьянства, о крахе эсеров, о бремени колчаковщины, о стихийном

Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 — март 1921 г.). Новосибирск: ВУНЦ СВ «ОВА ВС РФ», 2013. 456 с.

²³ Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 — март 1921 г.). С. 118–226.

²⁴ Кокоулин В.Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 — март 1921 г.). С. 105–247.

и не стихийном формировании партизанских отрядов, о разгроме белогвардейцев как итоге кровопролитнейшей Гражданской войны.

Обе книги В.Г. Кокоулина изобилуют многочисленными фактами, цифрами, именами и фамилиями, событиями и поступками. Оценки автора очень точны.

О сложности обстановки на Алтае в июне 1920 г., как впрочем и в другое время, и в других регионах, говорит фрагмент воззвания «начальника штаба крестьянского восстания» Ф.Д. Плотникова: «Мы боролись за истинную свободу всех трудящихся. Долой насилие коммунистов! Да здравствует власть всех трудящихся! Да здравствует советская крестьянская власть!». ²⁵

Яркие и самобытные труды сибирских коллег говорят о значительном научном потенциале региона.

Заметным событием последнего времени стал выход из печати работы московского историка А.В. Ганина, посвященной истории офицерства Российского Генерального штаба в 1917–1922 гг. ²⁶ Из восьми книг, написанных автором (точнее, семи, поскольку одна из них с дополнениями и исправлениями была издана на сербском языке), последняя работа — одна из самых основательных. Основательность заключается не только во внушительном объеме и даже не в том, что в издании в той или иной мере идет речь более чем о 2600 персоналиях. ²⁷ В книгу вошли статьи и документы, всесторонне раскрывающие деятельность офицеров Российского Генерального штаба в 1917–1922 г. До сих пор ничего подобного по своим масштабам и по глубине проникновения в суть проблемы историография не знала.

Одна из главных идей монографии — исследование корпоративного единства генштабистов, которое нередко было выше политики и карьеры.

Приятно удивляет, что А.В. Ганин, не имея военного образования и опыта военной службы, сумел понять не только нюансы повседневной деятельности генштабистов в годы Гражданской войны в России, но и саму атмосферу их взаимоотношений, скрытые особенности корпоративной этики, нравственные приоритеты этой военной интеллектуальной элиты.

²⁵ Там же. С. 315.

²⁶ Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М.: Русский путь, 2013. 880 с.

²⁷ Там же. С. 852–876.

Ценно то, что Андрею Владиславовичу удалось показать «многоуровневость» генштабистской среды. С одной стороны — это «классические генштабисты», «курсовики» и т. д., а с другой — совершенно разные по политическим убеждениям люди, о чем подробно и неоднократно говорится в работе. Как иллюстрация — фрагмент доклада слушателя Академии тверского большевика К. Подгорецкого, писавшего летом 1920 г. руководству о том, что советскими слушателями Академии Генерального штаба «пролетарская психика и дисциплина понимается умственно, в нутро не впитана».²⁸

В издании множество ценнейших наблюдений и выводов. Например, вывод о том, что «в результате Гражданской войны корпорация генштабистов утратила все свои прежние позиции в элите страны».²⁹

Интересен и такой взгляд на происходившие события: «Фактически старый Генеральный штаб стоял во главе белого движения. В этом смысле Гражданская война может восприниматься как борьба старых генштабистов за свою ведущую роль в новой России, какой бы она ни была. Эту борьбу старый Генеральный штаб безоговорочно проиграл. Выиграла же в той борьбе лишь большевистская верхушка, которая смогла использовать генштабистов различных категорий в интересах укрепления собственной власти».³⁰

Книга А.В. Ганина довольно сложна по своей структуре. Более трети ее объема составляют исследования — научные статьи, которые, как правило, в более сжатом виде публиковались в периодической печати (с. 13–306). Но в этом издании многие сведения уточнены, неточности исправлены, а ряд сюжетов дополнен новыми архивными ссылками, что позволило существенно улучшить качество публикаций.

Под отдельной рубрикой опубликованы статьи, посвященные персоналиям (с. 307–474). Среди них яркие и очень противоречивые фигуры Г.И. Теодори, Н.К. Раша, братьев Игнатьевых.

Значительную ценность представляют вводимые в научный оборот отдельные документы (с. 475–766), а также внушительная историография (с. 767–842), выводы, сделанные в заключении (с. 843–846), приложение — список научных публикаций А.В. Ганина (с. 847–851).

²⁸ Там же. С. 75.

²⁹ Там же. С. 94.

³⁰ Там же. С. 94–95.

В конце декабря 2013 г. А.В. Ганин блестяще защитил докторскую диссертацию: история красных и белых генштабистов времен Гражданской войны заняла достойное место в отечественной историографии.

Подтверждением того, что исследуемая проблема стала весьма актуальной, являются не только публикуемые монографии и защищаемые диссертации, но и многочисленные выходящие в свет журнальные статьи. Среди них, например, такое востребованное историками издание как журнал «Интеллигенция и мир».³¹

История Гражданской войны в России как научная проблема неисчерпаема.

На нынешнем исследовательском рубеже четко обозначился баланс научных знаний об истории деятельности сторон, противоборствовавших после Октября 1917 г. на постимперском пространстве. Во многом этот баланс состоялся благодаря форсированному исследованию в последние годы «белогвардейской» составляющей.

Некоторой деформации изучения истории Гражданской войны способствовало то, что, как и в советское время, сейчас изучение проблемы по-прежнему политизировано. То, что политические симпатии и антипатии нередко меняются на противоположные, не упрощает историографической ситуации.

Ряд крупных сегментов истории Гражданской войны до сих пор нуждается в качественно новом осмыслении. Например, практически не изученной до сих пор остается история заключения Рижского мирного договора, ставшего в 1921 г. своеобразным политическим сигналом к окончанию Гражданской войны.

На мой взгляд, до сих пор не решен вопрос об определении временных рамок Гражданской войны в России. Возможно, этой теме необходимо посвятить специальное исследование.

Историография знает разные точки зрения на этот счет. Старшее поколение историков помнит утверждение о том, что Гражданская война проходила в 1918–1920 гг. Позже все чаще стало звучать мнение о том, что активная фаза войны протекала вплоть до 1922 г.

Но теперь наши коллеги все чаще справедливо обращают внимание на то, что вооруженное противостояние в России началось уже в первые послеоктябрьские дни 1917 г.

³¹ См. например: *Константинов С.И.* Специфика Гражданской войны в Урало-Поволжском регионе и военная интеллигенция России // *Интеллигенция и мир.* 2013. № 2. С. 37–59; Он же. Специфика Гражданской войны в Урало-Поволжском регионе и военная интеллигенция России // *Интеллигенция и мир.* 2013. № 3. С. 81–97.

Историки Сибири и Дальнего Востока, опираясь на колоссальные массивы опубликованных и неопубликованных документов, убеждают нас в том, что 1923 г. был годом тяжелейших военных испытаний, например, для жителей Якутии, а начало 1925 г. сопровождалось упорными боевыми действиями на Сахалине.

Сейчас, когда в сознании людей все прочней укрепляется мысль о том, что не только «Сибирь ведь тоже русская земля», но таковою является и Дальний Восток, очень важно осознать, какой ценой далась нам эта земля. Быть может, историко-философское осознание этого подтолкнет исследователей к расширению хронологических рамок Гражданской войны и в историографии вполне привычными станут такие вехи как 1917–1925 гг.

Расширение временных рамок не будет стремлением сделать историю той войны «более значимой». Но оно будет знаком проявления уважения к памяти людей, сражавшихся за свои убеждения в разных, в том числе и отдаленных районах нашей огромной страны. Это будет пониманием специфики Гражданской войны, очаги которой то затухали, то разгорались в совершенно различных регионах.

Есть все основания утверждать, что в последние годы в отечественной историографии произошел мощный качественный скачок в изучении истории Гражданской войны в России. Это обстоятельство требует сделать решительный шаг в закреплении научного успеха российского исторического сообщества.

Таким шагом должна стать подготовка и выход из печати крупного многотомного обобщающего труда, посвященного истории Гражданской войны в России.

Инициатором этого масштабного проекта вполне может стать Ассоциация историков Гражданской войны.

Р. Г. ГАГКУЕВ

Издательство «Дрофа»

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

В последнее десятилетие в отечественной исторической науке сохраняется устойчивый интерес к проблематике Гражданской войны. Гражданская война и Белое движение как ее составляющая часть — одна из наиболее актуальных для общества исторических тем. По степени внимания общественности революцию 1917 г. и последовавшую Гражданскую войну в наши дни превосходит только Великая Отечественная война и, возможно, в связи с предстоящим 100-летним юбилеем — Первая мировая война. Показатели такого пристального внимания общества вполне очевидны. Это:

1) большое количество литературы разного уровня и жанра, выходящей каждый год по теме Гражданской войны (исторические исследования, публицистика, романы);

2) художественные и документальные фильмы как в широком прокате в кино, так и на телевидении;

3) наличие большого количества сайтов и форумов в Интернете с высокой посещаемостью;

4) открытие мемориальных досок и памятников участникам Белого движения (последний такой пример — установка 13 апреля 2013 г. памятника Л.Г. Корнилову в Краснодаре).

Существовавший ранее определенный и вполне объяснимый перекос в изучении контрреволюционного лагеря стал значительно менее заметен в исследованиях. Тем не менее определенное преобладание исследований об антибольшевистском движении и Белом движении в историографии все же сохраняется.

Как справедливо отметил С.В. Карпенко, выход монографии о Белом деле сам по себе перестал быть событием: «пришли времена, когда издание "капитальных монографий" по истории Белого движения стало делом обыденным. Три десятка лет назад первые энтузиасты, почитатели "белой гвардии, черного барона", могли об этом только мечтать».¹ Период публикации поверхностных, нередко претендовавших на сенсационность исследований, давно остался позади. Введение в научный оборот большого количества российских и зарубежных источников, их комплексное осмысление привело к появлению исследований, направленных на целостное понимание Белого движения, раскрытие его сущностных характеристик.

Одним из показателей этого процесса стало появление работ, в которых различные аспекты Белого движения исследуется комплексно, на всех фронтах Гражданской войны. Сложность этой задачи заключается как в чрезвычайно широкой источниковой базе, так и в неравномерности ее распределения по разным регионам страны, неодинаковой освещенностью разных периодов Гражданской войны.

Одной из наиболее удачных попыток создания такого обобщающего труда стало многотомное исследование доцента Московского педагогического государственного университета В.Ж. Цветкова «Белое дело в России. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России». Основой для его написания стала защищенная в 2010 г. докторская диссертация.² Однако опубликованное в нескольких томах исследование значительно превосходит диссертацию, как по объему, так и по широте поднятых в ней вопросов. Монографии Цветкова посвящены проблемам формирования и эволюции политического курса и государственных структур Белого движения. Не ограничиваясь одним регионом, автор рассматривает практически все территории, на которых действовали белые фронты и политические режимы после 1917 г. В поле зрения автора находятся не только Белое движение, но и те силы, которые в той или иной форме сотрудничали с белыми правительствами. В монографиях рассматриваются также особенности внешнеполитического курса белых правительств, дается их оценка с позиции происходивших после 1917 г. перемен в национальном и гео-

¹ Карпенко С.В. Рецензия на книгу: Гагкуев Р.Г. Белое движение на Юге России: Военное строительство, источники комплектования, социальный состав, 1917–1920 гг. М.: Содружество «Посев», 2012 // Новый исторический вестник. 2013. № 1. С. 109.

² Цветков В.Ж. Формирование и эволюция политического курса Белого движения в России в 1917–1922 гг.: дис. доктора. ист. наук. М., 2010. 556 с.

политическом положении России. Отличительной чертой этих исследований Цветкова является публикация большого числа новых архивных документов по истории Белого движения, как в основном тексте книг, так и в довольно обширных приложениях.

Первая из книг исследования вышла в 2008 г.³ В ней рассматриваются особенности процесса формирования и развития политических структур русского Белого движения в 1917–1918 гг. — в период от отречения от престола Николая II и выступления генерала Л.Г. Корнилова до формирования Уфимской Директории и установления власти Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. Автор подробно анализирует вопросы политико-правового статуса структур контрреволюции, антибольшевистского и Белого движений, их взаимодействие и конфликты в начале Гражданской войны в России. Цветков предлагает свою трактовку термина «Белое движение», выделяя пять характерных признаков, отличающих Белое движение от других антибольшевистских движений. Периодизация Белого движения строится автором с учетом разнообразия условий в разных российских регионах, влиявшего на его политическую эволюцию. Большой интерес представляет раздел, посвященный правовым последствиям актов отречения от престола Николая II и отказа от престола Михаила Романова.

Одна из характерных черт событий 1917–1922 гг., по мнению Цветкова, заключалась в том, что как революционеры-большевики, так и их противники признавали необходимость изменения форм управления страной. Цветков рассматривает революцию и Гражданскую войну в России как проявление высокой общественной активности, когда решались сложные вопросы преемственности власти при ее переходе к Временному правительству. В этом отношении определенный интерес представляет утверждение Цветкова о наличии у белых правительств некоторых тенденций, касающихся местного самоуправления, получивших свое отражение в политических программах Белого движения. Автор отмечает, что в политических программах белых правительств большое место занимала идея правопреимственности, соблюдения законодательства, сложившегося в период «думской монархии». Приверженность правовым нормам, по словам Цветкова, стала своего рода лозунгом белых правительств, противопоставляемым советской законодательной практи-

³ *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008. 520 с.

ке, их ориентиром создания новой политико-правовой системы. Правда, стремление восстановить правовой порядок далеко не всегда приводило к ожидаемым результатам, а заявления о соблюдении норм законности уживались с многочисленными фактами беззакония в белом тылу и на фронте, жестокими проявлениями белого террора.

На основе изучения фактов «белого террора» Цветков рассматривает проблему «политических преступлений» и тех репрессий, которые предполагалось осуществлять в случае ликвидации советской власти, и делает вывод о необходимости разделять судебную ответственность за службу в структурах советской власти, активное содействие ее установлению — от внесудебных расправ во время военных действий на фронте и операций против партизанских отрядов в тылу белых.

Вторая книга, опубликованная в 2009 г., охватывает период наивысших успехов Белого движения.⁴ В ней рассматриваются особенности процесса формирования и развития политических структур российского Белого движения в период от установления власти Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака до наивысших военных успехов осени 1919 г. Изучаются особенности функционирования исполнительной, представительной и судебной властей в важнейший период истории Белого движения в России. Цветков подробно анализирует специфические черты различных политических моделей белой власти и общероссийские тенденции в 1919 г., дает анализ политико-правовых доктрин, разрабатываемых в это время идеологами Белого дела.

Третья книга, вышедшая в 2013 г., состоит из двух томов.⁵ Она рассказывает о заключительных периодах в истории формирования и эволюции политических структур российского Белого движения, от времени поражения наступательных операций белых армий под Москвой и Петроградом осенью 1919 г. до окончательного падения последнего белого правительства в Приморье, утверждения советской власти и образования СССР в конце 1922 г. Цветков уделяет большое внимание важнейшим переменам в общей эволюции политического курса Белого движения. Первая часть книги освещает проблемы истории Белого движения в 1919–1920 гг. в Сибири, Юге и Севере

⁴ Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009. 635 с.

⁵ Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1919–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). Ч. 1. М., 2013. 496 с.

России. Отдельного внимания заслуживает глава, посвященная формированию и эволюции аграрно-крестьянской политики Белого движения (1917–1920 гг.). Вторая часть работы рассматривает завершающий этап Белого движения в Забайкалье и на Дальнем Востоке в 1920–1922 гг.

Национальная политика главнокомандующего Вооруженными силами Юга России генерала А.И. Деникина стала темой исследования питерского историка А.С. Пученкова.⁶ Впервые в историографии им подробно проанализированы взаимоотношения южнорусского Белого движения как с национальными окраинами, оказавшимися непосредственно под белой властью, так и с территориями бывшей Российской империи, провозгласившими государственную независимость. Так, Пученков подробно рассматривает вопрос об отношении белого Юга к государственной независимости Финляндии, анализирует «польский вопрос», детально разбирает взаимоотношения белого Юга и государств Закавказья. Одна из наиболее интересных глав монографии касается противостояния между добровольцами — сторонниками единой России и украинскими самостийниками. Подробно рассматривается деятельность «Подготовительной по национальным делам комиссии», а также общественная и политическая деятельность В.В. Шульгина. Особого внимания заслуживает рассмотрение Пученковым отношения белого командования к «еврейскому вопросу», а также «погромного движения» Добровольческой армии. По заключению автора, «неспособность белых умело провести свою национальную политику характеризует весь общеполитический курс Деникина и является глубоко показательной. И если красные... сделав в период Гражданской войны ставку на союз со вчерашними "инородцами", сумели в целом заручиться их поддержкой и деятельной помощью, проявив в этом отношении куда большую гибкость, чем их противники, то усилия белых в этом направлении оказались безрезультатны, что во многом и предопределило их поражение».⁷

История Украины и Крыма в 1918 — начале 1919 гг. стала темой другого исследования А.С. Пученкова.⁸ Монография раскрывает, фактически, все аспекты существования независимого украинского государства в этот не-

⁶ Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 — весна 1920 г.). СПб., 2012. 338 с.

⁷ Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина... С. 278.

⁸ Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. 352 с.

большой период. Пученков подробно анализирует историю Украинской державы гетмана П.П. Скоропадского, немецкую оккупацию Украины, взаимоотношения Украинской державы и Белого движения, роль и значение южных монархических армий в антибольшевистской борьбе, иностранную военную интервенцию на Юге России и причины ее неудачи, причины краха режимов генералов Скоропадского и Сулькевича. Справедливо утверждение автора, что «Украинская держава стала своеобразной "подушкой безопасности", позволившей с одной стороны обезопасить Добровольческую армию от фронтального соприкосновения с главными силами большевиков, а с другой — выиграть драгоценное время для создания более крупных и боеспособных антисоветских сил».⁹ Пученков заключает, что «...проект создания независимой Украинской державы под защитой австро-германских штыков провалился. [...] "Генеральские диктатуры" Сулькевича и Скоропадского рухнули фактически в одночасье и стали доказательством того, что националистические режимы, держащиеся лишь на силе иностранных штыков, обречены на гибель». Пученков вслед за В.Ж. Цветковым приходит к выводу, что после оставления французскими войсками Одессы в начале 1919 г. «непосредственное боевое участие Антанты в Гражданской войне на Юге России, по существу, закончилось».¹⁰

Источникам комплектования, социальному составу и военному строительству белых армий Юга России посвящена вышедшая в 2012 г. монография Р.Г. Гагкуева.¹¹ В ней поставленные вопросы впервые в историографии рассмотрены комплексно, на основе материалов, касающихся всех белых армий Юга России. Немаловажно, что исследование социального состава и источников комплектования было впервые проведено не только на материалах центральных органов военного управления, но и на документах конкретных воинских частей. Автором была показана эволюция белых армий Юга России — от добровольчества до попытки строительства регулярных вооруженных сил.

Вопросы проведения мобилизационной политики советской властью и белыми правительствами затронуты в монографии «Антропология Гражданской

⁹ Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года... С. 236.

¹⁰ Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года... С. 234.

¹¹ Гагкуев Р.Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012.

войны» ростовской исследовательницы О.М. Морозовой.¹² Согласно ее выводам, «...настойчивость большевиков, агитация и система льгот для красноармейцев в итоге дали им многомиллионную армию. Большевикам удалось создать как часть государственного аппарата централизованную мобилизационную систему. У белых она оставалась разрозненной, действующей почти на инициативных основаниях». По справедливому замечанию Морозовой, у белых «отсутствовала продуманная система комплектования армии» и «даже откликнувшиеся на призыв далеко не всегда попадали на фронт». Кроме того, «параметры людского ресурса на окраинах заметно уступали центру страны».¹³

Немалый интерес у исследователей по-прежнему вызывает антибольшевистское и Белое движения на Северном Кавказе. Различным вопросам этой многоаспектной проблемы посвящены работы С.Г. Шиловой и В.Б. Лобанова.

С.Г. Шилова в своем исследовании подробно рассмотрела формирование в белых армиях Юга России национальных воинских частей из представителей народов Северного Кавказа.¹⁴ По словам автора, «...участие народов Северного Кавказа в белых армиях Юга России... вне зависимости от результатов участия, показало насколько эти народы связаны нераздельной судьбой с Россией...». Этот факт, как отмечает Шилова, свидетельствует, что горцы «также как и русские оказались в основной своей массе поделенными на красных и на белых, а не образовали единый фронт против общерусской власти. Горцы времен Гражданской войны осознавали себя гражданами России, и именно поэтому каждый народ Северного Кавказа оказался разделенным изнутри на два противоборствующих лагеря». Шилова подчеркивает, что участие в Белом движении «...различных этнических групп усилило ряды белых армий Юга России, причем помимо количественного роста людских ресурсов в рамках этого политического лагеря» присутствовал и «более важный аспект межэтнического единства» — «единение в борьбе против сил, стремящихся разрушить привычный уклад жизни». В данном контексте, по мнению исследователя, это обстоятельство «символизирует то, что вся Россия, включая и так называемую "иностранческую" часть населения, объединилась в противостоянии разрушителям традиционных ценностей — большевикам».

¹² Морозова О.М. Антропология Гражданской войны. Ростов-на-Дону, 2012.

¹³ Морозова О.М. Человек в условиях Гражданской войны... С. 38.

¹⁴ Шилова С.Г. Военные формирования народов Северного Кавказа в белых армиях Юга России: дис. канд. ист. наук. М., 2007. 182 с.

Питерский историк В.Б. Лобанов в своей первой монографии подробно анализирует «Белое движение на Северном Кавказе».¹⁵ Наряду с подробным освещением занятия белыми в 1918 — начале 1919 г. Терско-Дагестанского края, политикой белых в этом регионе Лобанов подробно рассматривает и уже достаточно хорошо изученные разные аспекты Первого и Второго Кубанских походов. Автор отмечает, что Гражданская война на Северном Кавказе имела свои специфические особенности. В этом регионе «как в миниатюре отражались все социальные, национальные, экономические противоречия, существовавшие в России XX века».¹⁶ Северный Кавказ, по мнению Лобанова, был «достаточно беспокойным» для белых тыловым районом. В то же время, автор подчеркивает, что не стоит и «преувеличивать значение горских восстаний и частичного партизанского движения в Черноморской и Ставропольской губерниях». Размах «антидобровольческого» движения на Северном Кавказе до начала 1920 г. не достигал критической отметки и «в целом не отвлекал значительных сил на его подавление». По мысли Лобанова, «...стабильная лояльность кубанского и терского казачества обеспечивала достаточно уверенное положение белой власти в регионе на протяжении всего 1919 г.». Вместе с тем «эта видимая стабильность» не была прочной. Нерешенность национальных и социальных проблем подтачивала белую власть в этом регионе изнутри. Непрочность выразилась в том, «с какой легкостью в начале 1920 г. за короткий период на территории региона была установлена советская власть». В существенной степени это было связано с нереализованными надеждами, которые население Северного Кавказа возлагало на белую власть.¹⁷

Во второй монографии В.Б. Лобанова «История антибольшевистского движения на Северном Кавказе, 1917–1920 гг.: на материалах Терека и Дагестана»¹⁸, в научный оборот вводится большое количество новых источников, в том числе из региональных архивов. Автор сделал упор на рассмотрении трех течений антибольшевистского движения в регионе: терского казачества (как составной части южнорусского Белого движения), леволиберальной общественности и шариатистов. Обобщенный вывод Лобанова о политике бе-

¹⁵ Лобанов В.Б. Белое движение на Северном Кавказе (ноябрь 1917 — май 1919 г.). Санкт-Петербург, 2012. 182 с.

¹⁶ Лобанов В.Б. Белое движение на Северном Кавказе... С. 157.

¹⁷ Лобанов В.Б. Белое движение на Северном Кавказе... С. 161.

¹⁸ Лобанов В.Б. История антибольшевистского движения на Северном Кавказе, 1917–1920 гг.: на материалах Терека и Дагестана. СПб., 2013. 424 с.

лых лидеров на Северном Кавказе в 1918–1920 гг. сводится к утверждению о том, «что белое руководство не смогло предложить местным жителям нечто новое», более приемлемое по сравнению с политикой, проводившейся Российской империей. Белые в силу разных причин «не смогли привлечь на свою сторону широкие массы населения» — как казаков, так и горцев. Властная модель, построенная белыми в Терско-Дагестанском крае, фактически копировала старую царскую модель управления в регионе. По мнению автора в такой ситуации «переход симпатий широких масс горцев и части казачества на сторону советской власти», которая в 1917–1918 гг. «пыталась урегулировать земельный и национальный вопросы в регионе, по возможности соблюдая интересы всех заинтересованных сторон», был логичным.¹⁹

Саратовский исследователь А.В. Посадский в своей монографии рассказывает о Гражданской войне на Волге — Саратовском Поволжье и сопредельных территориях.²⁰ Несомненным достоинством этого издания стало обращение автора к ряду малоизученных сюжетов Гражданской войны в Поволжье. В их числе история белого Саратовского корпуса, особенности Южного и Восточного фронтов контрреволюции и проблемы их взаимосвязи, организация белыми гражданского управления и правоохранительных органов на территории Поволжья и др. Заслуживает внимание вывод автора, что «...финальная часть Гражданской войны — вал крестьянских восстаний — показала, что без всероссийского центра или хотя бы всероссийской заявки на противостояние большевистской власти победа невозможна. Нэп стал временной победой... означавшей конечное поражение национальных сил».²¹

Вышедшее в 2011 г. исследование Л.Г. Новиковой охватывает комплекс вопросов, связанных с историей Белого движения на Севере России.²² В монографии рассмотрены как политические, так и военные аспекты русской контрреволюции на Севере России в 1917–1920 гг. — от февраля 1917 г. до установления советской власти в 1920 г. По мнению автора, «...белые правительства пытались построить национальное государство, а не династическую империю и во многих отношениях, несмотря на противостояние большеви-

¹⁹ Лобанов В.Б. История антибольшевистского движения на Северном Кавказе... С. 335–336.

²⁰ Посадский А.В. От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. М., 2010. 412 с.

²¹ Посадский А.В. От Царицына до Сызрани... С. 397.

²² Новикова Л.Г. «Провинциальная» контрреволюция: Белое движение и Гражданская война на русском Севере. М., 2011. 384 с.

кам, являлись не противниками, а наследниками российской революции».²³ Новикова отмечает, что «...пытаясь создать массовую армию и выстроить систему местного управления, белые демонстрировали прагматизм и некоторую политическую гибкость. Они приспосабливались в обстановке пореволюционной России, к местным условиям своего существования. Белое движение впитало в себя широкие слои региональных элит и в значительной мере учитывало в своей политике традиционные условия Русского Севера и нужды его населения. Хотя во многом это сделало белую политику локальной, тем не менее, способность белых адаптироваться к местным обстоятельствам свидетельствовала о политическом потенциале Белого движения».²⁴ Заслуживает внимания и общий вывод автора о причинах поражения Белого движения: «...Возникнув на окраинах России, русская "контрреволюция" так и осталась провинциальной. Способность белых вести борьбу с большевистским центром ограничили скудные людские и материальные ресурсы отдаленных провинций. А редкие линии коммуникаций не позволили эффективно использовать даже имевшиеся резервы. В итоге именно географические и военные, а не политические факторы, вероятно, сыграли решающую роль в судьбе Белого движения».²⁵

В исследовании сыктывкарского историка И.И. Ластунова рассмотрен широкий круг проблем политической и социально-экономической деятельности региональных органов управления на европейском Северо-Востоке России в 1917–1922 гг. (в Коми крае), подробно проанализирована история создания вооруженных формирований и репрессивной политики в данном регионе.²⁶ «Главными причинами победы большевиков в регионе (не считая военного вмешательства частей Красной армии...), — по мнению Ластунова, — были организационная слабость и политическая неопытность большинства представителей местной интеллигенции, которая была не готова в жесткой политической борьбе, часто меняла свою политическую ориентацию, была расколота между собой».²⁷

²³ Новикова Л.Г. «Провинциальная» контрреволюция... С. 263.

²⁴ Новикова Л.Г. «Провинциальная» контрреволюция... С. 266.

²⁵ Новикова Л.Г. «Провинциальная» контрреволюция... С. 266.

²⁶ Ластунов И.И. Политическая и социально-экономическая деятельность органов местного управления на Европейском Северо-Востоке в годы Гражданской войны (конец 1917–1921 гг.). Сыктывкар, 2010. 248 с.

²⁷ Ластунов И.И. Политическая и социально-экономическая деятельность органов местного управления на Европейском Северо-Востоке... С. 234–235.

Рубежными для освещения вопросов военного строительства белых вооруженных сил на Восточном фронте Гражданской войны стали работы Д.Г. Симонова, который в настоящее время выступает, по сути, главным специалистом в сфере военного строительства в Сибири в 1918–1919 гг. Это теме посвящен ряд написанных им статей, диссертация и монографии.²⁸

Особому Маньчжурскому отряду атамана Г.М. Семенова посвящена монография иркутского исследователя А.М. Романова.²⁹ Автор не ограничивается изучением деятельности одного лишь Особого отряда, уделяя внимание анализу деятельности всех вооруженных формирований созданных атаманом Семеновым в Забайкалье в 1917–1919 гг. Говоря о не изученности темы, Романов отмечает, что Отдельный Маньчжурский отряд «фактически стал одним из первых белогвардейских вооруженных формирований не только в Сибири и на Дальнем Востоке, но и во всей России. В самом начале своей деятельности отряд являлся классическим добровольческим формированием, в состав которого вступила наиболее решительно настроенная часть офицеров, юнкеров, кадетов, казаков и солдат бывшей Русской армии».³⁰

Заключительному этапу Гражданской войны на Дальнем Востоке посвящена монография исследователя из Уссурийска И.Л. Рыжова «Последний поход: Заключительный этап Гражданской войны в России», вышедшая в 2013 г.³¹

В исследовании подробно описаны бои Приамурской Земской рати с частями Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Рыжов подробно расписал состав и численность частей, участвовавших в боях с обеих сторон. Заслуживает внимания, что автор исследования на документальной основе создал и впервые опубликовал карты ряда боев в Южном Приморье осенью 1922 г.

Наряду с работами, посвященными непосредственно изучению Белого движения, в последние годы появляются издания, в которых предпринимается попытка комплексно рассмотреть процессы в обеих противостоящих в Гражданской войне лагерях. Важными работами для изучения темы русского офицерского корпуса периода Первой мировой — Гражданской войн стали исследования

²⁸ Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010.

²⁹ Романов А.М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова. Иркутск. 2013. 308 с.

³⁰ Романов А.М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова. С. 247.

³¹ Рыжов И.Л. Последний поход: Заключительный этап Гражданской войны в России (сентябрь — октябрь 1922 года в Приморье). Владивосток, 2013. 316 с.

А.В. Ганина «Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.»³² и И.Н. Гребенкина «Русский офицер в годы мировой войны и революции 1914–1918 гг.»³³

Продолжают выходить и биографические справочники участников Белого движения. Заметным событием стал выход в свет справочника по генералам белого Восточного фронта, подготовленного историками И.В. Купцовым, А.М. Буяковым и В.Л. Юшко.³⁴ Немалую ценность представляет и двухтомный справочник московского историка С.В. Волкова «Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога»,³⁵ в котором собраны сведения о более чем 18,5 тысячах штаб-офицерах и генералах Русской армии после крушения традиционной русской государственности в 1917 г.

По-прежнему немало исследований посвящено биографиям деятелей Белого движения. Из работ, вышедших в последние годы, следует выделить работы московских историков А.С. Кручинина «Адмирал Колчак»³⁶ и В.Ж. Цветкова «Генерал Алексеев»,³⁷ питерского специалиста А.В. Смолина «Два адмирала. А.И. Непенин и А.В. Колчак в 1917 г.»³⁸ и др.

В заключение отмечу, что сам по себе выход за последние несколько лет немалого числа объемных исследований, посвященных русской контрреволюции, в определенной степени свидетельствует об определенной исчерпанности изучения Белого движения в рамках отдельных фронтов. По замечанию С.В. Карпенко — «исчерпанности если и не полной, не совершенной, то уже ощутимо близкой». Вполне очевидно, что в 2010-е годы степень изучения проблематики Белого движения (и шире — всех антибольшевистских сил) усилиями многих историков и энтузиастов изучения Белого дела в существенной мере подтянулась к уровню, достигнутому советской историографией в изучении Красной армии и становления советского государства в

³² Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. 895 с.

³³ Гребенкин И.Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции 1914–1918 гг. Рязань, 2010. 400 с.

³⁴ Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны. Биографический справочник. М., 2011. 672 с.

³⁵ Волков С.В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога. Т. 1. М., 2012. 736 с.; Т. 2. М., 2012. 728 с.

³⁶ Кручинин А.С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2010. 538 с.

³⁷ Цветков В.Ж. Генерал Алексеев. М., 2014. 544 с.

³⁸ Смолин А.В. Два адмирала. А.И. Непенин и А.В. Колчак в 1917 г. СПб., 2012. 212 с.

годы Гражданской войны. «И, похоже, пришла пора по-новому исследовать экономические, социальные, политические, военные и духовные явления и процессы, составлявшие эпоху Гражданской войны. А именно: с одной стороны, сужать, заострять тематику исследований, с другой — переходить к сравнительному изучению "красных" и "белых"... в ходе "второй русской смуты" на конкретной, ограниченной территории», соблюдая «единство места и времени действия».³⁹

³⁹ Карпенко С.В. Рецензия на книгу: Гагкуев Р.Г. Белое движение на Юге России... С. 112.

В. В. КАЛАШНИКОВ

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)*

ИНОСТРАННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ КАК ФАКТОР ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Одним из спорных вопросов в современной историографии гражданской войны в России является оценка роли иностранной интервенции. Для постсоветской историографии характерно стремление пересмотреть ту трактовку этого вопроса, которая доминировала в советской историографии. При этом, по нашему мнению, некоторые новые трактовки не приближают, а отдаляют нас от понимания событий прошлого.

В *советской* историографии была принята формула «*гражданская война и иностранная интервенция*», которая показывала, что гражданская война в России (внутренний конфликт) рассматривалась историками в неразрывной связи с иностранной интервенцией (внешним конфликтом).¹ Часто эта позиция отражалась в названиях работ.² При этом историки подчеркивали решающую роль интервенции в *развязывании и затягивании крупномасштабной* гражданской войны в России, ориентируясь на известное высказывание

¹ Все выделения в тексте статьи, за исключением особо оговоренных, сделаны автором статьи.

² См.: *Найда С.Ф., Наумов В.П.* Советская историография Гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР. М., 1966; *Наумов В.П.* Летопись героической борьбы. Советская историография Гражданской войны и империалистической интервенции в СССР (1917–1922). М., 1972 и др.

В.И. Ленина о том, что именно «всемирный империализм ... вызвал у нас, в сущности говоря, гражданскую войну и виновен в ее затягивании».³

Эта ленинская цитата не трактовалась буквально и рассматривалась в контексте других ленинских высказываний. И общим было понимание того, что понятие «гражданская война» может использоваться как в широком, так и в узком смыслах.

В широком смысле — это эпоха *вооруженной борьбы* внутри страны, которая началась восстанием солдат Петроградского гарнизона в февральские дни 1917 года и затем проходила, как одна из форм классовой борьбы, с разной степенью интенсивности до конца 1922 г.

В узком смысле — это особый период в истории революционной России, когда военный вопрос был главным; это период крупномасштабной «фронтальной» войны с участием регулярных армий. Начало именно этого периода связывалось с внешним фактором: иностранной военной интервенцией.⁴

В *постсоветской* историографии фактор интервенции нередко не подчеркивается, а то и просто обходится стороной. Ряд современных авторов прямо критикуют советскую историографию за преувеличение роли интервенции и видят в этом определенный умысел. Так, А.Б. Данилин, С.В. Карпенко и Е.Н. Евсеева полагают, что, по крайней мере, с 1930-х гг. советские историки, связав начало гражданской войны с интервенцией, стремились таким образом скрыть «главные, внутренние причины резкого обострения уже идущей войны». Такими причинами авторы считают: *разгон Учредительного собрания, Брестский мир, национализацию промышленности и введение большевиками продовольственной диктатуры*.⁵

Близок к этой позиции А.А. Искендеров, который полагает, что под воздействием «Краткого курса» истории ВКП(б) «акценты стали смещаться в сторону внешнего фактора: иностранная военная интервенция изображалась как начало и первый период Гражданской войны». При этом советские историки, якобы, преследовали «совершенно определенную цель: как можно дальше по времени развести два события — Октябрьскую революцию и Гражданскую войну и тем самым *затушевать, а то и полностью скрыть их*

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т.39. С. 343.

⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М. 1987. С. 7–9.

⁵ Данилин А.Б., Евсеева Е.Н., Карпенко С.В. Гражданская война в России 1917–1922 // Новый исторический вестник 2000 №1. Эл. адрес статьи: http://www.nivestnik.ru/2000_1/6.shtml.

связь и взаимообусловленность, а истоки Гражданской войны искать не во внутренних, а во внешних факторах». Автор называет внутренние причины, которые, по его мнению, сделали неизбежной гражданскую войну: *Брестский мир, политика национализации, красный террор.*⁶

В определенной мере эту позицию разделяет и В.И. Голдин, один из ведущих историографов гражданской войны: «Выводить *истоки и причины* гражданской войны в России, — пишет В.И. Голдин, — из иностранного вмешательства и международной интервенции, как это нередко делалось в советской историографии, вряд ли следует». Перечисляя пять факторов, которые «повернули ход ... истории в русло широкомасштабной гражданской войны», он на первое место поставил «развернувшееся противоборство города и деревни в условиях голода... и *чрезвычайные действия советской власти по спасению ситуации*» (*продовольственная диктатура, продотряды, комбеды*). Интервенция поставлена на последнее, пятое место.⁷

Позволю себе не согласиться с позициями, высказанными упомянутыми авторами. Прежде всего, отмечу свое несогласие с тезисом о том, что советские историки, якобы, выводили *истоки и причины* гражданской войны из иностранного вмешательства, *искали их не во внутренних, а во внешних факторах*. По моему мнению, никто из советских историков не занимал такой примитивной позиции. Сам термин «гражданская война» фиксировал взгляд историков на события как на войну граждан внутри страны. Не только в научных работах, но и во всех учебниках доминировало положение о том, что и революция, и гражданская война в России были вызваны глубокими внутренними противоречиями и представляли многоэтапный, но в сущности единый, процесс борьбы за утверждение нового строя. Напомню тот факт, что первая многотомная история гражданской войны начиналась с изложения событий Февральской революции. И первый том был издан в 1936 г.⁸ Таким образом, авторы тома, среди которых был И.В. Сталин, начинали гражданскую войну с февральского вооруженного восстания 1917 года.

⁶ Искендеров А.А. Гражданская война в России: причины, сущность, последствия // Вопросы истории 2003. №10. с. 77,78, 80.

⁷ Голдин В.И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск 2012. С.. 59–60, 70.

⁸ История гражданской войны в СССР. Т. I. М.: ОГИЗ, 1936.

Первый непосредственно послеоктябрьский этап оценивался советскими историками как период триумфального шествия советской власти. Такая оценка фиксировала не отрицание идущей в стране гражданской войны, а указание на тот факт, что в рамках этого периода острые формы гражданской войны носили локальный характер, и внутренние противники большевиков демонстрировали полную неспособность оказать им серьезное сопротивление. И эту позицию советских историков трудно оспорить. Поскольку нельзя оспорить тот факт, что к апрелю 1918 г. все внутренние противники большевиков были разбиты и не могли создать угрозу их власти. Зная это, большевики имели армию в 155 тыс. человек, набранную из добровольцев и развернутую в основном на западе как «завеса» от германцев. Хорошо известно и то, что весной 1918 г. Ленин считал, что «задача подавления сопротивления в настоящее время *в главных чертах* уже закончена, и на очередь ставится теперь задача управления государством».⁹

Что касается этапа широкомасштабной «фронтной» войны, открывшегося с лета 1918 г., то советские историки действительно подчеркивают решающую роль иностранной интервенции в его начале. Однако видят эту роль в том, что интервенция привела к изменению прежнего соотношения сил внутри страны: она создала новые возможности для противников большевиков оказать им сопротивление и вновь поставить вопрос о власти на повестку дня. Подчеркивая роль внешней интервенции в развязывании широкомасштабной войны, никто из советских историков не отрицал того факта, что она оставалась по своей сути гражданской войной, вытекала из глубоких внутренних противоречий. Напротив, советские историки всегда вели речь о взаимодействии сил внешней и внутренней контрреволюции и показывали, что в разные периоды войны это взаимодействие принимало разные формы. Именно так трактовалась эта проблема и в пресловутом «Кратком курсе», на который любят ссылаться, к месту и не к месту, критики советской историографии. В последнем было сказано следующее: «Таким образом, уже в первой половине 1918 года сложились *две определенные силы*, готовые пойти на свержение Советской власти: *иностранные империалисты Антанты и контрреволюция внутри России. Ни одна из этих сил не обладала достаточными данными для того, чтобы самостоятельно пойти на свержение Советской власти.* ...Условия борьбы с Советской властью диктовали объединение обе-

⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 4–5, 128–129, 172

их антисоветских сил, *иностранной и внутренней*. И это объединение сложилось в первой половине 1918 года».¹⁰

Очевидно, что данная трактовка далека от того, чтобы выводить истоки и причины гражданской войны из иностранной интервенции. У «Краткого курса» много пороков, но трактовка этого вопроса не входит в их число.

Изложенная выше трактовка причин и истоков гражданской войны отражена в авторитетных изданиях, которые выходили в разные годы: в статьях «Советской исторической энциклопедии»,¹¹ «Большой советской энциклопедии»¹² и во многих статьях энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР», которая как бы подвела итоги развития советской историографии этой проблемы.¹³

Как было показано выше, упомянутые мною современные авторы с этим не согласны. Они отрицают или ставят на последнее место роль интервенции и полагают, что главными причинами широкомасштабной гражданской войны стали действия большевиков: разгон Учредительного Собрания, заключение Брестского мира, национализация, введение продовольственной диктатуры, политика красного террора.

Узкие рамки статьи не позволяют подробно полемизировать по этому вопросу. Ограничусь короткими ремарками:

— никакого массового протеста со стороны рабочих и крестьян в связи с разгоном Учредительного собрания не было. Большевики сняли остроту проблемы проведением объединенного III съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который закрепил решение ключевого для крестьян вопроса о земле и придал легитимность власти Советов;

— заключение Брестского мира было следствием нежелания рабочих и крестьян продолжать непонятную для них войну. Крестьяне видели в Брестском мире возможность вернуться домой и получить землю, и все попытки эсеров побудить крестьян выступить против мира кончались неудачей;¹⁴

¹⁰ Цит. по изданию: Истории ВКП(б). Краткий курс. ОГИЗ. 1946. С 216.

¹¹ Советская историческая энциклопедия. Т.4. М.: Сов. энц. 1963. С. 687; Т.6. М. 1965. С. 45–51.

¹² Большая советская энциклопедия. 3 издание. Т. 7. М. 1972. С. 223–226.

¹³ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М. 1987.

¹⁴ Отношение крестьян к роспуску Учредительного собрания и Брестскому миру убедительно показано в работе известного историка-аграрника Т.В. Осиповой. См.: *Осипо-*

– национализация промышленных предприятий весной 1918 г. проводилась по инициативе рабочих, которым советское правительство безуспешно пыталось противостоять. Крестьяне отнюдь не протестовали против таких действий рабочих, и сами были заняты разделом помещичьих земель.

– красный террор был объявлен в сентябре 1918 г. и осуществлялся уже в условиях полыхавшей гражданской войны. Террор был направлен против представителей прежних правящих классов и отнюдь не был фактором, который бы побудил рабочих и крестьян начать войну против большевиков.

Иными словами, все указанные выше действия большевиков не могли вызвать массового протеста рабочих и крестьян. Они лишь усилили и без того острое чувство ненависти к власти Советов со стороны привилегированных классов, но последние были слишком малочисленны, чтобы развязать еще раз уже проигранную ими вооруженную борьбу за власть.

Вопрос о роли продовольственной диктатуры, продотрядов и комбедов — особый вопрос. Эти меры большевиков, действительно, вызвали широкое недовольство крестьянства и породили серию восстаний, которые стали составной частью гражданской войны. Однако отнюдь не крестьянские восстания положили начало крупномасштабной фронтовой войне. Эту войну против большевиков начали и организовали совсем другие силы.

Чтобы показать это, обратимся к истории возникновения первого фронта крупномасштабной войны. Как известно, он возник в Поволжье. Решение о его создании было принято Совнаркомом 13 июня. Было ли это решение вызвано необходимостью бороться с крестьянскими восстаниями? Нет. К середине июня в районе Поволжья крестьяне не были затронуты жесткими формами продовольственной политики большевиков. В продотрядах к 15 июня по всей стране насчитывалось около 3 тыс. человек, в основном это были рабочие Питера и Москвы.¹⁵ Многие отряды еще *меняли* хлеб на промышленные товары, а не отбирали его силой. Комбеды появляются только в июле-августе и сначала в центральных губерниях России.¹⁶ Поволжские крестьяне были недовольны попытками большевиков ввести хлебную монополию (декрет от 9 мая), но они ее просто игнорировали и продавали хлеб «мешочни-

ва Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. Москва. Стрелец. 2001. С. 65–66, 85.

¹⁵ История гражданской войны в СССР. В 5 томах. Т.3. М. 1958. С. 267.

¹⁶ Осипова Т.В. Крестьянский фронт в гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М.: РГГУ. 1995. С. 98–99.

кам». У большевиков не было аппарата на местах, который был бы в состоянии осуществить хлебную монополию, поэтому она и не осуществлялась. Местные Советы в Поволжье зачастую своей властью разрешали свободную торговлю хлебом. Следует учесть и то, что в Поволжье в результате раздела помещичьей земли крестьянские наделы выросли в среднем на 50 %, т.е. гораздо больше, чем в центральных губерниях.¹⁷ И крестьяне помнили, что именно большевики, а не эсеры дали эту землю. В этих условиях эсеры не смогли поднять крестьян на восстание. Таким образом, организация Восточного фронта с восстанием поволжских крестьян против продовольственной диктатуры не связана.

С чем же она связана? Ответ известен: с выступлением чехословацкого корпуса. О роли чехов в свержении Советской власти в Поволжье ясно говорил один из лидеров самарских эсеров П.Д. Климущин: «Мы видели, что если в ближайшее время не будет толчка извне, то на переворот надеяться нельзя».¹⁸

Следует отметить, что не только в Поволжье, но и в других районах страны масштабы изъятия хлеба из деревни до осени 1918 г. были весьма ограниченными. С осени 1917 г. по осень 1918 г. государство сумело заготовить только около 50 млн. пудов зерна, т.е. почти в 7 раз меньше, чем было заготовлено в 1916\1917 хозяйственном году.¹⁹ Основной товарный хлеб был реализован крестьянством через «черный рынок», немало обогатив держателей излишков хлеба. Именно поэтому недовольство крестьян продовольственной диктатурой ни в одном из регионов России само по себе не стало причиной начала нового этапа гражданской войны. Крестьянский фактор заявил о себе в полный голос уже в условиях *начавшейся крупномасштабной войны, т.е. он стал ее следствием, а не причиной.*

Выразив несогласие с позицией вышеупомянутых авторов, выскажу свое мнение о роли интервенции и *динамике взаимодействия* внешних и внутренних факторов в ходе гражданской войны в России.

1. Мой первый тезис состоит в том, что важнейшую роль *в развязывании* крупномасштабной гражданской войны в России сыграла *германская*

¹⁷ Вестник статистики. 1923. Кн. XII. С. 138.

¹⁸ См.: Пионтковский С. Гражданская война в России, 1918-1921. Хрестоматия. М., 1925. С. 59.

¹⁹ Четыре года продовольственной работы. Статьи и отчетные материалы. М.: Государственное изд-во, 1922. С. 18.

интервенция. В военном плане она привела к оккупации Украины и потере красными Дона и Кубани. Выбив красных из Таганрога и Ростова, германские войска прямо помогли укрепиться на Дону атаману П.Н. Краснову и тем самым косвенно помогли отряду А.И. Деникина укрепиться на Кубани.

В экономическом плане роль германской интервенции была еще более весомой: потеря красными Украины, Дона и Кубани означала потерю 90 % угля, 70 % металла и около половины товарных запасов хлеба. Потери угля и металла привели к остановке промышленности в Европейской России, сокращению товарообмена города с деревней. Нехватка угля осложнила работу железнодорожного транспорта и подвоз хлеба из производящих губерний. Все это привело к голоду в городах и хлебопотребляющих губерниях. Именно голод заставил Ленина ввести продовольственную диктатуру.

Итак, германская интервенция создала экономические, социально-политические и военные предпосылки для крупномасштабной войны в Советской России. Но сама по себе она этой войны не вызвала, воссоздав только ее локальный очаг на Дону и Кубани и обострив продовольственную проблему в центральных районах России.

2. Второй тезис: первый фронт гражданской войны, Восточный фронт, был создан как реакция на *интервенцию Антанты*, и помощь интервентов *имела решающее значение* на всех этапах гражданской войны на востоке России. Антанта осуществила интервенцию руками бойцов чехословацкого легиона, которые 25 мая подняли мятеж. В постсоветской историографии стало модно делать акцент на том, что legionеры выступили сами по себе из-за приказа Л.Д. Троцкого о разоружении. Суть проблемы не в том, выступили они сами по себе или нет. Суть в том, что пензенская группа legionеров, приняв решение пробиваться во Владивосток, осталась на Волге и создала волжский рубеж от Самары до Казани, а из Сибири legionеры двинулись на Урал, т. е. развернулись и пошли на запад. И мало кто из современных историков рискует прямо утверждать, что legionеры сделали это по собственной воле. Существует слишком много доказательств того, что они выполняли волю держав Антанты и сыграли *решающую роль* в свержении Советской власти в городах по линии Самара-Владивосток.²⁰

²⁰ См. одну из последних работ на эту тему: *Прайсман Л.Г.* Чехословацкий корпус в 1918 г. // Вопросы истории. 2012. № 5. С. 75–103.

ВЦИК Советов, получив известие о выступлении чехов, отбросил колебания в вопросе о введении воинской повинности и 29 мая принял соответствующий декрет. 12 июня ВЦИК объявил мобилизацию пяти возрастов рабочих и крестьян в 51 уезде Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов, т. е. в зоне действия мятежного корпуса.²¹ 13 июня СНК принимает решение о создании Восточного фронта. Эти даты и шаги говорят сами за себя: первый фронт создали там и тогда, где и когда началась большая война.

Роль чехов в ее начале была определяющей. Во-первых, они изменили соотношение сил в районах мятежа и дали возможность выйти из подполья всем активным врагам большевиков, взявшимся за оружие. Во-вторых, они вынудили большевиков проводить мобилизацию мужского населения в Красную армию, которая была крайне непопулярной среди крестьян, тем более, что пришлось на сезон сельскохозяйственных работ. В-третьих, они вынудили большевиков проводить более жесткую продовольственную политику. После захвата чехами транссибирской магистрали большевики, в совокупности с прежними потерями, утратили контроль над территорией, которая в бывшей империи давала 85 % товарного хлеба. Теперь они должны были забрать хлеб у крестьян на оставшейся территории всеми методами.

Таким образом, интервенция Антанты окончательно лишила Советское правительство возможности кормить города и потребляющие губернии без применения чрезвычайных мер. И это, конечно же, стало важнейшим фактором развертывания крайне жестокой гражданской войны. Мобилизация и жесткие реквизиции хлеба продотрядами и комбедами вызвали протест со стороны зажиточного крестьянства, который во многих случаях перерастал в восстания в тылу Восточного фронта. Однако для нас важно подчеркнуть, что эти восстания были спровоцированы уже *начавшейся* войной, были ее прямым следствием.

Комуч. Легионеры, свергнув Советскую власть в Поволжье, тут же передали ее правозэсеровскому Комучу — органу власти тех сил, которых большевики называли «демократической контрреволюцией». Как известно, в 1917 г. эсеры были крупнейшей партией в России, которая на выборах в Учредительное собрание завоевала в деревне большинство голосов. Казалось, что в условиях лета 1918 г., когда крестьянство было недовольно продовольствен-

²¹ Декреты Советской власти. М. 1959. Т. 2. С. 428–429.

ной политикой большевиков, Комуч имел много шансов на успех в Поволжье, а затем и масштабах страны.

Однако этого не случилось. При проведении мобилизации в свою «Народную армию» эсеры столкнулись с тем же, что и большевики: крестьяне не хотели воевать. Получив землю, они считали свою революцию законченной и рассматривали дальнейшие события как борьбу за власть городских политических партий, до которых им нет дела. Комуч с трудом мобилизовал в армию около 20 тыс. крестьян и тут же столкнулся с проблемой, как ее кормить: эсеры, так же как и большевики, не могли предложить крестьянам промышленных товаров в обмен на хлеб. А далее к этому добавился еще более важный фактор. В рядах армии Комуча оказалось много офицеров, которые в практике повседневной жизни встали на сторону помещиков, продолжавших жить в своих поволжских имениях. Как пишет авторитетный современный исследователь, «за демократическим фасадом Комуча, красивыми словами о свободе крестьяне увидели помещика, жаждавшего вернуть свою землю и жестоко покарать их за самоуправство в 1917 г.».²² В результате эсеры не создали ни стойкой власти, ни крепкой крестьянской армии. Легионеры продолжали оставаться главной военной силой «демократической контрреволюции» в Поволжье. Осенью большевики отбросили войска Комуча к Уралу.

Неспособность Комуча стать реальной альтернативой Советской власти объективно означала, что большевики политически уже выиграли гражданскую войну. Хотя самые тяжелые сражения были еще впереди, и их исход не был предрешен, главный вектор был уже прочерчен. На следующем этапе гражданской войны большевикам противостояло Белое движение, которое несло на себе неизгладимый отпечаток защитника интересов «старой, привилегированной России». Колчак и Деникин объективно имели много меньше шансов, чем лидеры «демократической контрреволюции», завоевать доверие народа. И это обстоятельство проливает свет на значение внешнего фактора в дальнейшей истории гражданской войны.

Этап борьбы большевиков с «демократической контрреволюцией» закончился в ноябре 1918 г. переворотом в Омске: в Сибири установилась диктатура Колчака. И легкость переворота еще раз показала слабость эсеровской альтернативы большевизму.

²² Кондрашин В.В. Самарский Комуч и крестьянство / Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 127.

Колчак. Пока большевики сражались с legionерами на волжском и уральском рубежах, Колчак создал армию, в которой legionеры и другие иностранные части численно не были значительной силой. Однако влияние внешнего фактора на ход гражданской войны на востоке России не ослабло, а усилилось. Прямая военная диктатура высших чинов царской армии в принципе была не привлекательной в глазах простого народа. И в своей программе Колчак не предложил ничего, что могло бы побудить мобилизованных крестьян стойко сражаться в его армии. Таким образом, внутренней опоры и авторитета его власть не имела. Их создавал Колчаку внешний фактор — Антанта, которая привела его к власти и *вооружила* его армию, поставив более 500 тыс. винтовок и миллионы патронов. Важно подчеркнуть, что *в условиях Сибири Колчак не мог вооружить и обеспечить свою армию без помощи Антанты*. Он эту помощь получил и только поэтому стал серьезной военной силой. Таким образом, Антанта руками чехов свергла Советскую власть в Сибири, создав плацдарм для формирования антибольшевистских сил. Затем Антанта привела к власти своего ставленника (Колчак — единственный из высших офицеров царской армии, который официально перешел на иностранную, британскую, службу) и вооружила созданную им армию. Однако уже сам процесс создания армии путем мобилизаций и снабжения ее путем реквизиций породил партизанскую войну против Колчака. Колчак почти дошел до Волги, но после первых же неудач началось массовое дезертирство и разложение его армии.

3. Третий тезис: *фактор иностранной интервенции играл решающую роль в развязывании и затягивании гражданской войны и на Юге России*. На первом этапе, как уже отмечалось, главную роль играла Германия, которая помогла атаману Краснову вооружить Донскую Армию. Только за полтора месяца Краснов получил от немцев 11 600 винтовок, 46 орудий, 88 пулеметов, свыше 100 тыс. снарядов и 11 млн. патронов.²³ Без политической поддержки и военно-технической помощи Германии армия Краснова никогда не стала бы силой, способной бросить вызов центральному правительству и начать наступление на Царицын и Воронеж. Отметим, что это наступление началось только после того, как развернулись активные действия на Восточном фронте, ибо сама по себе донская контрреволюция имела ограниченный потенциал. Наступление Краснова заставило Совнарком 11 сентября 1918 г. создать Южный фронт, второй крупный фронт гражданской войны. Войска

²³ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М. 1987. С. 144.

этого фронта вынудили Краснова уже к концу сентября перейти к обороне, а с ноября в армии Краснова началось массовое дезертирство. И фактор поражения Германии как покровителя Краснова сыграл весомую роль в отказе донских казаков от сопротивления. Исход борьбы на Юге с точки зрения внутреннего соотношения сил был очевиден: неизбежная победа красных.

Однако после ухода германцев на юг пришла Антанта. В конце 1918 г. началась крупная прямая военная интервенция: около 60 тыс. солдат и флот (10 линкоров, 9 крейсеров, 12 миноносцев). Но солдаты и матросы Антанты воевать в России не хотели. Прямая интервенция сорвалась. Тем не менее, Антанта сыграла решающую роль в превращении армии Деникина в мощную военную силу. Сам факт прихода крупных сил Антанты на юг России позволил Деникину, как признанному главному партнеру Антанты на юге, создать армию, которая объединяла добровольческие части, донских и кубанских казаков. Именно такое объединение превратило войска Деникина из чисто региональной силы в фактор общероссийского значения. Антанта поставила Деникину 450 тыс. винтовок и миллионы патроны к ним, 500 орудий, 200 самолетов, 102 танка и др.²⁴ На юге России, так же как и в Сибири, создать такие ресурсы было невозможно. Решающую роль внешнего фактора убедительно показывают и некоторые современные исследователи. Так, в своей докторской диссертации В.П. Федюк делает следующий вывод: «с приходом союзников Добровольческая армия из локального явления превратилась в важнейший фактор жизни юга. ...*Без союзнической поддержки это было бы невозможно*».²⁵

Деникин дошел до Орла, но был отброшен и разбит. Эвакуация остатков армии Деникина из Новороссийска весной 1920 г. стала актом завершения крупномасштабной гражданской войны в России.

Неудачи армий Комуча и Колчака на востоке, Краснова и Деникина на юге говорят о том, что потенциала иностранной военной интервенции было достаточно, чтобы развязать и затянуть масштабную гражданскую войну в России, но недостаточно, чтобы определить успех антибольшевистских сил. Для такого успеха не хватало фактора, который иностранная интервенция не

²⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М. 1987. С. 234–235.

²⁵ Федюк В.П. Белое движение на юге России 1917–1920 гг.: Дис. д-ра ист. наук. Ярославль, 1995 С. 511.

могла компенсировать. Главная причина поражения: узкая социальная база антибольшевистского движения, отсутствие поддержки со стороны большинства населения. Большевики в сознании народа ассоциировались с «низами». Белые — с «верхами». И эта глубинная психологическая ассоциация была важнее, чем все «мудрые» программы, построенные на принципах «непредвзятости», а точнее умолчания, которые выдвигали Колчак и Деникин на разных этапах войны. Эти программы не могли устранить многовековую социальную пропасть между «низами» и «верхами» российского общества, из которой и вытекала самая глубинная причина гражданской войны.

4. Четвертый тезис: завершающий третий этап гражданской войны в России также развивался под воздействием внешнего фактора, хотя решающее значение имели уже внутренние причины. Третий этап, как и первый послеоктябрьский этап, представлял собой серию локальных очагов вооруженного сопротивления. Сопротивление оказывала значительная часть крестьян, которые не хотели мириться с продразверсткой, после того как опасность реставрации старых порядков исчезла. Очень важную роль играло и то обстоятельство, что правительство резко увеличило заготовки хлеба в условиях, когда в 1920 г. в деревне был собран плохой урожай. Тем не менее восстания носили локальный характер и происходили в местах, где ситуация была обострена, как правило, местными факторами. Восстания не создавали реальной угрозы свержения Советской власти, но не позволяли завершить гражданскую войну. Как известно, большевики завершили эту войну весной 1921 г. путем принятия новой экономической политики.

Почему же они не сделали этого весной 1920 г., несмотря на то, что в верхах дебатировался вопрос о пересмотре продовольственной политики?

Не единственной, но весьма важной причиной, на наш взгляд, являлся «польский фактор» — понимание опасности войны с Польшей, которая претендовала на Советскую Украину и Советскую Белоруссию. «Войну, — говорил Ленин на IX съезде РКП (б), — нам могут навязать каждый день. ...Что военные приготовления ведутся, в этом нет никакого сомнения».²⁶ Нападение Польши было еще одной формой интервенции Антанты, поскольку без поддержки Франции, Польша на такую войну сама бы не решилась. Война с Польшей требовала содержания и снабжения крупной армии. Ленин полагал,

²⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 247.

что уже отлаженная система «военного коммунизма» более приспособлена к решению этой задачи. Своему практическому решению Ленин дал идеологическое обоснование, которое способствовало росту левацких взглядов в партии на возможность быстрого перехода к нерыночной экономике и противоречило ленинской стратегии «переходных шагов к социализму». Только после того, как прошла война и был заключен мир с Польшей, советское правительство могло считать, что в целом эпоха иностранной интервенции закончилась. И это открыло путь для отказа от политики «военного коммунизма» как условия завершения третьего этапа гражданской войны.

Подводя итог анализу роли иностранной интервенции в истории гражданской войны в России, сделаем вывод о том, что позиция, сложившаяся в этом вопросе в рамках советской историографии, смотрится куда более обоснованной, чем позиция ее критиков. У советской историографии было немало слабых мест, но было много и сильных. Прогресс в науке достигим только тогда, когда новые поколения историков будут способны объективно видеть и сильные, и слабые стороны в работах своих предшественников, опираться на сильные и преодолевать слабые.

Г. Л. СОБОЛЕВ

Санкт-Петербургский государственный университет

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИЙ КОМПРОМАТ КАК ФАКТОР ИНОСТРАННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Одним из способов политической борьбы против пришедших в октябре 1917 г. к власти В.И. Ленина и его сторонников стало широкое распространение подложных документов о продавшихся немцам большевиках. Политические противники большевиков хотели таким образом показать широкой общественности неприглядное лицо новых правителей России, скомпрометировать их в глазах союзников России в Первой мировой войне. По свидетельству американского журналиста Артура Булларда, находившегося тогда в Петрограде в качестве доверенного лица советника президента США полковника Э. Хауза, после прихода к власти большевиков «сомнительные по виду и таинственные фигуры» стали буквально осаждать союзнические миссии в России с предложениями продать документы о связях большевиков с Германией.¹

Однако формирование «документальной» базы о германо-большевистских «сношениях» началось задолго до прихода большевиков к власти. Обвинения против В.И. Ленина и его сторонников в том, что они находятся на «содержании» у Германии, появились в кадетской печати сразу же по возвращении вождя большевиков в Россию из эмиграции в Швейцарии. К сбору компромата на большевиков активно подключилась французская разведка, которая

¹ Мальков В.Л. О «документах Сиссона» (находки в США) // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 283–284.

получила задание от находившегося в апреле–мае 1917 г. с официальной миссией в Петрограде министра по делам вооружений Франции Альбера Тома «доказать в интересах Временного русского правительства, что группа большевиков из окружения Ленина получает немецкие деньги».² Хотя к началу июльских событий в Петрограде французской разведке так и не удалось обнаружить у большевиков «немецкое золото», именно перехваченная ею и переданная затем Временному правительству в основном коммерческая переписка между находившимися в Стокгольме представителями заграничного бюро ЦК большевиков и большевистскими лидерами в Петрограде послужила главным разоблачительным материалом против заговорщиков-большевиков и их обвинений в государственной измене. На основе этой переписки в критический период июльских событий в Петрограде в министерстве юстиции был подготовлен и опубликован в бульварной газете первый обличительный «документ» — «Ленин, Ганецкий и К° — шпионы!», с помощью которого командованию Петроградского гарнизона удалось добиться психологического перелома в колеблющихся и нейтральных частях, а Временное правительство сумело удержаться у власти.³ Начальник французской военной миссии в Петрограде полковник Лавернь в своей шифрограмме в Военное министерство Франции от 25 июля 1917 г. с удовлетворением сообщал о заслугах своей разведки, сумевшей вовремя предупредить Временное правительство и, тем самым, оказать помощь в подавлении «большевистского бунта».⁴ Более того, к тому времени, как Временное правительство 7 июля 1917 г. постановило начать расследование организации вооруженного выступления в Петрограде 3–5 июля против государственной власти, оно уже имело в своем распоряжении обвинительный акт против большевиков «в государственной измене и сотрудничестве с врагом», подготовленный французским разведчиком П. Лораном по просьбе министра-председателя Временного правительства Г.Е. Львова и министра иностранных дел М. И. Терещенко.⁵

² Попова С.С. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде по французским и российским архивным источникам. М., 2010. С. 144.

³ См. об этом: Старцев В. И. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2001. С. 32–35; Соболев Г. Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия 1914–1918. СПб., 2009. С. 266–273.

⁴ Попова С.С. Указ. соч. С. 150.

⁵ Там же. С. 314.

Многочисленные фальшивки и домыслы, появившиеся в июльские дни 1917 года в петроградской печати, стали источником вдохновения для авторов антибольшевистских материалов, получивших широкое распространение после 25 октября 1917 г. Положение большевиков после их прихода к власти было настолько отчаянным, что, казалось, они вот-вот должны пасть, и потому их политические противники принимали все меры, чтобы их дискредитировать. В декабре 1917 г. в издававшейся кадетами в Ростове газете «Приазовский край» были напечатаны компрометирующие большевистское руководство материалы, среди которых были и так называемые «документы российской контрразведки».⁶ Позднее П.Н. Милюков авторитетно утверждал, что появившиеся в газете «Приазовский край» документы являлись продолжением тех, которые окончательно разоблачают источники, из которых финансировалась подрывная деятельность большевиков. «Ссылки под документами, — писал П.Н. Милюков, — не оставляли никакого сомнения в происхождении этих документов. Это были данные, приобретенные агентами союзной разведки. Документы носили и все внутренние признаки достоверности».⁷ Однако, как мне представляется, в данном случае в П.Н. Милюкове говорил отнюдь не объективный историк, а пристрастный политик, убежденный в том, что большевики были платными агентами Германии. В этом убеждении П.Н. Милюков был не одинок. Другой известный историк Ю.В. Готье (будущий советский академик) записал в своем дневнике 28 января 1918 г.: «В газете "Фонарь" напечатаны опубликованные ранее в "Приазовском крае" документы относительно немецких денег, которые получали Ленин, Троцкий и К° на свои "предприятия" от Германии. Конечно, все это было известно и раньше, но документ имеет всегда особенную силу и вес».⁸

Именно на такое восприятие и была рассчитана акция по «отчуждению» так называемых немецких документов от их подлинных авторов и владельцев. Многократно перепечатанные в газетах, в том числе иностранных, и размноженные на пишущих машинках сенсационные документы не могли не заинтересовать тех, кому они адресовались в первую очередь, — представителей союзных посольств в Петрограде, которым явно не хватало реальных

⁶ См. об этом: *Соболев Г.Л.* Апокрифы в политической борьбе в России в 1917–1918 гг. // Политическая история России XX века. К 80-летию профессора В.И. Старцева. СПб., 2011. С. 316–321.

⁷ Последние новости (Париж). 1921. 3 апреля.

⁸ Дневник Ю.В. Готье // Вопросы истории. 1991. № 10. С. 164.

фактов для информации своих правительств. Показательно, что в секретном меморандуме Госдепартамента США от 1 декабря 1917 г. отмечалось, что, «несмотря на трудности в получении какой-либо связной информации о карьере Ленина», имеются «достаточные доказательства» того, что потраченные им значительные средства со времени приезда в Петрограде имеют германское происхождение, в связи с чем «мало сомнений в том, что он является германским агентом».⁹ На эту версию активно, но и столь же неубедительно работала союзная пресса. Нью-Йоркская «Таймс» приводила анонимное сообщение из Парижа, в котором утверждалось, что французское правительство имеет «абсолютные доказательства» того, что Ленин был послан в Россию для ведения агитации за заключение сепаратного мира с Германией. Парижская «Фигаро», ссылаясь на крупного финансиста, только что вернувшегося из России с «ошеломляющими подробностями», писала о потоке немецкого золота, которое по-прежнему поступает к большевикам.¹⁰

Однако чтобы скомпрометировать большевистское правительство, начавшее переговоры с Германией о заключении мира, были нужны конкретные факты, и они нашлись, как только в начале января 1918 г. в Брест-Литовск приехала советская делегация во главе с наркомом иностранных дел Л.Д. Троцким. Хотя, по мнению Ю. Фельштинского, «более правильной — с точки зрения интересов революции — кандидатуры, чем бывший меньшевик Троцкий, трудно было сыскать»,¹¹ в Петрограде оперативно появились «документы», согласно которым «Рейхсбанк» Германии перевел главе советской делегации на переговорах в Брест-Литовске 50 млн руб. золотом.¹² Однако главным доказательством продажности большевиков должны были стать «документы российской контрразведки», которые в феврале 1918 г. приобрел американский разведчик Э. Сиссон в Петрограде за 25 тыс. долларов. Хотя подлинность этих документов еще до их покупки американским разведчиком была поставлена под сомнение в целом ряде либеральных периодических изданий в Великобритании, США и Франции, это нисколько не смутило ни Сиссона, ни американское правительство, получившее их текст в

⁹ Уорт Роберт. Антанта и Русская революция. 1917–1918 / Пер. с англ. М., 2006. С. 228.

¹⁰ Там же. С. 227–228.

¹¹ Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917 — ноябрь 1918. Лондон, 1991. С. 146.

¹² Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская конспирация Октябрьского переворота / Пер. с англ. СПб., 2001. С. 254–255.

феврале 1918 г. по телеграфу от американского посла Д. Фрэнсиса. Сам Сиссон хотя и признавал, что приобретенные им документы не были оригиналами, тем не менее был убежден, что они были копиями подлинных документов, полученных из контрразведки Временного правительства и сопровождаемых более ранними материалами контрразведки царского правительства. В этом заблуждении американский разведчик находился до последних дней своей жизни: как доказали позднее американский историк Дж. Кеннан и российский историк В.И. Старцев, источником всех этих «документов» был петроградский журналист и авантюрист Ф. Оссендовский, хотя в их распространении принимали участие многие люди.¹³

Артур Буллард, подготовивший в марте 1918 г. для американского правительства меморандум «О германском золоте», хотя и ошибался в происхождении документов российской контрразведки: он считал, что все поступившие в американское посольство в Петрограде материалы из кадетского источника и представляли собой копии с оригиналов, которых никто не видел. Тем не менее Буллард считал, что «как газетная сенсация в Америке эта история могла бы стать страшным ударом по пацифистскому движению».¹⁴ Эта заманчивая перспектива сыграла не последнюю роль при окончательном решении вопроса о публикации в США полученных американским правительством от Сиссона «документов». Как пишет в связи с этим профессор Э. Саттон, «в 1918 г. правительство США захотело повлиять на мнение американцев после непопулярной войны с Германией, и документы Сиссона, драматически доказывая исключительную связь Германии с большевиками, обеспечивали дымовую завесу...».¹⁵ Объяснение Октябрьской революции в России «торжеством германских интриг» хотя бы на время снимало «головную боль» американского правительства, отсюда такая его заинтересованность в распространении купленных Сиссоном «документов» среди широких кругов американской общественности. «Ни одна союзная держава не придавала этим документам такое внимание, какое они привлекли в США, где они были изданы огромным для того времени тиражом в 137 тыс. экземпляров, — писал позднее американский историк К. Лэш. — Только в США они были

¹³ *Kennan G. The Sisson Documents // Journal of Modern History. 1956. Vol. XXVII. N 2; Старцев В.И. Ненаписанный роман Ф. Оссендовского. С. 42–142.*

¹⁴ *Мальков В. Л. Указ. соч. С. 288.*

¹⁵ *Саттон Э. Указ. соч. С. 44.*

опубликованы правительством, одобрены самим президентом, заявившим об их полной аутентичности, хотя на самом деле они свидетельствовали об обратном. Только в США их аутентичность была удостоверена известными историками и большинством прессы». ¹⁶ В самом деле, приобретенные Сиссоном в Петрограде «документы» были опубликованы в октябре 1918 г. по личному распоряжению президента Вильсона, а их издание и рекламу под интригующим названием «Германо-большевистский заговор» осуществлял Комитет общественной информации под руководством Дж. Крила.

И все же главная причина, которая объясняла такую заинтересованность администрации президента Вильсона в публикации «документов Сиссона», заключалась в том, что к этому времени наметился определенный поворот правящих кругов США к непризнанию Советской власти и активной борьбе с нею. Этот поворот был во многом подготовлен представителями США в Петрограде, где, наряду с американским посольством, присутствовали миссии Красного Креста, Комитета общественной информации. Разделяя первоначально разные точки зрения в отношении к большевистскому правительству, представители этих миссий в феврале 1918 г. стали склоняться к вооруженной интервенции против Советов и положили тем самым конец колебаниям американского посла Д. Фрэнсиса в пользу «решительных» действий. 21 февраля 1918 г. Д. Фрэнсис телеграфировал государственному секретарю США Р. Лансингу: «Я решительно настаиваю, чтобы мы взяли на себя управление Владивостоком, а британцы — над Мурманском и Архангельском... История показывает, что русские неспособны к великим движениям и великим достижениям, а во всех их достойных свершениях прослеживается иностранное влияние и руководство. Ныне для союзников настало время действовать». ¹⁷

Купленные в Петрограде Э. Сиссоном «документы российской контрразведки», и направленные в марте 1918 г. в Госдепартамент США, должны были, по мнению их обладателей, стать для американского правительства идеологическим обоснованием его решения вмешаться в борьбу против большевистской России.

¹⁶ *Lash Chr.* The American Liberals and the Russian Revolution. New-York, 1962.

¹⁷ Цит. по кн.: Интервенция на Северо-Западе России. 1917–1920 гг. СПб., 1995. С. 76.

А. Н. ЦАМУТАЛИ

Санкт-Петербургский институт истории РАН

ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН. (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)¹

Среди тех, кому пришлось особенно трудно в годину тяжелейших испытаний, выпавших на долю всех слоев населения России, был и офицерский корпус Российской армии. Когда после Октябрьской революции началась Гражданская война, русские офицеры оказались буквально между молотом и наковальней. После нелегких испытаний русско-японской и Первой мировой войн перед русскими офицерами встал вопрос, с кем они: с новой властью, утверждавшейся после победы большевиков в 1917 г., или с их противниками.

Многие поколения русских офицеров несли службу и шли в бой «за Веру, Царя и Отечество». В феврале 1917 г. рухнула монархия. В октябре 1917 г. новая власть, провозглашенная как власть рабочих и крестьян, призвала к борьбе за новые ценности и идеалы. Вместе с другими атрибутами «старого мира» были низвержены многие институты и нормы, прежде тесно связанные с психологией и образом жизни дореволюционного офицерства: были упразднены не только сословия, но и чины, а также их внешние атрибуты, такие как эполеты, погоны, кокарды.

В этой обстановке многие офицеры встали под знамена белых армий. Тем, кто пошел вслед за Корниловым, Алексеевым, Деникиным, казалось,

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Первая мировая война и конец Российской империи» № 12-31-10020.

что все офицеры должны были поступить так же. Однако на службу в заново созданную на новых принципах и призванную защищать Советскую власть Рабоче-крестьянскую Красную армию пошли и бывшие офицеры. Не единицы, а десятки, сотни, тысячи.

Присутствие в рядах «красных» бывших офицеров, тем более кадровых, вызывало не только недоумение, но и ненависть у тех, кто воевал на стороне «белых». В «Очерках русской смуты» А.И. Деникин вспоминал один из запомнившихся ему эпизодов начального периода Гражданской войны (в конце мая 1918 г.): «Цепи полковника [А.П.] Кутепова, мой штаб и конвой подверглись жестокому артиллерийскому огню, направленному, очевидно, весьма искусной рукой». «И.П. Романовский (начальник штаба Добровольческой армии. — *А. Ц.*), попавши в створу многих очередей шрапнели, по обыкновению невозмутимо резонерствует: "Не дурно ведет огонь каналья, пожалуй, нашему Миончковскому (полковнику, одному из лучших артиллеристов Добармии. — *А. Ц.*) не уступит"». Через месяц, повествует далее А.И. Деникин, «был захвачен в плен капитан, командир этой батареи». Когда кто-то неожиданно напомнил капитану его блестящую стрельбу, у него сорвался, вероятно, искренний ответ — «Профессиональная привычка», — писал А.И. Деникин и далее рассуждал: «И так, инертность, слабоволие, беспринципность, семья, "профессиональная привычка" создавала понемногу прочные офицерские кадры Красной армии, подымавшие на добровольцев братоубийственную руку».² За несколько строк до приведенного выше отрывка А. И. Деникин писал о той ненависти, которую белогвардейцы испытывали по отношению к офицерам, служившим в Красной армии. «У дома, отведенного под штаб, на площади, с двумя часовыми-добровольцами на флангах, стояла шеренга пленных офицеров-артиллеристов квартировавшего в Лежанке большевистского дивизиона», — писал А.И. Деникин и продолжал: «Вот она новая трагедия русского офицерства. Мимо пленных через площадь проходили одна за другой добровольческие части. В глазах добровольцев презрение и ненависть. Раздаются ругательства и угрозы. Лица пленных мертвенно бледны. Только близость штаба спасает их от расправы».³

² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. Париж, 1922. Ротапринтное воспроизведение. М.: «Наука», 1991 С. 238–239.

³ Там же. С. 238.

А.И. Деникин придавал большое значение тому, что многие бывшие офицеры и генералы русской армии в годы Гражданской войны служили в Красной армии. По его мнению, Красная армия строилась «исключительно умом и опытом старых царских генералов», что «все органы военного управления возглавлялись генералами-специалистами» и что, наконец, «особенно широко был представлен Генеральный штаб».⁴ Об этих же проблемах, в частности о службе офицеров-генштабистов в Красной армии, размышляли и писали и другие участники белого движения. При этом порой преувеличивалась степень участия бывших офицеров, в особенности генштабистов в победе Красной армии в Гражданской войне. Так, А.А. Валентинов в своих воспоминаниях писал, что в ставке генерала П.Н. Врангеля он узнал о том, что «80 проц[ентов] офицеров Генерального штаба действительно находятся на службе у советской власти».⁵ Протестуя против распространения легенды, согласно которой Генеральный штаб русской армии «во время Гражданской войны оказался по ту сторону рубежа и что ему именно обязана своей организацией Красная армия», находившийся в эмиграции Генштаба полковник А.А. Зайцов на страницах издававшейся в Париже газеты «Русский инвалид» напечатал статью «Где был наш Генеральный штаб во время Гражданской войны»,⁶ в которой доказывал, что «легенда о переходе главной массы офицеров генерального штаба в Красную армию совершенно не соответствует действительности». Тем не менее и по его подсчетам, «из числа офицеров нашего генерального штаба в Красной армии было не более 20–24 проц[ентов] общего их числа».⁷ В поддержку общей оценки роли офицеров генерального штаба в годы Гражданской войны и службы части из них в Красной армии выступил и профессор генерал-лейтенант А.К. Байов. Он написал и напечатал в эмигрантском журнале «Часовой» статью «Генеральный штаб во время Гражданской войны». Статья А.К. Байова содержала расчеты, которые в целом подтверждали главную мысль А.А. Зайцова о том, что отнюдь не 80 % генштабистов служили в Красной армии, и уточняли некото-

⁴ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. Париж, 1924. С. 16.

⁵ Валентинов А.А. Крымская эпопея // Архив русской революции. Т. 5. Берлин, 1922. С. 16.

⁶ Зайцов А.А. Где был наш Генеральный штаб во время Гражданской войны // Русский инвалид. (Париж). 1932. 07.03. № 36. С. 6–7; 22.03. № 87. С. 5–6. Цит. по: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. Справочные материалы. М., 2009. С. 816–823.

⁷ Там же. С. 823.

рые данные.⁸ В частности А.К. Байов полагал, что «к 15 июля 1919 г. из офицеров Генерального штаба Русской Императорской армии перед Февральской революцией у большевиков вольно или невольно осталось 21 %».⁹

А.А. Зайцов и А.К. Байов не были первыми, кто попытался прикинуть, как между противоборствующими армиями распределялось число офицеров Генерального штаба. Еще в ходе Гражданской войны в 1919 г. в журнале «Донская волна» была напечатана статья, написанная Генерального штаба полковником Я.М. Лисовым, «Генеральный штаб (статистический очерк к 1 декабря 1918 г.)».¹⁰ Я.М. Лисовой подсчитывал, сколько офицеров Генерального штаба оказалось в Добровольческой и Донской армиях. Он также высказывал свои мысли о причинах «массового скопления офицеров Генерального штаба в советских армиях» и полагал, что «в этой группе насчитывается 30–35 % всего состава Генерального штаба». На «убитых и умерших офицеров Генерального штаба», по мнению Я.М. Лисового, приходилось «в общей сложности около 10 %» «всего состава Генерального [штаба]».¹¹

Авторы, принадлежавшие к белому лагерю, не только занимались подсчетами, но и высказывали свое отношение как к офицерам, пришедшим в белые армии, так и к офицерам, оказавшимся в Красной армии. Так, Я.М. Лисовой писал, что «каковы бы ни были побуждения, заставившие офицеров генерального штаба вступить на этот позорный путь, их нельзя не признать достойными осуждения».¹² А.А. Зайцов и А.К. Байов придерживались в своих статьях строгой академической манеры, но само по себе их стремление «опровергнуть легенду» о том, что 80 % генштабистов служили в Красной армии, свидетельствует об их, по меньшей мере, антипатии к тем, кто оказался на стороне советской власти. Заметим также, что вышеперечисленных авторов занимала судьба, прежде всего, генштабистов.

В годы советской власти вопрос о судьбе офицеров русской армии во время Первой мировой войны, революции и Гражданской войны рассматри-

⁸ Байов А.К. Генеральный штаб во время Гражданской войны // Часовой. (Париж), 1932. 15.07. № 84. С. 3–5; Цит. по: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 824–827.

⁹ Там же. С. 825.

¹⁰ Лисовой Я.М. Генеральный штаб (статистический очерк к 1 декабря 1918 г.) // Донская волна. (Ростов на Дону). 1919. 24.02. № 9(37). С. 11–14. Цит. по: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 808–815.

¹¹ Там же. С. 814, 815.

¹² Цит. по: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 815.

вался как в общих, так и в специальных работах. Общая оценка этих работ и особенности подхода советских авторов к этой проблеме на разных этапах истории советского общества могли бы стать темой специального исследования. Сжатая, но емкая по содержанию характеристика трудов советских историков, писавших о судьбе русских офицеров в первой четверти XX в., дана в монографии А.Г. Кавтарадзе «Военные специалисты на службе Республики советов».¹³ А.Г. Кавтарадзе отмечает особенно характерное для книг и статей, изданных в 1930-е гг., огульно отрицательное отношение к русскому офицерству вообще. Он приводит выдержки из энциклопедических изданий. В частности, из статьи «Офицер» в 1-м издании «Большой советской энциклопедии», где было написано, что «основная часть бывших офицеров царской армии пошла на службу контрреволюции, всячески содействовала интервенции империалистов и составляла ядро белогвардейских армий», что «эти офицеры явились злейшими врагами рабочего класса и всех трудящихся советских республик». Была упомянута в этой статье и «другая часть бывших офицеров», которая «была привлечена Советским правительством для участия в строительстве РККА». Заметим со своей стороны, что только для «участия в строительстве РККА» привлекались бывшие офицеры, по словам автора энциклопедической статьи. Ничего не сказано о том, что бывшие офицеры были на многих командных должностях, особенно в высшем звене (о чем скажем ниже). Зато утверждалось, что «и среди этой части бывших офицеров оказалось немало предателей и шпионов, разоблаченных советской разведкой и понесших заслуженную кару». Правда, кончалась статья примирительной фразой: «Все же использование военных специалистов из бывших офицеров на службе в РККА и Военно-морском флоте сыграло определенную роль».¹⁴

Во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг. наметился перелом в советской исторической науке, подверглась критике и огульно отрицательная оценка русского офицерства. А.Г. Кавтарадзе в историографическом разделе своей книги обратил внимание на монографию С.А. Федюкина «Советская власть и буржуазные специалисты», в которой в частности шла речь о том, что «в работах историков гражданской войны, вышедших еще десять лет назад (в 1950-х годах. — А. Ц.) трудно встретить даже упоминание о

¹³ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики советов. 1917–1920 гг.. М., 1988. С. 3–12.

¹⁴ Большая советская энциклопедия. Т. 43. М., 1939. С. 674.

том, что тот или иной советский военный деятель был офицером или генералом царской службы. А если и указывалось, что в Красной армии служили бывшие офицеры старой армии, то характеристика им давалась, как правило, самая отрицательная».¹⁵ Отметим А.Г. Кавтарадзе и ряд работ, в которых шла речь и о военных специалистах из числа бывших офицеров и генералов, служивших в Красной армии, особо выделив среди них статью «Военные специалисты» в «Советской военной энциклопедии»¹⁶ и статью Л.М. Спирина «В.И. Ленин и создание советских военных кадров».¹⁷ Достоинство энциклопедической статьи А.Г. Кавтарадзе видел в том, что она ставила вопрос о правомерности постановки такой проблемы, как использование в Красной армии военных специалистов, и о необходимости ее дальнейшего изучения. В статье Л.М. Спирина, по мнению А.Г. Кавтарадзе, «впервые в советской исторической литературе» поднимался «широкий круг вопросов, касавшихся состояния и численности офицерского корпуса русской армии, в том числе генштабистов, накануне Октября, численности военных специалистов в Красной армии к концу Гражданской войны и др.». Не соглашаясь с отдельными положениями и цифрами, А.Г. Кавтарадзе полагал, что «статья Л.М. Спирина явилась важным шагом в изучении темы».¹⁸

Книга самого А.Г. Кавтарадзе явилась важным событием в изучении такой темы, как судьба русского офицерства в Первой мировой войне, революционных событиях 1917 г. и Гражданской войне в России. В конце XX — начале XXI вв. вышли в свет новые работы, авторы которых успешно продолжают изучение истории русского офицерства в первой половине XX в. Среди других работ, посвященных интересующей нас теме, отметим книги С.В. Волкова «Русский офицерский корпус» и «Трагедия русского офицерства» и И.Н. Гребенкина «Русский офицер в годы мировой войны и революции».¹⁹ Достойна внимания и монография Я.Ю. Тинченко «Голгофа русского

¹⁵ Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965. С. 8–9.

¹⁶ Советская военная энциклопедия. Т. 2. М., 1976. С. 274.

¹⁷ Спирин Л.М. В.И. Ленин и создание советских военных кадров // Военно-исторический журнал. 1965. № 4.

¹⁸ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. С. 8–9.

¹⁹ Волков С.В. 1) Русский офицерский корпус. М., 1993; 2) Трагедия русского офицерства. М., 2001; Гребенкин И.В. Русский офицер в годы мировой войны и революции. Рязань, 2010.

офицерства в СССР. 1930–1931 гг.». ²⁰ Эта книга, хотя и посвящена сфабрикованному ОГПУ делу «Весна», то есть событиям начала 1930-х гг., в своем основном тексте и в приложениях содержит ценные сведения, существенно дополняющие наши представления об участии русского офицерства в Первой мировой войне, революционных событиях 1917 г. и Гражданской войне.

Большой интерес представляет ряд работ А.В. Ганина. Среди них — справочник «Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны». ²¹

Выше уже приводились ссылки на статьи Я.М. Лисового, А.А. Зайцова и А.К. Байова, текст которых в качестве приложений А.В. Ганин опубликовал в упомянутом справочнике «Корпус офицеров Генерального штаба...». Большой интерес представляет также изданная А.В. Ганиным книга «"Мозг армии" в период "Русской смуты". Статьи и документы», ²² а также автореферат его докторской диссертации «Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России». ²³ Исследования и публикации А.В. Ганина посвящены прежде всего изучению судьбы офицеров Генерального штаба, но содержат также много ценных и полезных наблюдений и фактов, позволяющих с большой полнотой осветить историю в целом русского офицерства и русской армии в первой четверти XX в. Как мы видели, значительное число лиц командного состава старой русской армии в годы Гражданской войны приняло участие в боевых действиях на стороне Советской власти. Еще в ходе Гражданской войны сначала ее непосредственные участники, а впоследствии историки, старались найти ответ на вопрос, как это случилось.

Представляется, что важную роль сыграли изменения в составе русского офицерского корпуса в сторону демократизации ее состава. Это было следствием реформ, проведенных после русско-японской войны 1904–1905 гг.

Постепенно (еще до войны) снижалось число выходцев из семей потомственных дворян (т. е. потомственных дворян по происхождению). Значительная часть полковников (на выслуге с этого чина приобреталось потомственное дво-

²⁰ Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 гг. М., 2000.

²¹ Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны. М., 2009.

²² Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской смуты». М., 2013.

²³ Ганин А.В. Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России. Автореф. дис.... докт. ист. наук / Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. 2013.

рянство) и генералов были потомственными дворянами по выслуге. При этом, как явствует из исследований П.А. Зайончковского, «подавляющая часть офицеров — потомственных дворян (по происхождению) не имела никакой собственности».²⁴ В армейских частях наряду с выходцами из служилого дворянства были и выходцы из разночинной среды, получавшие личное дворянство благодаря производству в офицеры. В первые же недели и месяцы Первой мировой войны офицерский корпус понес очень большие потери. Накануне Первой мировой войны офицерский корпус русской армии насчитывал 46 тыс. кадровых офицеров. В первые дни войны к ним прибавились досрочно выпущенные из военных училищ (2831 человек) и призванные из запаса. После этого численность офицерского корпуса достигла 80 тыс. человек.²⁵

С первых же дней войны погибло много офицеров, в том числе кадровых. По словам А.Г. Кавтарадзе, «кадровый состав основного рода войск — пехоты — понес тяжелые потери уже в боях первых месяцев войны и был "добит" во время летнего отступления 1915 г. По подсчетам того же А.Г. Кавтарадзе, уже к концу 1915 г. в пехоте большинство ротных и даже часть батальонных командиров были офицерами военного времени».²⁶ Чтобы восполнить возникший уже в первые же недели и месяцы войны некомплект младших офицеров, началось производство в прапорщики не только тех, кого по ускоренной программе готовили в военных училищах, но и тех, кого поспешно зачислили в созданные уже в ходе войны школы прапорщиков. Также практиковалось производство в прапорщики наиболее отличившихся в боях унтер-офицеров и вольноопределяющихся, которые ни на каких, даже ускоренных курсах не обучались. По подсчетам советских историков, за годы войны в прапорщики было произведено 220 тыс. человек.²⁷

Иллюстрацией к сухим арифметическим подсчетам о потерях могут служить выдержки из воспоминаний офицера лейб-гвардии Семеновского полка Ю.В. Макарова. В них есть описание того, что увидел Ю.В. Макаров, когда его раненого солдаты несли в тыл, «видел на редкость красивую картину»: «В батальонной колонне, с разомкнутыми рядами, в ногу, с офицерами

²⁴ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С. 211.

²⁵ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. С. 24.

²⁶ Там же. С. 26.

²⁷ Там же. С. 25.

на местах... шел 2 батальон Преображенского полка. Шел как на ученье. Люди валились десятками, остальные смыкались и держали равнение и ногу». Вел батальон его командир — полковник А.П. Кутепов, который «шел впереди, на установленной дистанции». «От времени до времени Кутепов поворачивался и подсчитывал: "левой", "левой"». Ю.В. Макаров замечает: «для ружейного и пулеметного огня было еще слишком далеко, но и под серьезной артиллерийской пальбой только исключительно хорошая воинская часть была способна так идти».²⁸ Со своей стороны обратим внимание на то, что «офицеры на местах», а командир батальона впереди. В соответствии с положением устава того времени командиры и младшие офицеры шли в атаку впереди солдат. Вспоминая о кровопролитных боях, в которых участвовал он сам в составе Семеновского полка, Ю.В. Макаров с горечью писал, что «ни в какой армии не ценят человеческую жизнь так дешево, как ее ценили у нас». «Зачастую великою кровью покупали ровно ничего, приказывали атаковать», — писал Ю.В. Макаров и продолжал: «И люди поднимались и шли, и валились, и гибли сотнями и не только без всякого успеха, но и без всякой надежды на успех».²⁹ Такие же потери несли и другие части русской армии.

Безвозвратные потери (т. е. убитые, умершие и пропавшие без вести) офицерского корпуса русской армии за годы войны достигли 72 тыс. человек. В их числе было генералов — 208, штаб офицеров (подполковников и полковников) — 3 368, обер-офицеров (подпоручиков, поручиков, штабс-капитанов и капитанов) — 20 300, прапорщиков — 37 392; военных врачей — 1 076 и военных чиновников — 485. Таким образом число безвозвратно выбывших из рядов армии (72 тыс.) превысило число всех кадровых офицеров, стоявших на службе накануне войны (46 тыс.).³⁰ Основная часть безвозвратных потерь пришлось на обер-офицеров (от подпоручика до капитана) — 37 392 и прапорщиков — 30 300. Вместе — 67 722 — т. е. 94 % от общей цифры потерь офицерского состава, число погибших прапорщиков составляло 42 % общих потерь. Пospешно обученные прапорщики часто погибали в первом же бою.

²⁸ Макаров Ю.В. Моя служба в старой гвардии. 1905–1917. Мирное время и война. СПб, 2001. С. 384.

²⁹ Там же. С. 313–314.

³⁰ Волков С.В. Русский офицерский корпус. С. 357.

А.Г. Кавтарадзе обратил внимание на разноречивость в определении общей численности офицерского корпуса русской армии на октябрь 1917 г. По одним подсчетам он насчитывал 240 тыс. человек, по другим — 275–280 тыс. человек.³¹ Так или иначе процент прапорщиков и обер-офицеров, выслужившихся в годы войны из прапорщиков, был велик.

Вопрос об использовании военных специалистов был предметом дискуссии в РКП(б). Сторонники привлечения бывших офицеров и генералов в Красную армию, в числе которых большую роль играл В.И. Ленин, одержали верх над «военной оппозицией» в ходе работы VIII съезда РКП(б) в 1919 г. Линию на использование военных специалистов проводил и Л.Д. Троцкий, являвшийся председателем Революционно-военного совета Республики (РВСР). В состав РВСР входил и главнокомандующий. Эту должность занимал сначала бывший полковник И.И. Вацетис, а после него — тоже бывший полковник С.С. Каменев.

Военные специалисты, т.е. бывшие кадровые офицеры, по подсчетам А.Г. Кавтарадзе, занимали не только ответственные штабные, но и высокие командные должности. Из 20 командующих фронтами 17 были военными специалистами — кадровыми офицерами. Все начальники штабов фронтов были военными специалистами. Из них 22 были генштабисты. Трое были бывшими полковниками, не закончившими академию. Все начальники штабов фронтов были беспартийными. Из 100 человек, командовавших армиями, 82 человека были военными специалистами, в числе которых 62 были кадровыми офицерами. Среди командующих армиями было 17 членов РКП(б). Преобладали военные специалисты и среди начальников штабов армий. Среди начальников стрелковых и кавалерийских дивизий почти 90 % были военными специалистами (из них 55 % кадровыми).³²

Многие бывшие офицеры, несмотря на сокращение армии после окончания Гражданской войны, продолжали службу в Красной армии. Некоторые стали жертвами репрессий во время дела «Весна» (1930–1931 гг.), некоторые в 1937–1938 гг. Среди тех, кто участвовал в Великой Отечественной войне, были и те, кто в качестве военных специалистов служил в Красной армии в Гражданскую войну. Генеральный штаб Красной армии возглавляли маршалы Советского Союза Б.М. Шапошников (быв. Генштаба полковник) и

³¹ Там же. С. 28.

³² Там же. С. 208–209.

А.М. Василевский (быв. офицер военного времени), генерал армии А.И. Антонов (быв. офицер военного времени).

Участники Гражданской войны военные специалисты из числа офицеров военного времени — были в числе тех, кто в годы Великой Отечественной войны занимали должности командующих и начальников штабов фронтов и армий. Среди них такие военачальники как Маршалы Советского Союза Л.А. Говоров и Ф.И. Толбухин, генералы армии Г.Ф. Захаров, И.Е. Петров, М.А. Пуркаев и другие. Меньше осталось бывших кадровых офицеров. В должности командующего фронтом участвовал в войне генерал-полковник (бывший полковник) М.А. Рейтер.³³

Как видно из предыдущего текста, наиболее обстоятельно изучена такая категория, как офицеры Генерального штаба. Представляется, что в дальнейшей работе достойны внимательного изучения корпус военных инженеров, офицеры-артиллеристы, во всяком случае те из них, кто окончил Михайловскую артиллерийскую академию. Многие из них, кстати сказать, также были представлены в рядах Красной армии.

³³ Там же. С. 225.

А. Ю. ДАВИДОВ

*Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена*

«КОЧЕВАЯ РОССИЯ»: ВОКЗАЛЬНО-ДОРОЖНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

По мнению этнографов, «русские — движущийся этнос с самосознанием оседлого». С одной стороны, оседлость — один из базовых элементов его самосознания. С другой стороны, формирование и эволюция русского этноса шли на фоне постоянных передвижений.¹ Гражданская война выявила противоречие между привычкой народа жить на одном месте и насущной необходимостью кочевать, переходить с места на место со своим имуществом.

В годы гражданской войны массовые передвижения населения стали важнейшим условием его существования, выживания. Человек с мешками, баулами, чемоданами на вокзале или пристани, в обозе стал знаковой фигурой, аккумулировавшей в себе противоречивость смутного времени. Основную массу передвигавшихся по стране россиян составляли мешочники — и потребители, и спекулянты; крайне слабое государство никак не могло осуществить многообразнейшие функции по снабжению населения. Кроме того, рабочие и мещане оставляли голодные города и переезжали в деревни, где они надеялись быть сыты. Крупные масштабы приобрела эмиграция.² Замечательно по поводу всего этого высказалась участница событий, писательница

¹ См. подробно: *Щепанская Т.Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX — XX вв. М., 2003. С. 8

² *Вильямс А.Р.* Путешествие в революцию. М., 2006. С. 353; *Невалайнен П.* Изгои. СПб., 2003. С. 14.

ца З. Шаховская. «Вся Россия стала кочевой, — свидетельствовала она, — миллионы людей шли пешком, ехали, мчались по ее широким просторам в поисках или своих близких, или пропитания, или армии, в которой они хотели бы сражаться».³

Огромная Россия сильнее других стран зависит от состояния дорог и средств передвижения. Паровозный парк и железные дороги в первые годы Советской власти находились в катастрофическом состоянии. Если в 1912 г. было выпущено в России 319 паровозов, в 1917 г. — 420, то в 1920 г. — 61. Отсутствие надлежащего технического обслуживания привело к сильному износу техники: в феврале 1920 г. «больными» в парке оказались 65 % паровозов, на отдельных дорогах эта цифра достигала 85 %.⁴ Вместе с тем на железнодорожных (как и на водных) трассах возобладала анархия. «Получается полная разобщённость в работе отдельных дорог», — констатировал Нарком путей сообщения В.И. Невский в направленном в мае 1918 г. в Совнарком докладе.⁵

Количество пассажиров на первых порах непрерывно увеличивалось за счет дезертиров, а затем и других категорий населения.⁶ Художница Лидия Шапорина вспоминала о своей поездке в конце лета 1917 г. из Петрограда в Вязьму. Поезд был переполнен, проходы были заняты солдатами, которые сидели и лежали на полу. Шапорина рассказывала, как ее соседка по купе отправила сына узнать, можно ли попасть в уборную. Вернувшись, он заявил: «Да, мама, можно, там только два матроса».⁷ Вместе с тем в последние месяцы 1917 г. положение осложнилось. По заявлениям очевидцев, уже в начале 1918 г. железные дороги «раскалывались по швам из-за всей этой массы народа», «когда поезд останавливался ... кто-то пытался влезть в вагон, но люди в вагоне стояли вплотную, сжиматься было некуда».⁸

³ Шаховская З. Таков мой век. М., 2008. С. 181.

⁴ Железные дороги России. СПб., 1996. С. 153, 154, 156.

⁵ Цит. по: Михайлов И.Д. Эволюция русского транспорта. М., 1925. С. 79, 80.

⁶ Продовольственное дело / Изд. Московского городского продовольственного комитета (МГПК). 1918. № 7. 24 марта. С. 2; Известия по продовольствию. Орган Томского продовольственного комитета. 1918. № 8. С. 14.

⁷ Шапорина Л.В. Дневник. Том 1. М., 2012. С. 59, 60

⁸ Вильямс А.Р. Указ. соч. С. 353; Клементьев В.Ф. В большевицкой Москве (1918–1920). М., 1998. С. 6.

Новая власть ограничивала не имевшие государственной значимости поездки. Наркомпрод постоянно требовал ужесточить «проездной режим». Со временем было запрещено передвижение по стране без уважительных оснований. Оправдательной причиной стали лишь командировки и отпуска по болезни.⁹ Разрешения на проезд и провоз продуктов представляли собой особые нумерованные бланки. В них содержались подробные сведения о пассажире, его маршруте и о выдавшем документ должностном лице. Дошло до того, что разрешения на право проезда вне очереди на плацкартном месте с 1920 г. стали оформлять в органах ВЦИК.¹⁰ В 1920 г. плата за проезд перестала существовать. Однако число нелегальных пассажиров не уменьшалось. 28 сентября 1919 г. петроградская «Красная газета» писала: «Когда стоишь где-нибудь на вокзале, в очереди у кассы командировочных, то поражаешься невозможно огромному числу командируемых. Ведь это не командировки, а подлинное переселение народов».

Знарок российской жизни В. Шкловский называл командировочные мандаты «липой». По этому поводу писатель говорил: «Советский строй приучил всех к величайшему цинизму в отношении бумажек... Целые поезда ездили по липам». Сам В. Шкловский, например, ездил за провизией по командировке «на восстановление связей с Украиной». Хотя было легко выяснить, что никого, кроме себя, он не представлял.¹¹ Документы выдавали уездные продовольственные комитеты голодавших районов (из жалости к просителям), домовые комитеты бедноты (перед соседями было неудобно), советские хозяйственные и медицинские органы (нередко за взятки) и т. д.

После того, как удавалось раздобыть «разрешительный» документ, путешественник запасался деньгами и товарами для обмена в кочевом пути (налегке никто не ездил и все ценное брали с собой). А затем он встречался с путевыми трудностями. Прежде всего, следовало заполучить место в транспортном средстве. В отличие от 1917 г., борьба за него повсеместно стала по-настоящему тяжёлым и опасным делом. Например, во многих случаях пароходы и баржи оказывались настолько переполненными, что едва не перево-

⁹ Известия Народного комиссариата продовольствия Украины. 1919. № 5–6. 10 июня. С. 38, 40; Воронов С. Петроград – Вятка в 1919–1920 году // Архив русской революции. Том 1. М., 1991. С. 315.

¹⁰ Заховаева А.Г. В поисках смысла: из прошлого к настоящему. На основе дневников. 1918–1941 гг. СПб., 2011. С. 35.

¹¹ Шкловский В. Сентиментальное путешествие. М., 1990. С. 203.

рачивались. Судовые команды из страха пойти ко дну отказывались причаливать к берегу за новыми партиями мешочников. Пассажиры долгими сутками ожидали на пристанях речные суда.¹²

Но самую суровую проверку нелегальные снабженцы проходили на железных дорогах. Прежде всего, пассажирам приходилось долго — до нескольких дней — дожидаться нужного эшелона. Поскольку расписания не существовало и поезд мог прибыть в любое время, то отъезжавшие дневали и ночевали на вокзалах. Эти последние в воспоминаниях очевидцев — таборы, муравейники, скопища людей. Петроградский продовольственник П. Орский на Николаевском вокзале в Москве увидел «целый муравейник людей, буквально тысячи, расположившийся на полу, из которых добрых 3/4 состояло из мешочников».¹³ Людей скапливалось так много, что нередко не было возможности даже сидеть на полу. Очевидцы изображали вокзалы «настоящим столпотворением голодных и хворых, солдат и крестьян, буржуев и «бывших», одетых по-пролетарски». Все они тревожились и ожидали от будущей дороги «опасностей и угроз».¹⁴

Усталых и измученных людей легко было обокрасть, когда они засыпали. К вокзалам, ставшими центрами воровства, прикрепляли красноармейцев, в обязанности которых входило тормошить задремавших и заснувших пассажиров. Их пытались уберечь от жуликов.¹⁵ Каждое утро в результате такой заботы о людях все без исключения пассажиры напоминали сомнамбул. Подобным образом обстояло дело по всей Советской России; в несоветских районах проблема мешочничества не стояла остро, и пассажиров было гораздо меньше.

Рано или поздно прибывал поезд. Вагоны оказывались переполненными (кроме «штабных», в которых ездили разного рода руководители, их друзья, родственники). Путешественники бросались на приступ. Среди вагонов преобладали теплушки. За места в последних — слегка модифицированных грузовых вагонах — и разворачивалась борьба. Почти все мемуаристы, которым довелось путешествовать по стране в 1918–1919 г.г., обязательно описывали

¹² Продовольствие и снабжение. Кострома. 1918. 1 апреля. С. 9; Продовольственное дело / Изд. МГПК. 1918. № 15. 19 мая. С. 12.

¹³ Известия Петрокомпрода. 1919. 8 февраля. С. 2.

¹⁴ Шаховская З. Указ. соч. С. 155–156; Фейгельсон М. Борьба за хлеб в Царицыне // Проблемы экономики. 1940. № 1. С. 150; Ростковский Ф.Я. Дневник для записывания. М., 2001. С. 436

¹⁵ Союз потребителей. 1919. № 8. 17 марта. Стб. 11, 12.

посадки в поезда как серьёзнейшие испытания. Нередко люди прокладывали себе дорогу сквозь толпу с помощью кулаков, пинков. Пол теплушки находился на уровне человеческого роста; никаких приспособлений, вроде ступенек, не имелось. При посадке пассажирам приходилось подтягиваться на руках, их отталкивали другие участники штурма. Хаосом и сумятицей пользовались воры — срезали у пассажиров котомки, вытаскивали из карманов кошельки. В горячке люди забывали обо всём, кроме одного — надо устоять в толчее на ногах. В то время перестали употреблять цивилизованное словосочетание «сели в вагон», говорили «попали» или «влезли». Известный в России кооператор Б.Р. Фроммет рассказывал, что «нужны талант, энергия, физическая сила, чтобы влезть... Вагоны здесь штурмуются и опять таки нужно не жалеть боков — ни своих, ни чужих — чтобы попасть в вагон».¹⁶ Примечательно, что власти не предпринимали серьёзных попыток навести порядок и прекратить эти побоища.

Далеко не всем удавалось устроиться в вагонах, тогда мешочники начинали карабкаться на буфера. Затем приходила очередь крыш. Причём «удобными» считались крыши низких вагонов. Здесь было меньше риска разбить голову при движении о мостовое перекрытие. Транспортные средства настолько заполнялись людьми, что современники сравнивали их с селёдочными бочками. Одним из главных наказаний со стороны властей для путешественников была высадка из поездов — попасть назад стоило невероятных усилий.¹⁷

Все выше названное — массовое явление. Русское оседлое население превращалось в воинственных кочевников, условием выживания которых нередко оказывалась повышенная агрессивность. Чрезвычайно показателен обнаруженный в дневнике М.М. Пришвина факт. Писатель указывал, что даже самые лучшие люди начинали «вести себя, как бешеная собака во дворе».¹⁸ Изменялись поведенческие нормы, ценностные ориентации.

Условия, в которых сутками и неделями приходилось существовать путешественникам, современник — советский конторский служащий С. Воронов —

¹⁶ *Корецкий П.* Кошмар наших дней // Трудовой путь. Кострома. 1919. № 1–4. С. 46; *Фроммет Б.* Об условиях разъездной работы // Союз потребителей. 1919. № 8. 17 марта. Стб. 10.

¹⁷ Продовольственное дело / Изд. МГПК. 1918. № 9. 7 апреля. С. 12; Трудовой путь. Кострома. 1919. № 1–4. С. 45; Известия Наркомата продовольствия. 1918. № 8. С. 33; Известия по продовольствию / Орган Томского продовольственного комитета. 1918. № 8. С. 29.

¹⁸ *Пришвин М.М.* Дневники. 1918–1919. М., 1994. С. 169

назвал «адам кромешным». В частности, он имел в виду чрезвычайную скудность людей, лютый холод зимой, жару и духоту летом, грязь. Поезда двигались черепашьими темпами, то и дело останавливались. Во время остановок за счет пассажиров старались пожить бойцы многочисленных (и мало контролируемых властями) заградительных отрядов, а также обычные бандиты из местных жителей или действовавшие под «зеленым» флагом «идейные» грабители.¹⁹

Удивляет, как выживали мешочники, разместившиеся зимой на буферах и крышах. Снег много раз засыпал их. По словам одного мешочника, мороз причинял такую боль рукам и ногам, что «в глазах все прыгало».²⁰ Пассажиры постоянно простужались и заболели. Самой страшной была тифозная опасность. Именно железная дорога выполняла функции главного разносчика заразного недуга: 9/10 заболеваний становились результатом путешествий по ней. Пассажиры свыклись со вшами и с горьким юмором называли их «обычными домашними животными».²¹ Заболевших, находившихся в бессознательном состоянии, то и дело выносили из вагонов.

Движение по дальним маршрутам отсутствовало, и направление его могло измениться на любой узловой станции. Путешественникам предстояло выгружаться и все злоключения повторялись. На обратном пути поместиться в вагоны было особенно трудно; в них старались попасть вместе с мешочниками, которые направлялись домой, и уроженцы хлебных мест, переправлявшие хлеб в города на продажу.

Дорожные обстоятельства были не просто не комфортабельны, они были ужасны. Не умея организоваться, пассажиры-мешочники попросту не смогли бы передвигаться по стране. Поступая как настоящие вольные кочевники, они объединялись в путевые сообщества, состоявшие из нескольких десятков человек. Коллективы образовывались перед уходом в путь или в его начале, а «достраивались» уже в дороге. Появлялись лидеры (предводители, атаманы, вожаки, старосты), под руководством которых мешочники действовали коллективно и организованно. Вот что сообщает об этом относящийся к

¹⁹ Воронов С. Петроград – Вятка в 1919–1920 году // Архив русской революции. Том 1. М., 1991. С. 316; Михайлов И.Д. Указ. соч. С. 119; Шкловский В. Указ. соч. С. 204; Олонецкий кооператор. 1919. 15 января. С. 52; Трудовой путь. Кострома. 1919. № 5–6. С. 42.

²⁰ Цит. по: Григорьев Л. Очерки современной деревни. М., 1924. Кн. 1. М., 1923. С. 18.

²¹ Союз потребителей. 1919. № 8. 17 марта. Стб. 11; Воронов С. Указ. соч. С. 316.

1919 г. источник: «Как только остановится пришедший на станцию поезд, как рой пчёл облепят его мешочники; впрыгивают в вагоны по два — по три человека, а остальные бросают мешки с хлебом. Работают ужасно спешно. В две-три минуты, которые стоит поезд, вагоны наполняются мешочниками».²² Когда в вагон набивалось до 50 мешочников, его двери закрывались. Нелегальные снабженцы добивались поразительной слаженности действий. В данном отношении и речи быть не могло ни о какой конкуренции им со стороны медлительных структур Наркомпрода. В экстремальных условиях гражданской войны последний был не в состоянии создать устойчивую снабженческую систему населения городов и, главное, обширных сельских хлебопотребляющих регионов.

Следует внимательней присмотреться к проблеме российского мешочничества. Его подъем был напрямую связан с осуществлением мероприятий, направленных на практическое осуществление государственной монополии на торговлю. Провозглашение последней в конце января 1918 г. в «Основном законе о социализации земли» поощрило «антибуржуйскую» деятельность властей и граждан в регионах.²³ Никто уже не принимал во внимание, что оптовая и розничная торговля (дополнявшие друг друга частные, кооперативные и государственные структуры) — это, прежде всего, сложная организация. Позволим себе небольшой экскурс: на различных этапах советской истории общество несло потери из-за отрицания властью негосударственной торговли.

Занимаясь историей отечественной кооперации (см., например, статью «Свободная кооперация в России» в ж. «Вопросы истории», 1996, № 1), автор не раз убеждался, какой многогранный торговый механизм сложился в стране к нач. XX в. Предприниматели умели договориться с крестьянами и их объединениями о поставках зерна, привезти его в неиспорченном состоянии на станцию, складировать во временно освободившемся элеваторе, соблюсти график прибытия вагонов, вовремя загрузить их, не допустить порчи товара дождем и т. д., и т. п. Все это было под силу инициативным и кровно заинтересованным организаторам, привыкшим действовать в условиях рыночного, конкурентного хозяйства.

²² Народное продовольствие /Еженедельное издание Пензенского губернского продовольственного комитета. 1919. № 5–6. С. 9.

²³ Хроника России. XX век. М., 2002. С. 232; Подколзин А.М. К вопросу о продовольственном положении Советской республики в 1918 г. // Вопросы политической экономии. М., 1958. С. 294.

Между тем в послеоктябрьский период революционный почин верхов все чаще совпадал с анархическим порывом низов. Повсеместно создавались комиссии по борьбе со спекуляцией, увеличивались масштабы анархической «антибуржуйской» деятельности. В Воронеже, например, все магазины и склады были опечатаны, а после снятия печатей товаров в них не оказалось. В Твери в 1918 г. было закрыто около тысячи частных торговых заведений и при этом открыто всего 52 советских распределителя с полупустыми полками. Торговое сословие оказалось терроризированным, заменить его было нечем. Сложнейшие и многообразные функции закупки, доставки, хранения, сортировки и т. д. товаров попыталось взять на себя государство и потерпело фиаско.²⁴

В конечном счете на смену организованным коммерческим структурам пришли сотни тысяч мельчайших торговцев. По свидетельству профессоров А.А. Арутюняна и Б.Л. Маркуса, именно мешочничество выразило «своеобразие экономики Советской республики в период гражданской войны». Член коллегии Наркомата продовольствия и главный редактор бюллетеня «Известия Наркомпрода» Н.А. Орлов полагал, что четверть взрослого населения страны регулярно занималась мешочничеством. Выразительную характеристику рассматриваемого движения дал видный экономист (впоследствии член коллегии Наркомата финансов) Л.Н. Юровский, который отметил: «Мелкая нелегальная торговля продовольствием — мешочничество — получила столь широкое распространение, что в торговле никогда не участвовала активно такая значительная часть населения».²⁵ Дорога, кочевье — вот атрибуты повседневной жизни многих и многих россиян в те годы.

Думается, мешочническая эпопея выявила в полной мере свойственный нашему народу огромный приспособительный, адаптационный потенциал. Простое население страны, так называемые, «маленькие люди» оказались в кризисной — невыносимой — ситуации. На первых порах попытались разрозненно, индивидуально спастись. Возникло «потребительское» мешочничество. Многие сотни тысяч несчастных, изнуренных россиян направились за хлебом. Действовали по одиночке, создавали хаос на транспорте, подвергались насилию со стороны любого организованного коллектива.

²⁴ См. подробно: *Давыдов А.Ю.* Мешочники и диктатура в России. 1917–1921 гг. СПб., 2007. С. 91–92.

²⁵ Развитие советской экономики. М., 1940. С. 116; *Орлов Н.А.* Продовольственная работа Советской власти. М., 1918. С. 384; *Юровский Л.Н.* Денежная политика Советской власти (1917–1927). М.; Л., 1928. С. 63.

В научной литературе долгое время представление о мешочническом движении ограничивалось уяснением фактов из истории этого начального этапа нелегального снабжения. Авторы исходили из трактовок делопроизводственных документов. Их составители, в основном чиновники, видели в мешочниках исключительно вредителей; ссылками на них удобно было объяснять развал продовольственного дела.

Довольно скоро вступили в действие механизмы самоорганизации. Энергичные, предприимчивые нелегальные снабженцы видели выход в объединении усилий, в создании коллективов. Центрами тесного и постоянного общения мешочников выступали рынки. Самый крупный — Сухаревский (на одноименной площади — будущей Колхозной) в Москве. Поразительно, в центре суровой пролетарской диктатуры, ополчившейся против вольных добытчиков провизии, раскинулось вольное рыночное торжище. Сухаревка стала символом «мешочнической» экономики. Встречаясь в таких местах, мешочники договаривались о совместных поездках, вырабатывали маршруты, распределяли функции.

Коллективы были довольно устойчивы. Хлебные экспедиции становились регулярными. Сельские жители ждали прибытия мешочников и запасали провизию для товарообмена. Как представляется, можно вести речь о создании сети неформальных и неучтенных, безуставных мешочнических кооперативов, субъектах нелегальной рыночной экономики.

Мешочничество гражданской войны — это в первую очередь совокупность коллективов профессиональных мешочников; представители их вполне осознавали конъюнктуру рынка, а также овладевали навыками противостояния многочисленным трудностям. Движение обиженных и несчастных одинок — «потребителей» — сохранялось, но в большинстве случаев важной роли в снабжении и распределении оно не играло.

Советское государство рассматривало мешочников как идеологических противников и как главных конкурентов в борьбе за хлеб и — стало быть — власть (кто кормит — тот и властвует). Оно объявило им войну. Количество бойцов различных заградительных и продовольственных (на практике это было одно и то же) подразделений оказывалось сопоставимым с численностью бойцов, принимавших непосредственное участие в военных действиях с войсками «демократической» контрреволюции и — на отдельных этапах — белых генералов. Например, Реквизармия Наркомпрода насчитывала от 50 до

80 тыс. человек, Военпродбюро ВЦСПС организовало армию из 20 тыс. чел. Численность сотрудников структур (военное и железнодорожные ведомства, НКВД, ВЧК), время от времени привлекавшихся Наркомпродом для борьбы с мешочниками, была во много раз больше. Соответствующие структуры создавали и местные органы — комбеды, советы, ревкомы. Примечательно: заградотряды сводились в крупные соединения (Курский реквизиционно-продовольственный полк, 2-я Тамбовская продовольственная дивизия).²⁶ Как представляется, значительная часть хлеба, доставленного продотрядами — это не хлеб, изъятый у крестьян, а реквизированный у мешочников.²⁷

Мешочники в свою очередь активно противостояли Советскому государству. Формы этого противостояния отличались многообразием. Начиналось с попыток обмануть борцов с нелегальным снабжением — огромные накладные карманы, баржи или гробы с двойным дном и т. п. Немалое место отводилось взятке, которая превратилась в весьма значимое средство регулирования взаимоотношений противостоявших сторон. На многих дорогах дело доходило и до вооруженных столкновений заградотрядов с коллективами мешочников.²⁸

Власть была вынуждена считаться с нелегальными снабженцами и постепенно уступала им. Время от времени вводилось т. н. льготничество, когда мешочничество легализовывалось. Нередко власти предпочитали не связываться и пропускали в города эшелоны или обозы с вольными добытчиками хлеба. Цены Сухаревского рынка публиковали бюллетени Наркомпрода, ими руководствовались госструктуры. Периодически проводились облавы, но уже через несколько дней арестованные спекулянты возвращались к своему промыслу; более того, продавали провизию тем же чекистам. По вопросу о мешочниках произошел раскол: местные продорганы и съезды Советов то и дело принимали решения о легализации свободы торговли, а центр стоял на своем (его далеко не всегда слушались). В целом противостояние было долгим, повсеместным и всепроникающим.

²⁶ 40 лет Великого Октября: Сборник трудов. М., 1957. Вып. 2. С. 21; Подколзин А.М. Указ. соч. С. 304; Известия Воронежского губернского продовольственного комитета. 1918. № 33. 7 ноября. С. 4.

²⁷ См. подробно: Давыдов А.Ю. Указ. соч. С. 106–117.

²⁸ Кибардин М.А., Медведев М.И., Шишкин А.А. Октябрь в деревне. Казань, 1967. С. 55; Комбеды Воронежской и Курской областей: Материалы по истории комитетов бедноты. Воронеж, 1935. С. 268; Попов (б.и.). Воспоминания о Курском советском полку // Пролетарская революция. 1925. № 7. С. 157.

Рискну предположить, что мешочнический фронт стал третьим фронтом гражданской войны. Первый — противоборство Красной Армии и антисоветских вооруженных формирований. Второй — война с крестьянством за хлеб, разжигание революционного противостояния в деревне. Третий — война на дорогах и рынках. Постоянное противодействие мешочников и крестьян продовольственной политике большевистской власти заставляло последнюю снижать градус ригоризма, уступать. Так дело дошло до НЭПа. Простой народ, «маленькие» люди сначала приспособили, адаптировали нежизнеспособную продовольственную политику Советской власти, а затем добились ее отмены.

Специфические «дорожные отношения», создание «бродячих сообществ» с их «определенной централизацией» — все подобные обстоятельства представляются современным этнографам важным элементом своеобразной этнической культуры. Ее называли «культурой дороги», понимая под этим «комплекс этнических традиций — обычаев и норм, вещественных атрибутов и представлений, связанных с передвижениями».²⁹ Опять — кочевая Россия.

Как мы видим, наши предки на протяжении рассматриваемого периода существовали в условиях экстремальной обстановки. Травматическая ситуация была связана с восприятием смерти, реальной ее угрозы, с тяжелыми страданиями, переживаниями страха и ужаса. Однако следует отметить, что в период гражданской войны не наблюдалось массового распространения подавленности, опустошенности, фрустрационных настроений. Привлекает внимание выразительное высказывание британского историка Джеффри Хоскинга. Рассказывая о прокормивших в период «русской смуты» города мешочниках, автор указывает на «поразительные способности русских, умеющих находить способы существования в самых невероятных обстоятельствах». Д. Хоскинг с удивлением признает далее: «Они оказались в состоянии ... восстановить более архаичные формы человеческих ассоциаций, даже когда приспособляться было совсем неприятно и вовсе нелегко».³⁰ Автор не учел одного обстоятельства: огромные способности российского населения к адаптации дорожных трудностей. Своеобразное кочевое самосознание для русских более значимо, нежели представляется на первый взгляд. Вспоминается крылатая фраза: «В России нет дорог, а

²⁹ Щепанская Т.Б. Указ. соч. С. 8, 232, 233, 234.

³⁰ Хоскинг Д. Правители и жертвы. М., 2010. С. 59.

есть направления». Дорога для русских людей — этнический символ; причем, обязательно плохая дорога.³¹

Дорожные перипетии гражданской войны серьезно посодействовали процессу закрепления факторов «кочевого» самосознания народа. Учтем, что впереди были массовые «кочевья» в ходе «реконструкций» 1930-х гг., Великой Отечественной войны, разрушения СССР в конце XX в.

³¹ См.: *Щепанская Т.Б.* Указ. соч. С. 10.

В. И. МУСАЕВ

Санкт-Петербургский институт истории РАН

БЕЖЕНСТВО НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ В 1918–1922 гг.

Беженство является следствием любого крупного вооруженного конфликта. Не была, разумеется, исключением и гражданская война в России. Массы людей в разных районах страны вынуждены были сниматься с места и покидать зоны военных действий, спасаясь от террора и насилия со стороны различных противоборствующих сторон. В северо-западных российских приграничных губерниях — Петроградской, Олонецкой, Архангельской — в этом отношении сложилась весьма специфическая ситуация, обусловленная близостью границы с Финляндией и довольно легкой её проницаемостью. До декабря 1917 г., когда была провозглашена независимость Финляндии, российско-финляндская граница была не государственной, а лишь административной. С весны 1918 г. формально граница была закрыта. 8 июня 1918 г. Совет комиссаров Союза коммун Северной области (СКСО) подтвердил распоряжение о запрещении проезда через границу.¹ Охрана границы, однако, с обеих сторон была организована явно неудовлетворительно. Организация пограничной охраны на протяженной линии границы, от Финского залива до Баренцева моря, проходившей преимущественно через лесные массивы, местами также через болота, требовала времени и значительных усилий. Для несения пограничной службы не доставало людских ресурсов в целом и квали-

¹ Северная коммуна. 1918. 8 июня.

фицированных кадров в частности. На совещании летом 1918 г. представителей комиссариатов СКСО в Петрограде отмечалось: «Сухопутная и морская границы с Финляндией охраняются настолько скверно, что фактически границу можно перейти и переехать совершенно свободно».² Не лучше обстояло дело и на финской стороне. В частности, газета «Хельсингин Саномат» в середине августа 1918 г. констатировала: «Охрана восточной границы на побережье Финского залива еще оставляет желать лучшего. Обязанность эта возложена исключительно на местные охранные дружины, но так как большинство их совершенно еще не организовано и лишено воинской дисциплины, то эта задача оказалась для них совершенно непосильной».³ С этими обстоятельствами и было связано то, что, в отличие от других российских областей, в которых миграция беженцев в основном имела внутренний характер, для Северо-Запада на протяжении всего периода гражданской войны типичными было бегство за линию государственной границы.

Еще одна особенность положения на Северо-Западе заключалась в том, что движение через границу шло в обе стороны. На протяжении 1918 г. даже преобладало движение из Финляндии в Россию. Весной – летом 1918 г., после поражения в гражданской войне, из Финляндии в Советскую Россию, спасаясь от расправы, бежали более 10 тысяч «красных» финнов. Из них около половины позднее вернулись в Финляндию.⁴ Кроме того, часть русских, проживавших в Финляндии и не имевших финляндского гражданства, репатриировались в Россию. Поскольку железнодорожное сообщение между Финляндией и Россией было прервано, поезда доходили до пограничной станции Раяйоки, откуда репатрианты пешком следовали через пограничный мост на российскую сторону.⁵

Осенью 1918 г. движение беженцев через границу всё больше переориентировалось в противоположном направлении. По мере разрастания гражданской войны и углубления социально-экономического кризиса положение в России ухудшалось. «Красный террор», объявленный советским руководством в конце лета 1918 г., сделал положение «нетрудящихся» классов со-

² Рупасов А.И., Чистиков А.Н. Советско-финляндская граница. 1918–1938. СПб., 2000. С. 32.

³ Helsingin Sanomat. 1918. 15. elokuuta.

⁴ Saarela T. Suomalaisen kommunismin synty 1918–1923. Tampere, 1996. S. 27.

⁵ Петроградский голос. 1918. 31 мая.

вершенно невыносимым. Спасаясь от голода, войны и террора, с конца лета — начала осени 1918 г. всё большее число людей (среди которых, помимо российских граждан, было и немало бывших подданных Великого княжества Финляндского и иностранцев) стало переходить через границу на территорию Финляндии. В сентябре и октябре финские газеты сообщали о наплыве беженцев с Востока.⁶ В то же время встречное движение из Финляндии в Россию, хоть и в меньших масштабах, продолжалось и в конце 1918 и даже в начале 1919 г. В сентябре–декабре 1918 г. в Россию через пункт перехода в Раяйоки проследовали 490 человек, а в январе – мае 1919 г. — около 300 человек.⁷ В советской разведывательной сводке от 21 февраля 1919 г. сообщалось: «Число русских, бегущих из России, увеличивается. Границу проходят большей частью у Раасули. Красноармейцы, охраняющие границу, пропускают бегущих свободно, предварительно обобрав их».⁸

Угроза репрессий была существенной, но не единственной причиной, побуждавшей бывших подданных Великого княжества Финляндского к выезду из России. Другой причиной был всеобщий социально-экономический кризис в стране, имевший следствием голод, повальный товарный дефицит и массовую безработицу. Финляндцы, приехавшие в Россию именно в поисках работы, теперь оставались без дела и каких-либо средств к существованию. Мужчины призывного возраста, к тому же, независимо от их гражданства, подлежали призыву в Красную армию, но такая перспектива привлекала отнюдь не многих. Поэтому финляндцы обнаруживали все большее стремление выехать на родину (которая для значительной части их была, впрочем, исторической: многие финляндские подданные родились в России и ранее ни разу не были в Финляндии, некоторые даже едва владели финским языком). Легальных возможностей для выезда почти не имелось. Для пересечения границы финляндцам, так же, как и бежавшим в Финляндию российским гражданам и «соплеменникам» («heimolaiset»), как их называли в Финляндии — ингерманландским финнам и восточным карелам, — приходилось пользоваться нелегальными каналами (отмеченное выше неудовлетворительное состояние охраны границы вполне позволяло это делать). Постановление о закрытии границы, впрочем, неоднократно нарушалось. На межведомственном сове-

⁶ Hufvudstadsbladet. 1918. 6 september; Uusi Suometar. 1918. 21. syyskuuta, 3. lokakuuta.

⁷ Невалайнен П. Изгой. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб., 2003. С. 62, 66.

⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 267. Л. 8.

щании в Петрограде с участием комиссариатов внутренних дел и финансов СКСО и некоторых других ведомств в конце июня — начале июля 1918 г. констатировалось, что военный контроль продолжает выдавать разрешения на проезд в Финляндию, не имея на это никакого права.⁹

Во второй половине июля 1918 г. границу в Раяйоки ежедневно пересекали по 70–80 финляндцев, многие из которых переплывали или переходили вброд пограничную реку.¹⁰ Определенные легальные возможности появились в конце осени 1918 г., когда после расторжения дипломатических отношений Советской России с государствами бывшего блока центральных держав и некоторыми другими государствами был организован отъезд из России иностранных дипломатических и торговых представительств. Некоторым финским гражданам удалось заручиться документами, позволявшими им покинуть страну вместе с выезжавшими через российско-финляндскую границу составами. До конца 1918 г. преобладал все же нелегальный способ перехода через границу. Помимо участка у Раяйоки, который был основным местом перехода границы, беженцы пересекали границу и в других местах на Карельском перешейке, в частности, в районе Рауту и Метсяпиртти, а также за пределами Перешейка, к примеру, в Приграничной Карелии. Предпринимались попытки добраться до Финляндии на лодках по Финскому заливу или через Эстонию. Всего в 1918 г. через пограничный карантин на Карельском перешейке прошло 2478 финских граждан, прибывших из России. Эти данные, однако, нельзя считать полными, так как не все пересекавшие границу беженцы попадали в карантин, к тому же, как указывалось выше, граница пересекалась не только на Перешейке. По оценкам финского исследователя П. Невалайнена, в 1918 г. в общей сложности тем или иным путем из России в Финляндию перебрались около 4500 бывших подданных Великого княжества.¹¹ Всего же с весны 1918 до конца 1919 г., по данным П. Невалайнена, из России в Финляндию тем или иным способом перебрались около 9000 финляндцев.¹²

⁹ Об открытии российско-финляндской границы в 1918 г. (Материалы межведомственного совещания). Публикация *А.И. Рупасова и А.Н. Чистикова* // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы. СПб., 1999. С. 358.

¹⁰ *Nevalainen P.* Punaisen myrskyn suomalaiset. Suomalaisten paot ja paluumutot idästä 1917–1939. Helsinki, 2002. S. 111.

¹¹ Ibid. S. 114–117.

¹² Ibid. S. 139, 145.

Более организованный характер репатриация финляндцев из России приняла после заключения советско-финляндского мирного договора в Тарту в октябре 1920 г. Через карантинные пункты на Карельском перешейке в 1921 г. прошли около 5400 репатриантов. Выезд 4133 из них был организован эвакуационным комитетом в Петрограде, остальные воспользовались другими легальными или нелегальными возможностями.¹³ В конце 1921 — начале 1922 гг., во время восстания в Беломорской Карелии, когда советско-финляндские отношения вновь приняли напряженный характер, репатриационные мероприятия были приостановлены. Завершающий этап репатриации начался после относительной нормализации двусторонних отношений в 1922 г. 1 июня 1922 г. было подписано советско-финляндское соглашение о пограничном мире, а 12 августа состоялось подписание соглашения об эвакуации, которое вступило в силу 1 сентября. Таким образом, лишь после того, когда большая часть финских граждан, желавших выехать на родину, сумела это сделать, вопросы проведения эвакуации были официально оформлены. Был, наконец, решен вопрос, по которому долгое время не удавалось прийти к согласию: о размерах денежных сумм и имущества, которое репатрианты могли взять с собой. По условиям соглашения, финляндцы могли вывезти из России до 10 000 рублей в новых денежных знаках и до 164 кг движимого имущества. Срок подачи заявлений на выезд был установлен в европейской части России в полгода, в азиатской — в девять месяцев.¹⁴ Переход через границу в Раяйоки первой группы репатриантов из 205 человек, выезд которых был организован на основании соглашения об эвакуации, состоялся 28 сентября 1922 г. Всего же через карантин на Карельском перешейке в 1922 г. прошло 1106 финских граждан. Это были в основном рабочие и служащие, выезжавшие из различных российских регионов.¹⁵ К концу 1922 г. процесс репатриации финских граждан из России можно было считать близким к завершению.

Своеобразная ситуация сложилась в пограничных с Финляндией северных частях Петроградского и Шлиссельбургского уездов Петроградской губернии (в финской литературной традиции эта территория известная как «Северная Ингерманландия» — «Pohjois-Inkeri»). Здесь в сельской местности

¹³ Ibid. S. 175–176.

¹⁴ Ibid. S. 186–187.

¹⁵ Ibid. S. 187–188.

проживали преимущественно ингерманландские финны. Как и в других сельских местностях, здесь неоднократно имели место случаи недовольства мероприятиями советской власти. Некоторые жители приграничных волостей обоих уездов начали переходить через границу на финскую территорию. Так, в донесении шлиссельбургского уездного военного комиссариата от 25 декабря 1918 г., в частности, сообщалось: «Наиболее зажиточная часть финнов бросает имущество, забирает с собой наиболее ценное и "эмигрирует" в Финляндию».¹⁶ К концу 1918 г. в Финляндии насчитывалось от 200 до 300 ингерманландских беженцев, перешедших границу на Карельском перешейке.¹⁷

Во второй половине весны 1919 г. ситуация в российской части Карельского перешейка снова еще больше обострилась. 11 мая Комитет рабочей обороны принял решение о проведении на Карельском участке мобилизации в Красную армию всех мужчин в возрасте до 40 лет.¹⁸ На попытки населения уклониться от мобилизации власти отвечали репрессиями, более 200 человек были арестованы в течение только одной недели.¹⁹ Спасаясь от мобилизации и преследований, жители приграничных деревень снова стали переходить на финскую территорию. Уже в начале апреля финская коммунистическая газета «Вапаус», выходившая в Петрограде, сообщала о том, что из Лемболово на финскую территорию начали переходить целыми группами «кулаки и энтузиасты-фенноманы, которые надеются присоединить Ингерманландию к Финляндии».²⁰ В апреле, в частности, перебрались в Финляндию активисты ингерманландского движения Каапре Тюнни, бывший редактор газеты «Нева», председатель Центрального ингерманландского комитета и педагогического совета Колпанской учительской семинарии и Пааво Ряйккёнен, редактор газеты «Инкери»²¹ (обе петроградские финские газеты были закрыты вскоре после установления советской власти). В следующем месяце движение через границу еще более усилилось. Переход через границу не представлял большого труда для жителей приграничья, хорошо знавших местность. Тем более что охрана границы, как уже отмечалось, оставляла желать лучше-

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 5432. Оп. 12. Д. 1. Л. 67.

¹⁷ *Nevalainen P. Rautaa Inkerin rajoilla. Inkerin kansalliset kamppailut ja Suomi 1918–1920.* Helsinki, 1996. S. 38.

¹⁸ *Рунцов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница.* С. 47.

¹⁹ *Nevalainen P. Rautaa Inkerin rajoilla.* S. 68.

²⁰ *Vapaus.* 1919. 5. huhtikuuta.

²¹ *Vapaus.* 1919. 30. huhtikuuta.

го. Политический комиссар Лемболовской, Коркиамякской и Куйвозовской волостей «красный финн» Уно Пелтола докладывал: «По моим наблюдениям, охрана границы производится слабо. Охранников очень мало, из них заметная часть не вполне осознает свои обязанности».²² Один из советских деятелей, совершивший в агентурных целях поездку в Финляндию и обратно, по возвращении свидетельствовал: «По дороге я убедился, что наша государственная граница совершенно не охраняется. На протяжении 40 верст пешего пути я встретил одну только заставу, которая пропустила меня за кусок хлеба».²³ Поэтому не вызывает удивления та легкость, с которой беженцы поодиночке, семьями и большими группами переходили через границу.

В мае 1919 г. на финской территории в районе Рауту — Раасули скопилось от двух до трех тысяч ингерманландских беженцев.²⁴ Движение через границу продолжалось и в июне. В общей сложности в августе—сентябре 1919 г. на территории мятежного округа Кирьясало и на финской стороне границы в Рауту и Метсяпиртти скопилось, по различным оценкам, от пяти до семи тысяч беженцев из Северной Ингерманландии.²⁵ К концу января 1920 г. в приграничных областях Карельского перешейка находилось в общей сложности около 8000 ингерманландских беженцев — в основном в приграничных волостях Рауту, Метсяпиртти и Кивеннапа.²⁶

Наконец, еще одной категорией беженцев были жители российской — Олонецкой и Беломорской (Архангельской) — Карелии. Первые случаи переходов жителей Восточной Карелии через границу наблюдались уже в 1917 г. Беженство усилилось в 1919 г., когда российско-финляндскую границу в Карелии перешли около 1700 человек.²⁷ Наиболее активным беженское движение было после провала «Олонецкого похода» (в апреле—июне 1919 г.), когда вместе с отступавшими добровольцами уходили лица, сотрудничавшие с ними, или те, кто опасался преследований. Во время и сразу после окончания

²² ЦГАИПД СПб. Ф. 0-284. Оп. 1. Д. 37. Л. 44.

²³ Там же. Ф. 3631. Оп. 1. Д. 31 а. Л. 1 об.

²⁴ *Polvinen T.* Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920. 2. Helsinki, 1971. S. 239.

²⁵ *Ibid.* S. 240. В финской и шведской прессе называлась цифра 5800 человек (ЦГА СПб. Ф. 485. Оп. 1. Д. 54. Л. 67).

²⁶ *Kertomus Karjalan Kannakselle oleskevien inkeriläisten pakolaisten oloista ynnä eräistä muista rajalla vallitsevista olosuhteista // UHA. Ryhmä 11. Osasto II. Inkeri. Asia 2. Vuodet 1920–1922.*

²⁷ *Manner A.* Valtion pakolaishuoltoa neljä vuosikymmentä. Pääpiirteinen katsaus // КА. ВРАКА. Arkistoluettelo, 581. S. 1.

военных действий через границу на территорию волости Салми ушло около 600 человек.²⁸ Жители Олонецкой Карелии до конца 1919 г. составляли значительное большинство среди восточнокарельских беженцев. В начале 1920 г. в Финляндии находилось около 2000 олонецких беженцев (примерно треть их была размещена в приходе Суоярви в Приладожской Карелии). Главным образом это были выходцы из пограничных Видлицкой, Сямозерской, Тулемозерской, Коткозерской волостей.²⁹ Из Ребол и Поросозера, занятых финнами, беженцев тогда не было.

Во второй половине 1920 г. усилилось движение в Финляндию из Беломорской Карелии. Провозглашение Карельской Трудовой Коммуны (КТК) и ликвидация Временного правительства Беломорской Карелии привели к тому, что за границу начали уходить противники советской власти и вообще лица, опасавшиеся репрессий за участие в «контрреволюционном» управлении или в военных формированиях. Остатки вооруженных сил Временного правительства, численностью около 600 человек, в соответствии с договоренностями, достигнутыми на тартуских переговорах, в октябре 1920 г. отошли в Куусамо на территории Финляндии.³⁰ В начале 1921 г. в Финляндии находились более 1200 беломорских карелов, большая часть которых разместилась в Куусамо и Кухмониemi. В основном это были мужчины, а их семьи оставались по другую сторону границы.³¹ Беженцы располагались в основном вблизи границы, рассчитывая с наступлением подходящих условий вернуться на родину.

Подписание Тартуского мира оказало двоякое воздействие на миграционные процессы в Карелии. Легальная возможность возвращения на родину (на основании 35-й статьи мирного договора) и окончательное прекращение военных действий на восточно-карельской территории побудили некоторых беженцев двинуться в родные места. 4 ноября 1920 г. ВЦИК рассматривал ходатайство руководства КТК об амнистии для карельских беженцев и принял постановление «ввиду предстоящего празднования 3-ей годовщины Октябрьской революции, применить к карелам, ушедшим в белые банды в Финляндию, амнистию».³² 1 января 1921 г. Революционный комитет КТК нап्रा-

²⁸ *Hämynen T.* Likkeellä leivän tähden. S. 250.

²⁹ Aunuksen pakolaisten avustuskomitea. Pakolaisluetteloita // КА. ВРАКА. V. Ва 6.

³⁰ *Nygård T.* Itä-Karjalan pakolaiset. 1917–1922. Jyväskylä, 1980. S. 63.

³¹ *Невалайнен П.* Изгой. С. 26.

³² НАРК. Ф. 549. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.

вил распоряжение уездным, волостным и сельским советам Карелии, в котором объявлялось о предоставлении беженцам амнистии, разрешения возвращения на родину и прав гражданина КТК.³³ Этим же распоряжением были определены приграничные пункты приема и регистрации беженцев.³⁴ Возвращение беженцев вскоре началось: в феврале из Суомуссалми на родину вернулось несколько семей ухтинцев (это были первые беженцы, репатриировавшиеся официальным путем после заключения Тартуского мира), а в марте группа олончан прибыла в родные места из Салми.³⁵ Всего в 1921 г. в Россию вернулись около тысячи карельских беженцев, в основном олонецких.³⁶

С другой стороны, укрепление советской власти в Восточной Карелии и крушение надежд на помощь Финляндии в борьбе против нее заставляли наиболее стойких противников большевистского правления уходить за границу. Волости Реболы и Поросозера, оккупированные финнами, в соответствии с условиями Тартуского договора подлежали очищению финскими войсками и возвращению Советской России. Некоторые жители этих волостей, несогласные с этим решением, стали уходить в Финляндию. Местная милиция была распущена, часть ее членов также перебралась в Финляндию, другие ушли в леса. Финские оккупационные части были выведены из Ребол и Поросозера, и в апреле 1921 г. в эти волости были введены советские войска. Массовым исход из Ребол и Поросозера, однако, не стал, так как финская оккупация оставила приятные воспоминания отнюдь не у всех жителей двух волостей. Всего из Ребол и Поросозера выселилось в Финляндию около 500 человек.³⁷ Беженцы концентрировались в основном на территории Пограничной Карелии. К апрелю 1921 г. здесь находились 2305 беженцев, главным образом из Олонецкой и Беломорской Карелии. Наиболее крупные группы беженцев размещались в Салми (809 человек) и Суоярви (763 челове-

³³ При этом выдвигались условия для каждого беженца: «1. что он сдаст оружие или вернется без оружия, 2. что Исполкому своей волости он даст обещание в том, что в будущем он не будет бороться против Карельской Трудовой Коммуны и Советской власти, а наоборот, в мирной работе сделает все, что от него зависит для блага Карельской Трудовой Коммуны и Советской власти» (НАРК. Ф. 549. Оп. 1. Д. 12. Л. 72).

³⁴ Всего было образовано шесть таких пунктов: в деревнях Андронова Гора, Сондолы (Кемский уезд), Проккойла, Медвежья Гора (Петрозаводский уезд), Видлицы и Речное Озеро (Олонецкий уезд) (Там же).

³⁵ Невалайнен П. Изгой. С. 53.

³⁶ Manner A. Valtion pakolaishuoltoja neljä vuosikymmentä. S. 2.

³⁷ Невалайнен П. Изгой. С. 27; Nygård T. Itä-Karjalan pakolaiset. S. 63.

ка).³⁸ В общей сложности весной 1921 г. в Финляндии находилось около 4600 восточнокарельских беженцев. Большую часть — почти 3500 человек — тогда еще составляли выходцы из Олонецкой Карелии.³⁹

Последний и в то же время наиболее массовый исход из России в Финляндию имел место в начале 1922 г., в ходе и после подавления Беломорского восстания. Вместе с отступавшими партизанскими отрядами через границу устремились мирные жители. После падения Ухты из разрушенного города ушло почти все население. Численность населения Ухтинского уезда сократилась более, чем вдвое. Общее же число беженцев составило около 11 200 человек.⁴⁰ В начале весны 1922 г. в Финляндии находились приблизительно 33 500 выходцев из России, из них около 15 000 русских и русскоязычных и около 18 500 «соплеменников» (ингерманландцев и восточных карелов).⁴¹ В ходе репатриации в течение последующих пяти лет более половины из них вернулись в Россию. По официальным данным, в конце 1927 г. в Финляндии пребывали около 15 000 россиян, из них около 8500 собственно русских беженцев и эмигрантов.⁴²

Таким образом, на протяжении 1918–1922 гг. через российско-финляндскую границу происходило интенсивное движение — в разное время по разным причинам её пересекали группы людей, принадлежавших к различным национальностям и социальным слоям. Среди них были как принципиальные противники советской власти, так и люди, политически индифферентные и просто бежавшие от тягот военного времени. Для некоторых беженцев Финляндия была лишь промежуточной остановкой при переезде в третьи страны — в Западную Европу или на Балканы (не всем, впрочем, удалось достичь своей цели, некоторым вынужденно пришлось остаться в Финляндии). Именно территориальная близость к России и проницаемость рос-

³⁸ Hämynen T. Likkeellä leivän tähden. Raja-Karjalan väestö ja sen toimeentulo 1880–1940. Helsinki, 1993. S. 250.

³⁹ Невалайнен П. Изгои. С. 27; *Его же*. Финляндия и Россия в 1920–30-х гг.: основные характеристики миграции и торговли // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы. СПб., 1999. С. 106.

⁴⁰ Kosonen M. Karjalan pakolaiset Pielisjärvellä 1920-luvulla // Kahden Karjalan välillä. Kahden Riikin riitamalla. Tampere, 1994. S. 167.

⁴¹ Невалайнен П. Финляндия и Россия в 1920–30-х гг. С. 106.

⁴² Etsivän keskuspoliisin tiedonanto N:o 127 4.11.1927 // KA. EK-Valpo. Ryhmä XXI. Venäläiset emigrantit Suomessa. Kansio 440.

сийско-финляндской границы имели следствием превращение Финляндии в один из центров послереволюционного Русского Рассеяния.

Аббревиатуры названий архивов

НАРК —	Национальный архив Республики Карелия
РГА ВМФ —	Российский государственный архив Военно-морского флота
ЦГАИПД СПб —	Центральный государственный архив историко-политических документов
ЦГА СПб —	Центральный государственный архив С.-Петербурга
КА —	Kansallisarkisto (Helsinki)
УНА —	Ulkoasiainhallinnon Keskusarkisto (Helsinki)

Т. М. Смирнова

*Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения*

ПЕТРОГРАДСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В конце 1917 — начале 1918 гг. формируется в основном структура советских организаций, занимавшихся национальными делами, в том числе проблемами национальных меньшинств. Центральным органом был Народный Комиссариат по делам национальностей, а на местах функционировали его подразделения. В Петрограде это был Комиссариат по делам национальностей Союза коммун Северной области (Комнац СКСО), преобразованный в феврале 1919 г. в Петроградский губернский отдел по делам национальностей (Петрогуботнац). Комиссариаты по делам национальностей стремились поставить под свой контроль все негосударственные, самостоятельные национальные организации, для чего требовалось их учесть и выяснить характер деятельности и политическую ориентацию. Этими вопросами занимались как отдельные национальные комиссариаты и отделы, так и общий для Комнаца политико-правовой отдел. После ознакомления с той или иной национальной организацией принималось решение о регистрации или закрытии (ликвидации) ее. Ликвидации подлежали первоначально только национальные общества антисоветской направленности, но в условиях гражданской войны оказывались неприемлемыми и «нейтральные» организации, не занимающиеся политикой, но и не стоящие на «советской платформе». Деятельность классово неопределенных («общих») национальных обществ расценивалась советскими организациями как буржуазная, что влекло соответствующую ад-

министративную реакцию. Кроме того, в соответствии с этатизацией большинства сфер социальной жизни, государство монополизировало социальную помощь и культурно-просветительную работу, которые были основными направлениями деятельности национальных обществ. В то же время требовалось учитывать психологию масс национальных меньшинств, довольно тесно связанных со своими имущими слоями сложностями жизни в инонациональной среде, отражением чего и были национальные общества.

В случае регистрации за деятельностью общества продолжалось наблюдение со стороны соответствующего национального или общего отдела, так как Комнац был уполномоченной государством инстанцией по решению всех вопросов, относящихся к национальной жизни (правовых, бытовых, культурно-просветительных).

В апреле 1918 г. состоялось заседание коллегии Наркомнаца, на котором был принципиально решен вопрос о ликвидации всех буржуазных национальных комитетов, работающих в узко-националистическом духе.¹ Таким образом, местные национальные комиссариаты официально получили право решать судьбу национальных обществ, определив степень их «национализма». Понятно, что в этой ситуации очень многое зависело от уровня объективности руководителей комиссариатов и обстановки в регионе. Однако это не означало автоматического закрытия всех национальных обществ, и по нескольким причинам. Чисто административные меры против общественных национальных организаций могли быть восприняты населением, особенно национальными меньшинствами, как национальные гонения, продолжение политики царизма по национальному вопросу, и вызвать или усилить национальную рознь и недоверие. Кроме того, национальные комиссариаты были просто не в состоянии сразу и в полном объеме выполнять все взятые на себя обязательства по регулированию национальных проблем, в особенности социальной помощи и культурно-просветительной работы. Была только одна сфера деятельности — политико-правовая, которую комиссариаты с полным основанием монополизировали сразу, как полномочные представители государства в национальных делах.

Газета «Жизнь национальностей» в 1919–1920 гг. поместила не менее 10 статей с разъяснением «реакционной» сущности «буржуазных» или кле-

¹ Правда. 1918. 20 апр.

рикальных национальных обществ и обоснованием необходимости их закрытия.² Главным критерием «буржуазности» была принадлежность общества той или иной непролетарской политической партии или организации, например, сионистской. В газете постоянно появлялась информация о ликвидации различных национальных обществ и организаций с их краткой характеристикой как противоречащих социальной и национальной политике советской власти. Советская печать Северо-Запада также активно освещала борьбу с влиянием национальных обществ на трудящихся национальных меньшинств.³

Одними из первых закрытых решением Комнаца СКСО национальных обществ были Союз самоопределения Латвии, Мусульманский военный совет Петроградского военного округа, Эстонский комитет, Грузинский национальный комитет, занимавшиеся политической деятельностью или правовыми вопросами.⁴ «Союз самоопределения Латвии» (руководители Ф. Цинис (Целен), К. Даниэлян (Тифенталь), А. Рудевиц, А. Кургисинский), по характеристике латышского комиссариата, ставил своей целью «широкую пропаганду идей самоопределения Латвии не на почве Коммунистической советской платформы, а на демократической платформе объединения всего латышского народа под лозунгом Учредительного собрания». Задачи Союза состояли в том, чтобы «путем объединения раскинувшихся по всей России враждебных Советской власти лиц и организаций парализовать органы уже самоопределившихся пролетариев Латвии, которые все время шли рука об руку с Советской властью». В выпущенном Союзом сборнике статей «Брива Латвия» («Свободная Латвия») содержались резкие оценки Советской власти, в частности: «Анархо-большевистское правительство комиссаров неспособно оказывать сопротивление смертельному врагу рабочего класса — германскому империализму». Действия латышского Союза самоопределения вызывали серьезное беспокойство у власти. Комиссар Латышского комиссариата НКН Ф.А. Розин (Азис) направил письмо в Петроградский Комнац. По его сведениям, «к союзу примкнул целый ряд беженских, культурных и по-

² См.: Там же. 24 марта, 6 апр., 15 и 22 июня, 27 июля; 1920. 18 июля, 10 авг., 31 дек.

³ См.: Петроградская правда. 1918. 12 апр., 8 мая, 6 июня; 1920. 17 апр.; Северная коммуна. 1918. 22 авг., утр. и веч. вып.; 4 и 10 сент.; 1919. 1 янв.; и др.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-1 об., 6-7 об.; Петроградская правда. 1918. 9 мая; Северная коммуна. 1918. 22 авг., веч. прибавл.; 4 сент.; Колчанова А.Ш., Шиферсон Б.П. Советские организации Петрограда по работе среди национальных меньшинств в 1918-1921 гг. (проблемы и тенденции) // Советская этнография. 1990. № 1. С. 31.

литических организаций Петрограда, Киева, Смоленска, Курска. Идет сбор средств... расходование их идет бесконтрольно, поэтому комиссариат просит: 1) Бдительно следить за деятельностью Союза. 2) Сделать распоряжения, чтобы Союз расходовал деньги под контролем Латышского комиссариата. 3) Прислать в Комиссариат все издания Союза». Параллельно было направлено письмо в Петросовет Трудовой Коммуны о том, что деятельность Союза «является в высшей степени вредной для дела освобождения Латвии и Советской власти» и ее необходимо пресечь. На основании полученной от Исполкома Петроградской Трудовой коммуны инструкции, летом 1918 г. «Союз самоопределения Латвии» был закрыт.⁵

Грузинский национальный комитет был учрежден 12 декабря 1917 г. на собрании проживающих в Петрограде грузин как «внепартийный грузинский комитет, имеющий целью объединение всех проживающих в столице грузин и содействие в обеспечении их личной и имущественной безопасности» (председатель А.Н. Черкезов, товарищ председателя Г.П. Гоголишвили). О существовании Грузинского комитета в Петрограде было доложено лично И. Сталину. Комиссар Комнаца Я.Я. Анвельт в письме от 2 июня 1918 г. отмечал, что «комитет ведает взаимопомощью и культурно-просветительной деятельностью среди членов колонии», его «задачи и цели ... чужды какой-либо политической деятельности» и он создан для «содействия личной и имущественной безопасности грузин, проживающих в Петрограде». Однако, несмотря на это, уже 8 июня 1918 г. Я. Анвельт направил Председателю Петроградского ЧК С.М. Урицкому дополнительное сообщение с указанием фамилий руководителей общества, адресов, телефонов и выводом о том, что «опыт убедил, что все подобные национальные комитеты по существу являются белогвардейскими». На основании этого письма 12 июня в помещении комитета был произведен обыск, документы изъяты, а общество закрыто.⁶

Коллегия Эстонского комиссариата 30 июля 1918 г. приняла постановление о ликвидации Эстонского Комитета, созданного Эстляндским Временным Земским Советом для сношения с оккупированными областями. На заседании коллегии 9 августа 1918 г. постановление было конкретизировано

⁵ ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 7. Л. 6–7 об.

⁶ Там же. Л. 1–3; Д. 21. Л. 12–13 об.; Д. 29. Л. 117; Романова Н.М. Политика управления национальными процессами в Петрограде и Петроградской губернии (1917–1923 гг.). СПб., 2013. С. 207–208.

добавлением пункта о передаче всего имущества Комитета и занимаемых им помещений Эстонскому отделу Комнаца. Главной причиной ликвидации Комитета была его нелегитимность в советских условиях, ибо не он, а Эстонский отдел «является единственным правомочным представителем эстонского трудового народа и защитником культурных, правовых и политических интересов последнего, а поэтому всякие частные организации, как «Эстонский Комитет», претендующие на представительство эстонского народа в России, являются совершенно излишними».⁷

В июне 1918 г. национальные отделы Комнаца СКСО выступили за закрытие специальным декретом частных организаций благотворительного характера как «преследующих явно реакционные цели», ибо социальное призрение стало государственным делом. Благотворительная деятельность в этот период была направлена преимущественно для помощи многочисленным беженцам мировой войны, большинство среди которых составляли поляки. Польский отдел Комнаца считал одной из приоритетных задач «изъятие из под ее [буржуазии] влияния польских беженских масс путем ликвидации существующих польских буржуазных обществ и комитетов помощи жертвам войны» с одновременной передачей целого ряда беженских учреждений в ведение Комиссариата социальной помощи и Комиссариата здравоохранения. Таким образом, польская буржуазия «лишается аппарата непосредственного влияния на польские беженские массы». В «Совете польских организаций помощи жертвам войны» в ходе обыска чекистами были конфискованы документы, в том числе кассовые и денежные, а также статистические и исторические материалы, которые были переданы Польскому отделу комиссариата. В обращении к Наркому заведующий Польским отделом приводил следующие основания: «Передача документов в наше ведение тем более необходима, что большая часть этих документов может быть нами актуально использована при реэвакуации беженцев, культурно-просветительной, агитационной и другой деятельности».⁸

Еврейский и литовский отделы Комнаца взяли под контроль все еврейские и литовские беженские и благотворительные организации.⁹ Летом

⁷ ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 24. Л. 70–70 об.; Д. 10. Л. 49; Д. 17. Л. 49–49 об.; Д. 21. Л. 12–13 об.; Романова Н.М. Указ. соч. С. 208–209.

⁸ ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 7. Л. 22; Северная коммуна. 1918. 25 авг.

⁹ Северная коммуна. 1918. 25 авг.

1918 г. прекратили свою деятельность Прибалтийско-немецкий комитет, Совет съездов польских организаций помощи жертвам войны, Главный комитет польского общества помощи жертвам войны и его отделы, Главный комитет возвращения поляков на родину, Польское общество возвращения беженцев в Литву и Белоруссию, Союз поляков-военных, Армянское благотворительное общество, ЦК помощи пострадавшим от войны литовцам и все литовские общества, объединяемые этим комитетом, Общество оказания помощи беженцам-белорусам, Гродненский центральный комитет объединенных общественных организаций, Всероссийский союз евреев-воинов.¹⁰ До конца года были закрыты Чехословацкое общество и Петроградская еврейская община.¹¹

Петроградская еврейская община была организацией, составлявшей реальную конкуренцию советским органам управления. Она располагала широкой налаженной сетью учреждений социально-благотворительной и культурно-просветительной направленности и средствами для их функционирования. В начале 1918 г. общинный совет оказывал жилищную и продовольственную помощь населению, осуществлял общественное призрение, содержал бюро труда и организовывал общественные работы, руководил религиозными и светскими школами, а также профессиональными училищами, курсами для взрослых, открыл Еврейский народный университет им. Бр. Гроссера. В ведении общинного совета находились также два клуба, 2 библиотеки и 4 читальни, два музея, а главное — практически все культурно-просветительные еврейские общества: Общество распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ), Историко-этнографическое, Музыкальное, Литературно-научное, Общество поощрения художеств, Театральное, Статистическое и Общество им. И.Л. Переца.¹²

Таким образом, еврейский отдел Комнаца, только начавший свою деятельность и весьма ограниченный в финансах, кадрах и материальном обеспечении, не мог естественным путем, без использования административных мер, вытеснить Петроградский общинный совет из жизни еврейской диаспоры города. С другой стороны, идеологическое противостояние советских и самостоятельных форм организации жизни национальных меньшинств в среде еврей-

¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 7. Л. 9, 17; Д. 18. Л. 9 об.; Ф. 143. Оп. 4. Д. 8. Л. 26–29; Жизнь национальностей. 1919. 25 мая.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 18. Л. 10; Оп. 2. Д. 1. Л. 131 об.–132; Жизнь национальностей. 1918. 22 дек.

¹² Еврейская трибуна. 1918. № 1–2. С. 14–22.

ского населения было в этот период необычайно острым. Поэтому вопрос о Петроградской еврейской общине был вынесен на экстренное заседание Комнаца СКСО 13 декабря 1918 г. Представители Еврейского отдела Комнаца предложили как можно скорее ликвидировать общину со всеми ее отделами, так как деятельность ее «не только бесполезна, но и вредна». Коллегия Комнаца постановила закрыть общину «ввиду ее контрреволюционности».¹³ В тот же период было закрыто и Петроградское Еврейское общественное собрание.

Противостояние общинных и советских форм организации жизни евреев было характерным для всей Советской России и разрешилось административным путем: 17 июня 1919 г. Центральным Комиссариатом по еврейским национальным делам (Москва) было принято постановление о закрытии еврейских общин на всей территории РСФСР. Таким образом, Комнац СКСО почти на полгода предвосхитил развитие событий.

«Чистке» были подвергнуты и культурно-просветительные организации. Уже к лету 1918 г. были закрыты Петроградский Армянский кружок, Еврейское литературно-художественное общество (как находящееся в ведении ЦК сионистской организации), Украинский музыкально-драматический кружок «Гурт», Польское школьное общество «Матица» и др.¹⁴ Часть культурно-просветительных обществ распадалась или самоликвидировалась в силу новых обстоятельств, вызванных обострившейся классовой борьбой, а также сужения поля деятельности. Так, рабочий латышский клуб «Аусма» («Зори»), действовавший под руководством меньшевиков, прекратил свое существование из-за утраты последними политического влияния на основные массы трудящихся¹⁵, а эстонские общества образования распались после перевода эстонских начальных школ, которыми они ведали, под начало советских организаций — Комнаца, затем — Компроса СКСО.¹⁶

Всего на 1 октября 1918 г. политико-правовой отдел Комнаца ликвидировал 8 учреждений правительственного и государственного значения бывшей империи и 20 различных национальных обществ разной функциональ-

¹³ ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 10. Л. 133–134.

¹⁴ Там же. Д. 18. Л. 9 об.; Ф. 143. Оп. 4. Д. 8. Л. 26–29; Жизнь национальностей. 1919. 25 мая; Еврейский студент. 1918. № 31–32. 25 (12) февр.; Михайленко В.В., Романова Н.М. Национальные культурно-просветительные учреждения Санкт-Петербурга (XVIII–XX вв.): Адресная книга. СПб., 1993. С. 14, 16.

¹⁵ Правда. 1918. 15 марта.

¹⁶ Жизнь национальностей. 1920. 15 февр.

ной направленности,¹⁷ но процесс продолжался весь период гражданской войны. К весне 1920 г. в Петрограде практически завершилась ликвидация «буржуазных» национальных обществ.¹⁸

В то же время деятельность национальных обществ вообще, избежавших политического определения «буржуазные», могла продолжаться, даже открывались новые общества, при обязательном условии их регистрации и кураторства со стороны соответствующих национальных отделов Комнаца. После принятия Конституции РСФСР 1918 г. появилась постоянная юридическая основа для функционирования таких обществ. Уполномоченные советские органы рассматривали пакет документов, предоставляемых тем или иным обществом, и решали его судьбу. Так, с декабря 1917 г. до 1 октября 1918 г. политико-правовой отдел Комнаца зарегистрировал 57 обществ и организаций.¹⁹ Часть из них, в силу различных условий, оказалась недолговечной, другие выжили даже в перипетиях гражданской войны. На начало 1920 г. действовали около 30 узаконенных советскими органами обществ.

Среди них были многочисленные еврейские общества: Общество распространения ремесленного и земледельческого труда среди евреев, общество «Гатхيو», Общество Палестинской трудовой кооперации, Петроградский клуб «Гехолуц», Еврейский комитет помощи жертвам войны и погромов, Еврейское благотворительное общество, Еврейское общество взаимопомощи, Общество еврейской народной музыки, Петроградское учительское общество, Общество для содействия обучению детей бедных евреев ремеслу, общество «Поал Цедек» («Честный труженик») и др. Также были зарегистрированы Общество любителей белорусского народного искусства, латгальский центральный клуб «Виниба», Мусульманское общество при Петроградской соборной мечети и Мусульманская община в Петрограде, Петроградский немецкий союз (Петроградский союз российских граждан немецкой национальности) и Центральное общество немецких колонистов, Петроградский кружок Варшавского общества охраны древностей, Польское общество ревнителей истории и литературы и Польское научно-техническое общество, Северное общество украинских граждан, эстонский спортивный клуб «Калев», латышское общество «Культура», на базе которого был создан ряд дру-

¹⁷ ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 4. Д. 8. Л. 26–29.

¹⁸ Жизнь национальностей. 1920. 7 марта.

¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 4. Д. 8. Л. 26.

гих обществ (певческое, просветительное, благотворительное), и др.²⁰ Открывались даже новые религиозные общества, регистрируемые властями, например, Ассирийское христианское религиозное общество, религиозное общество хасидов «Иврио».²¹

Некоторые просветительные общества приостановили на время свою работу, хотя официально не были закрыты, и при улучшении политической конъюнктуры после гражданской войны возобновили деятельность. Общество распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ) и Еврейское историко-этнографическое общество (ЕИЭО) в 1918 г. «оказались временно опечатанными вследствие избытка коммунистического энтузиазма», но в 1922–1923 гг. возобновили свою работу.²²

После гражданской войны был разработан порядок регистрации самодеятельных, в том числе и национальных, обществ. В соответствии с постановлением ВЦИК РСФСР от 3 августа 1922 г. «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядка надзора за ними»²³ национальные общества должны были зарегистрироваться в отделе управления Петрогубисполкома и представить пакет основных документов. Были также разработаны бланки двух типов — разрешающие или запрещающие деятельность обществ. В разрешительном типографским текстом указывалось: целью общества является исключительно просветительская (культурная, благотворительная) деятельность, политического характера оно не имеет, в уставе не содержится параграфов, противоречащих декретам народных комиссариатов или Конституции РСФСР.²⁴

²⁰ Колчанова А.Ш., Шиферсон Б.П. Указ. соч. С. 33–37.

²¹ Даудов А.Х., Михайленко В.В. Национальные общества Петрограда–Ленинграда в 1917–1932 гг. (по материалам ЦГА С.-Петербурга) // Вестник СПб Ун-та. 1993. Сер. 2. Вып. 3. С. 86.

²² Гринбаум А. Еврейская наука и научные учреждения в Советском Союзе 1918–1953. М. Иерусалим, 1994. С. 18., 21; ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10758. Л. 12.

²³ СУ. 1922. С. 623–624.

²⁴ Даудов А.Х., Михайленко В.В. Указ. соч. С. 82.

В. Ж. ЦВЕТКОВ

Московский педагогический государственный университет

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В 1917–1922 ГОДАХ

Белое движение в России в период гражданской войны, выступая как главная противоборствующая сила конфликта, стремилось к победе над советской властью, как над противником, примирение с которым признавалось недопустимым. С этой целью, помимо достижения сугубо военного превосходства, признавалось важным создание эффективной государственной системы управления, претендующей на всероссийский масштаб. В политико-правовой системе считалось важным обеспечение правопреемственности в статусе и деятельности создаваемых структур управления (ряд которых, как например Правительствующий Сенат, претендовали на прямую правопреемственность от дооктябрьского (1917 года) периода). Правопреемственность признавалась важной и в законодательной базе, опиравшейся на акты государственного управления, основанные на Своде законов Российской Империи, хотя и корректируемые применительно к изменившимся после февраля 1917 года условиям (законы Временного правительства). Судебная «вертикаль» власти, в частности, опиралась на традиции судебных уставов 1864 года.

Преемственность выражалась и в стремлении использовать персональный состав во вновь создаваемых структурах управления. Известно, что целый ряд государственных и общественных деятелей «старого режима» в той или иной форме (пусть и на других должностях, и в ином статусе) продолжа-

ли работать в правительственных органах Белого движения (С.Д. Сазонов, В.Н. Коковцев, А.В. Кривошеин, П.Л. Барк, М.В. Бернацкий, А.И. Коновалов, С.Н. Третьяков, Г.Е. Львов, Е.К. Климович и др.).

Сохранялась (и это особенно отмечалось в официальных заявлениях) правопреемственность в системе международного представительства. Сохранялся прежний аппарат посольств и консульств, хотя и с ограниченной «полнотой признания». Белые правительства исходили из признания всех заключенных до октября 1917 года международных соглашений, финансовых обязательств, причем как Российской Империи, так и Временного правительства. Неизменным провозглашался статус Русской Православной Церкви, утвержденный Поместным Собором 1917–1918 годов. И мало изменялись нормы гражданского, уголовного, административного, семейного права.

Однако, принципиально важные вопросы о форме правления и о форме государственного устройства будущей России не «предрешались». При этом акты отречения от Престола Николая II и непринятия Престола Михаилом Романовым рассматривались как фактически устанавливавшие порядок «непредрешения». Тем не менее, «стоять на месте» в плане идеологии признавалось невозможным и уже в 1918 году в проектах будущего политического строя проявилась тенденция к введению в России конституционной монархии (о возрождении «самодержавия» не говорилось). Тот факт, что принцип правопреемственности, исходящий из актов Николая II и Михаила Романова искажался актом Керенского о введении в России «республиканского строя» с 1 сентября 1917 года, не означал для политиков и идеологов Белого движения невозможности восстановления традиционных основ российской государственности. Об этом говорилось многими (Н.И. Астров, П.И. Новгородцев, П.Б. Струве, И.А. Ильин, Н.Н. Львов и др.).

Показательно отношение идеологов Белого дела к Учредительному Собранию созыва 1917 года. Признавалось невозможным считать «Всероссийской Конституантой» структуру, выборы в которую состоялись после «октябрьского переворота», и с очевидными нарушениями избирательного права (единый список партии эсеров, запрет кадетской партии, «произвол» в отношении комиссии «Всевыборы» и др.). Нельзя было не учитывать и факт игнорирования Собрания большевиками и левыми эсерами, составлявшими более трети депутатов в его составе.

Таким образом, признавалось необходимым обеспечить созыв нового Национального Учредительного Собрания. Именно оно должно было бы утвердить новые Основные законы будущего Российского государства. Исходя из этого, лидеры Белого движения могли считаться лишь «временными правителями», главная цель которых – обеспечение созыва новой Конституанты и обеспечение «гражданского мира» посредством «подавления большевизма». С другой стороны, это отнюдь не исключало активной разработки законопроектов по различным сторонам экономической, общественно-политической жизни России.

Для массового сознания, ориентированного на «завоеванные свободы» 1917 года, лозунги «непредрешения» оставались, очевидно, достаточно абстрактными и не вызвали сочувствия. Поэтому, в значительной степени, для поддержки населения и достижения провозглашенных целей требовалось наличие эффективно действующей системы организации фронта и тыла. Эволюция политических режимов Белого движения демонстрировала преобладание принципов единоначалия в общей структуре власти. Данный принцип не вызывал непримиримых возражений со стороны белых политиков и общественных деятелей, но вызывал сомнения в степени его эффективности. В частности, критика направлялась на конкретных носителей власти, их неумение привлечь доверие населения, «недемократичность» их действий и т. п.

Что касается представителей «белой власти», то они, особенно военные, заявляли о недопустимости излишнего вмешательства «общественности» в систему управления (ссылаясь на «печальный опыт 1917 года»). Можно отметить несколько сформировавшихся за годы гражданской войны «вариантов» управления, каждому из которых были присущи свои достоинства и недостатки.

Пожалуй, наиболее эффективным, как считали представители самой белой власти, представлялся вариант, условно называемый «диктатурой сверху». В этом случае единоличный правитель-диктатор устанавливал основы законодательства, определял общее направление политического курса, подбирал кадровый состав для реализации намеченных целей. Примерами подобной формы правления служат «диктатуры» Верховного Правителя России адмирала Колчака, Правителя Российской Восточной окраины атамана Семенова, Временного Приамурского правительства Меркулова, Главнокомандующего ВСЮР генерала Деникина, Правителя Юга России генерала Врангеля. При данной политической модели исполнительно-распорядительная власть

имела главенствующее значение, но в то же время стремилась к созданию — во временной перспективе — тех или иных представительных структур. Делалось это, в значительной степени, не из-за собственного желания того или иного лидера Белого дела, а под воздействием внешних обстоятельств — положения на фронтах, роста недовольства населения в тылу, а также требований «демократизации режима», предъявляемых со стороны иностранных государств и, прежде всего, «демократической общественности».

Но при этом представительство «общественности» имело преимущественно рекомендательный характер. Власть стремилась к «диалогу с населением», что было важно для стабильности тыла. Примерами подобных представительных структур следовало считать Государственное Экономическое Собрание в Сибири в 1918–1919 годах, Финансово-Экономическое Собрание, созванное Врангелем в Крыму в сентябре 1920 года, первоначальный вариант Краевого Народного Собрания в Чите в 1920 года.

Альтернативным вариантом при организации власти можно было бы считать вариант т. н. «диктатуры снизу». В этом случае установление единоличного управления происходило, как бы, «на волне» общественных ожиданий и при поддержке каких-либо представительных структур. Характерным примером подобного рода может служить Уфимская Директория (хотя и не «единоличная», а «коллегиальная» форма управления, но наделенная обширными полномочиями), получившая власть с санкции Уфимского Государственного Собрания; Южно-русское правительство, утвержденное Верховным Кругом Дона, Кубани и Терека; власть Правителя Приамурского Края генерала Дитерихса, получившего власть от Приамурского Земского Собора; власть казачьих атаманов, избиравшихся на представительных собраниях (Рады, Круги) казачьих войск. Здесь представительная власть выступала уже в учредительно-санкционирующей форме. При организации данной власти использовался тезис об ее «избрании населением» и о получении, вследствие этого, необходимой «легитимности».

Наконец, третьим вариантом организации власти можно было бы считать сочетание форм двух вышеназванных типов «диктатур», при котором верховная власть принадлежала единоличному правителю (как правило, военному), но его полномочия ограничивались представительными органами или достаточно сильным правительством. Примеры подобного рода: Правительство Северо-Западной области и «диктатор» генерал Юденич; Земско-

городское Совецание и «диктатор» генерал Миллер на белом Севере в начале 1920 г.; Российское правительство, созываемое Государственное Земское Совецание и Верховный Правитель Колчак в Сибири в конце 1919 года; Краевое Народное Собрание и Главнокомандующий Войсками Российской Восточной окраины атаман Семенов в Забайкалье летом—осенью 1920 года. Однако подобные варианты возникали в условиях ухудшения положения на фронтах, роста повстанчества в тылу, носили временный характер и, как правило, не отличались достаточной стабильностью.

В этой связи, достаточно интересным можно было бы считать анализ представительных структур, форм их взаимодействия с «общественностью» при вышеперечисленных вариантах организации власти. Для первого — типичным признаком можно считать опору на общественно-политические организации, политических деятелей правых или правоцентристских убеждений. Данные организации могли и не иметь партийного характера. Это были, скорее, некие «протопартии», объединяющие в своих рядах как представителей «старых» партий, так и беспартийных политиков. Примерами подобного рода служат Всероссийский Национальный Центр, Совет Государственного Объединения России.

Избирательная система, применявшаяся для создания органов местного самоуправления, также претерпевала определенную эволюцию. Разнообразные цензы и курии считались вполне приемлемыми. В условиях гражданской войны выборы, как правило, не были всеобщими, а чаще заменялись делегированием представителей от отдельных, уже избранных структур (как это предполагалось, например, при проведении земской реформы в Крыму в 1920 году).

Для второго варианта типичным признавалась более высокая степень «демократизации». Предпочтение здесь отдавалось использованию в избирательных системах принципов всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Это позволяло повысить степень легитимности власти (как это было, например, в белом Приморье при проведении выборов в Приамурское Народное Собрание летом 1921 года). Хотя важно отметить, что подобные примеры эволюции политических режимов Белого движения проявлялись, главным образом, в завершающий период их существования, в 1920–1922 годах.

Тенденция эволюции политических режимов Белого движения представляется, в конечном итоге, следующей: от Директории, с обширными полномочиями («коллегиальной диктатуры») в 1917–1918 годах, через при-

знание необходимости единоличной диктатуры, опирающейся на заявленную представительную поддержку (1919–1920 годы), к монархическому строю, «соборно избранному» и «соборно утвержденному». Это была бы монархия похожая на один из вариантов «президентской власти», при котором государственный лидер опирался бы на «соборное представительство», «Земский Собор» (1922 год). Решение внутренних проблем, восстановление авторитетного общероссийского центра обеспечивало также и международное признание России как важнейшего фактора мировой политики, неотъемлемого элемента послевоенной системы межгосударственных отношений.

Д. А. БАЖАНОВ

*Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена*

ВОЕННЫЕ МОРЯКИ В ГЕЛЬСИНГФОРСЕ (ОКТАБРЬ 1917 – МАРТ 1918 ГГ.): ПЕРСПЕКТИВЫ ВТЯГИВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Традиция воспринимать военных моряков как серьёзную силу, оставившую заметный след в событиях гражданской войны, стала складываться в отечественной исторической науке давно. При этом уже с начала 20-х гг. был сформирован своеобразный антагонизм между командным составом и рядовыми. Идейную направленность развития заложили работы В.И. Ленина, написанные в ходе революционных событий 1917 г., и Г.Е. Зиновьева.¹

В 20-е гг. отмечалась роль моряков в обороне Петрограда и становлении других флотов Советской республики — Каспийского и Черноморского. Матросы представлялись одной из главных движущих сил, выступавших на стороне Советской власти.² В дальнейшем, на протяжении 30–80-х гг. именно

¹ Ленин В.И. Советы постороннего // *Он же*. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1967. С. 383–384; *Он же*. Письмо к товарищам большевикам, участвующим на Областном съезде Советов Северной области // Там же. С. 385; Зиновьев Г. Армия и народ. Пг., 1920.

² Соболев А.А. Что такое Балтийский флот и что он сделал для РСФСР // 1918–1923. Красный Балтийский флот. Пг, 1923. С. 8; Лудри И.М. Как флот отстаивал завоевания Октября. Пг, 1926.

такой контекст использовался при подготовке как обобщающих³, так и специальных⁴ работ. Лишь в последнее десятилетие вопрос настроений личного состава бывшего Российского императорского флота рассматривался с иных позиций: радикализма в общем понимании, взаимодействия с другими этническими группами.⁵ Определённую ревизию сложившихся стереотипов о взаимоотношениях офицерства с Советской властью в своей монографии предпринял К.Б. Назаренко. Он поднял проблему выбора участия в гражданской войне.⁶ В то же время этот вопрос, только очерченный, требует дальнейшего рассмотрения. Представляется целесообразным более пристальное внимание к проблеме настроений и готовности моряков-балтийцев вступить в противостояние.

Главной базой на Балтике к октябрю 1917 г. являлся Гельсингфорс. На протяжении всей войны именно там находились основные силы русского флота, в том числе обе бригады линейных кораблей, 2-я бригада крейсеров, большая часть дивизии сторожевых судов, дивизии траления, отряда минных заградителей. Поэтому настроения моряков, находившихся в столице Финляндии, их готовность участвовать в вооружённой борьбе могли оказать влияние на её исход.

События 24–25 октября в Петрограде вызвали на кораблях, базировавшихся в Гельсингфорсе, различную реакцию. Однако в целом можно констатировать, что встречены они были, скорее, сочувственно. При этом отношение к правительству определялось через призму отношения к его главе А.Ф. Керенскому. Что касается рядовых матросов и унтер-офицеров, то связать это можно с рядом обстоятельств, как политических, так и бытовых. Одним из них стала позиция А.Ф. Керенского по формированию нового состава

³ См., например: История гражданской войны в СССР. Т.3/ Под ред. С.Ф. Найды, Г.Д. Обичкина и др. М., 1958; Дважды Краснознамённый Балтийский флот / Под ред. Н.А. Ступникова. М., 1990.

⁴ Дрезен А.К. [Б/н] // Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне: Сб. документов / Под ред. А.К. Дрезена. М.-Л., 1932. С. I–XIV; Юнга Е. Ледовый поход. Л., 1949; Кровяков Н.С. «Ледовый поход» Балтийского флота в 1918 году. М., 1955; Тюрин В.М., Яковлев И.И. Ледовая одиссея Балтфлота. М., 1976; Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. М., 1971; Он же. Моряки в борьбе за Советскую власть. М., 1977.

⁵ Елизаров М.А. Левый экстремизм на флоте в период революции 1917 года и гражданской войны (февраль 1917 – март 1921 гг.). Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. СПб, 2007; Дубровская Е.Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск, 2008.

⁶ Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011.

кабинета после попытки захвата власти Л.Г. Корниловым. Другим обстоятельством следует считать позицию министра-председателя по отношению к морякам Гельсингфорса по вопросу расписок, взятых у офицеров и арестов и расстрелов тех, кто отказался их предоставить. Наконец, значительное недовольство вызвал приказ А.Ф. Керенского, отданный 3 октября, в связи с начавшейся операцией германского флота по взятию островов Моонзундского архипелага. Н.Н. Суханов оценил его как «бестактный окрик».⁷ В ответной резолюции II съезда представителей Балтийского флота главу правительства публично сравнили с «Бонапартом», т.е. провели параллель с оценкой действий Л.Г. Корнилова. Тем самым многие матросы получили повод для опасений, что А.Ф. Керенский может использовать ситуацию для военного переворота. Поэтому положение в Петрограде воспринималось как защита революции. Логичным в этом смысле представляется и ажиотаж вокруг отряда, отправлявшегося в столицу. Он насчитывал 1,5 тыс. чел. и отправился в Петроград 25 октября.⁸

Офицеры в эти дни заняли позицию невмешательства в политику. Командующий флотом контр-адмирал А.В. Развозов, выступая на заседании Центрального комитета Балтийского флота 25 октября, *«подчеркнул, что не желает давать вооружённой силы ни правительству, ни его противникам [курсив наш — Д.Б.]...»*.⁹ На миноносце 8-го дивизиона «Меткий», прибывшем 26 октября в Петроград и получившем приказ следовать в район Рыбацкого, офицерский состав во главе с командиром, лейтенантом Б.Я. Ильвовым, категорически отказался вести корабль. В ответ «команда, взяв по причине отказа офицеров принимать участие в междоусобной войне непосредственное управление миноносцем, снялась со швартовых».¹⁰

Однако в дальнейшем наступила определённая пауза, вызванная тем, что моряки ожидали шагов новых властей. В условиях роспуска 27 октября 1917 г. Центрального исполнительного комитета военного флота и фактического паралича деятельности министерства проведение реформы управления военно-морским флотом легло на Всероссийский съезд военно-морского

⁷ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 3. М., 1991. С. 349.

⁸ Иванов Д.И. Я — матрос «Гангута»! М., 1987. С. 121, 127; См. также: Мордвинов Р.Н. Курсом «Авроры». М., 1962. С. 20–21; Дважды Краснознамённый Балтийский флот. С. 119–120.

⁹ [Ренгартен И.И. Дневник] // Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. С. 10.

¹⁰ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 78. Л. 69.

флота, проходивший 18-25 ноября.¹¹ Постановлением от 21 ноября все руководство флотами и флотилиями передавалось в руки центральных комитетов флотов и флотилий. В управления и учреждения морского ведомства, на флоты и флотилии назначались комиссары.¹²

В Гельсингфорсе конфликт был спровоцирован приездом 19 ноября в ранге управляющего морским министерством бывшего начальника 2-й бригады крейсеров капитана I ранга М.В. Иванова.¹³ Накануне, 18 ноября, на первом заседании нового управляющего органа ЦКБФ — Исполнительного бюро — был создан орган для оперативного управления флотом — Военный отдел. Его начальником избрали командовавшего отрядом заградителей, члена Гельсингфорсского совета капитана I ранга А.А. Ружека.¹⁴ Эти шаги неизбежно вели к прямому столкновению с высшим офицерством во главе с контр-адмиралом А.В. Развозовым, не признавшим большевистскую власть. В тот же день эта ситуация разбиралась на пленарном заседании ЦКБФ, члены которого приняли решение отстранить командующего от управления флотом.¹⁵ А.В. Развозов собрал на «Кречете» совещание флагманов. Присутствовал на нём и М.В. Иванов. Ему, как представителю новой власти, предъявили ультиматум: либо А.В. Развозов останется на своей должности, либо все начальники бригад и соединений подадут в отставку и оставляют управление более лояльным офицерам. Новоявленный «министр» вынужден был согласиться на первый вариант при условии его признания. Об этом всеми флагманами было подписано соответствующее постановление.

20 ноября заседания шли одно за другим. Сначала М.В. Иванов делал доклад о «конфликте с комфлотом» на Исполнительном бюро ЦКБФ. Он сообщил, что конфликт был улажен, и в качестве доказательства предъявил постановление совещания флагманов о согласии служить и работать с ним дальше.¹⁶ Однако в 15 ч. обе стороны были приглашены на пленарное заседа-

¹¹ Дважды Краснознамённый Балтийский флот. С. 125–126.

¹² Постановление Всероссийского съезда военно-морского флота от 21 ноября 1917 г. // Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. С. 10; Дважды Краснознамённый Балтийский флот. С. 126.

¹³ *Граф Г.К.* На «Новике». СПб, 1996. С. 336; *Тимирёв С.Н.* Воспоминания морского офицера. СПб, 1997. С. 118.

¹⁴ РГАВМФ. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 13. Л. 66.

¹⁵ Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота. М.-Л., 1963. С. 278.

¹⁶ РГАВМФ. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 13. Л. 65.

ние Центробалта, проходившее на бывшей императорской яхте «Штандарт». М.В. Иванов довольно неожиданно, вопреки своим собственным заявлениям членам Исполнительного бюро, сообщил о затруднениях в работе со штабом Балтийского флота из-за непризнания им законности новой власти.¹⁷ В ответном слове контр-адмирал А.В. Развозов подтвердил, что новая власть им не признаётся, однако счёл нужным смягчить возможный негативный эффект и указал, что трудности связаны «с неясностью момента».¹⁸ В результате обсуждения было принято половинчатое решение оставить командующего флотом на своём посту и «просить продолжать с прежней энергией оборону порученного ему фронта», но в то же время Военному отделу ЦКБФ предписывалось совместно с А.В. Развозовым заняться вопросом реорганизации штаба, введя в него постепенно членов отдела.¹⁹ Не меньшее значение, на наш взгляд, имел и тот своеобразный «водораздел», который продемонстрировали на этом заседании М.В. Иванов и А.А. Ружек, заявившие о поддержке Советской власти. Тем самым, делегаты ЦКБФ смогли убедиться, что в случае вероятной отставки командования не все офицеры даже высших рангов готовы уйти.

Вечером 21 ноября, в ответ на ликвидацию должности командующего, в Гельсингфорсском Морском собрании офицеры собрались на съезд. Г.К. Граф указал, что он был многолюден, инженер-механик «Гангута» мичман Н.З. Кадесников считал, что там присутствовало не более 200 чел. Основное решение, вынесенное офицерами, свелось к требованию от Центробалта восстановить должность командующего флотом. В противном случае они угрожали подать в отставку.²⁰ ЦКБФ на следующий день принял решение отложить этот вопрос до собрания представителей всех кораблей.²¹ Тактика затягивания времени оказалась в отношении офицеров абсолютно верной. Лейтенант Н.Н. Струйский, служивший на том же, что и Н.З. Кадесников, линкоре «Гангут» вспоминал позже в своей «Краткой автобиографии»: «В результате наших реплик и некоторой части офицерства, примкнувшей к нам, было вынесено решение: всем кают-компаниям в отдельности проработать этот

¹⁷ Там же; *Граф Г.К.* На «Новике» С. 336.

¹⁸ РГАВМФ. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 13. Л. 71.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Граф Г.К.* На «Новике» С. 338; *Кадесников Н.З.* Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917–1922 гг. СПб., 1991. С. 4.

²¹ *Граф Г.К.* На «Новике» С. 340.

вопрос и резолюции своих кают-компаний зачесть на следующем совещании».²² Следующее совещание, на котором была озвучена эта резолюция, внесшая в офицерскую среду, по выражению Н.Н. Струйского, «необходимый раскол», по-видимому, также не приняло никаких письменных постановлений.²³

Однако и безоговорочной поддержки со стороны рядового состава у органов центрального и местного управления в Финляндии не было. 15 декабря ЦКБФ постановил отправить линейный корабль «Гражданин», а также крейсера 2-й бригады, находившиеся в Гельсингфорсе, «Диана», «Аврора», «Россия» и «Громобой» на зимовку в Кронштадт. Однако экипажи кораблей не были согласны с этим решением. Команда «Дианы» на общем собрании постановила, что из-за необходимости ремонта изношенных механизмов, а также невыплаты жалования, она считает себя вправе оставаться в столице Финляндии. Экипаж «Гражданина» заявил протест, т. к. ещё 18 ноября он просил либо отправить повреждённый в боях за Моонзунд корабль в Петроград, либо оставить его на зимовке в Гельсингфорсе. Ответа из местных органов власти моряки не дождались, а повреждения устранены не были.²⁴ Таким образом, утверждения советских историков о «контрреволюционно настроенных командире и офицерах», как главном факторе, обусловившем это неподчинение, представляются лишёнными оснований.²⁵ Именно матросы, чьи взгляды выражало общее собрание, были противниками этого решения. Не видя других рычагов воздействия, 18 декабря ЦКБФ провёл заседание представителей всех судовых комитетов кораблей, находившихся в Гельсингфорсе. После проведённых прений большинство приняло резолюцию с требованием «соблюдать воинскую дисциплину и подчиниться представляющему власть Центробалту».²⁶ 22 декабря корабли покинули Гельсингфорс. Однако на этом разногласия не завершились. Принятое 23 декабря на общем собрании Центробалта постановление с призывом к командам военных кораблей под угрозой штрафов впредь соблюдать дисциплину, нести более внимательно караульную службу повлекло неожиданный ответ. 5 января

²² «Советская власть не интересуется тем, что происходило со мной в Эстонии»: Н.Н. Струйский о службе в Северо-Западной армии / Подготовка к публикации, введение, комментарии М.А. Емелиной (далее – «Советская власть...») // Кортис. 2009. №9. С. 58.

²³ «Советская власть...» // Там же. С. 59.

²⁴ РГАВМФ. Ф. 556. Оп. 1. Д. 149. Л. 24, 25об.

²⁵ См., например: Кровяков Н.С. «Ледовый поход» Балтийского флота в 1918 г. С. 69.

²⁶ РГАВМФ. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 13. Л. 48.

1918 г. было проведено общее собрание экипажа миноносца 5-го дивизиона «Гайдамак», на котором свет увидела такая резолюция: «Товарищи из Центробалта, возвращая вам при сём ваше постановление от 23.12.17 [,] спешим напомнить вам, что вы совсем зарапортовались, так как подобное постановление не может быть издано демократическими органами... Дисциплина на кораблях достигается не палкой, не штрафами, а самосознанием... На корабле у нас имеется судовой комитет, который великолепно справляется с задачами организации внутренней жизни». К этой резолюции присоединились моряки других кораблей дивизиона — «Уссурийца», «Амурца», «Всадника».²⁷

Одним из доказательств втягивания моряков в гражданскую войну считался отъезд добровольцев из числа рядовых и офицеров. Однако цифры показывают, что на данном этапе корабли добровольно покинули с этой целью примерно 3 тыс. чел. Часть моряков покинула место службы по более прозаическим причинам и другим способом. Так, П. Суслов с «Андрея Первозванного» в своём письме из Харькова декабре 1917 г., возмущался, что «наши ещё вчера революционные товарищи» готовы братья за любую работу, вплоть до охраны магазинов, «и не собираются при этом возвращаться».²⁸ Масштабы явления ярко иллюстрируют документы. В частности, согласно приказу командира линейного корабля «Андрей Первозванный» В.А. Буцко-го от 23 февраля 1918 г., из списков личного состава были исключены 356 чел. как «не явившиеся из отпуска» в период с декабря 1917 по февраль 1918 г.²⁹ При общей численности штата экипажа в 907 чел. это составляет более 39 %. Причины следует искать в ухудшении снабжения. Так, в декабре 1917 г. была вторично с сентября сокращена раскладка пищи на 1 чел. до 0,8 пуда в месяц.³⁰ На легальных основаниях моряки покидали место службы после публикации в газетах Гельсингфорса 14 февраля 1918 г. декрета о создании Рабоче-Крестьянского Красного флота. С «Андрея Первозванного» в период с 15 февраля по 5 марта ушло 115 моряков с формулировкой «согласно декрету СНК», ещё 13 были переведены на корабли, фактически выведенные из состава военного флота.³¹ На «Гангуте» это количество составило 60

²⁷ Хроника // Известия Гельсингфорского совета... 1918. 13/26 января.

²⁸ Сулов П. [Б/н] / По России // Известия Гельсингфорского совета... 1917. 2/15 декабря.

²⁹ РГАВМФ. Ф. р-1613. Оп. 1. Д. 2. Л. 26.

³⁰ Там же Ф. р-95. Оп. 1. Д. 212. Л. 38.

³¹ Там же. Ф. р-1613. Оп. 1. Д. 2. Л. 5, 6-7, 26.

чел.³² Миноносец «Дельный», согласно приказам его командира, за аналогичный период покинули 27 чел.³³ При этом постановления общих собраний экипажей некоторых кораблей, например «Республики» от 22 февраля в ответ на декрет «Социалистическое Отечество в опасности!», не меняли позицию других команд, члены которых не собирались отказываться от своего права покинуть флот.³⁴

Что касается офицеров, то они использовали те же способы, что и матросы, т. е. использовали декрет СНК о демобилизации флота от 29 января 1918 г. О том, как это было в январе 1918 г., свидетельствует приказ командира «Гангута» №73. В нём предписывалось числить старшего инженер-механика линкора капитана II ранга Тона с 21 января в отпуске, а его обязанности передать лейтенанту Стриж.³⁵ Первый на корабль больше уже не вернулся. В то же время приказы о списании с «Гангута» позволяют утверждать, что, по крайней мере, 17 офицеров из 31 к моменту выхода из Гельсингфорса в Петроград на нём несло службу.³⁶

Таким образом, приход к власти большевиков был встречен моряками Гельсингфорса по-разному. Рядовой состав его по ряду причин поддержал, что выразилось в активном желании ехать в Петроград, поддержке новых органов власти. Офицерский состав отнёсся, скорее, нейтрально, воспринимая октябрьские события как очередной переворот. Серьёзные столкновения, связанные с явным умалением роли офицерства новой властью, произошли 18–22 ноября, завершившись отстранением от должности командующего флотом контр-адмирала А.В. Развозова. Однако офицерский состав оказался не в состоянии выступить единым фронтом, т. к. внутри него этого единства не было из-за опасений за своё будущее, а также связывания своих взглядов с новой властью.

Начиная с декабря 1917 г. начался отток личного состава флота, не желавшего продолжать службу, в том числе и по политическим мотивам. Однако значительная часть моряков оставалась на своих кораблях, не собираясь, по-видимому, принимать участие в наметившемся противостоянии. При этом

³² Там же. Ф. р-224. Оп. 1. Д. 10. Л. 25об, 29об-30, 32, 34.

³³ Там же. Ф. р-790. Оп. 1. Д. 1. Л. 158об, 160, 161.

³⁴ Текст резолюции команды линейного корабля «Республика» см., например: Всем для присоединения! // Известия Гельсингфорского совета... 1918. 24/11 февраля; *Кровяков Н.С.* «Ледовый поход» Балтийского флота в 1918 г. С. 41.

³⁵ РГАВМФ. Ф. р-224. Оп. 1. Д. 10. Л. 16.

³⁶ РГАВМФ. Ф. р-224. Оп. 1. Д. 10. Л. 31, 33об, 47об, 50, 54.

политика местных представителей Советской власти не вызывала, порой поддержки, не только у офицерства, но и у матросов. Если для первых это было связано с неприятием принципов управления флотом (коллегиальное начало), то у вторых — со стремлением сохранить возможности для самоорганизации своего повседневного существования. Попытки ограничить эгалитаризм рядового состава, понимаемый как «народоправство», вызывали протест, отторжение и обвинения избираемых ими же организаций в возврате к до-революционным нормам, т.е. в покушении на ту «свободу» и те «права», за которые их и призывали бороться. Вероятно, именно с этими сторонами и связан отчётливый рост влияния наиболее леворадикального течения — анархизма.

Таким образом, решающим обстоятельством, позволившим представителям личного состава принять более активное участие в гражданской войне, стала эвакуация флота в Кронштадт и перевод их значительной части на консервацию.

А. В. Ганин

Институт славяноведения РАН

ЭРЗАЦ-АКАДЕМИЯ. СОВЕТСКИЕ ШКОЛЫ ШТАБНОЙ СЛУЖБЫ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ¹

Школы штабной службы в Советской России появились после того, как бывший генерал В.Е. Борисов 5 января 1919 г. подготовил для председателя РВСР Л.Д. Троцкого специальную записку о катастрофическом положении Генерального штаба в Красной армии.² Многие идеи Борисова были отвергнуты, однако идея создания «школы колонновожатых» на 300 человек в целях изучения техники службы Генштаба для самых низших должностей получила практическое воплощение. Подтверждением тому, что именно Борисов был отцом этой идеи, служит публикация в военно-научном журнале «Военное дело».³ В этой статье прямо отмечено, что именно Борисов сумел убедить высшее военное руководство создать такую школу.

Председатель Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкий, получив записку Борисова, телеграфировал начальнику Всероссийского главного штаба Н.И. Раттэлю о необходимости открытия школы колонновожатых.⁴ 14 января

¹ Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 108. Л. 17-19об. Публикацию документа см.: Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 550–559.

³ Ашик Н. Московская школа штабной службы // Военное дело. 1920. № 5 (69). 29.03. Стб. 155–157.

⁴ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 484. Л. 3об.

1919 г. во исполнение распоряжения начальника Всероглаштаба состоялось заседание комиссии по рассмотрению вопроса об увеличении числа слушателей академии Генштаба РККА и об открытии школы колонновожатых. Председателем комиссии являлся начальник академии А.К. Климович, членами — генштабисты В.Е. Борисов и В.П. Ульянин, а также комиссары академии В.Н. Залежский и Э.И. Козловский. По итогам обсуждения решено было создать подкомиссию для разработки проекта Положения о школе колонновожатых. В подкомиссию вошли Борисов и Ульянин с правом кооптации еще двух членов.

Программа курсов нормальной школы колонновожатых включала следующие вопросы.⁵

1. Организация войск в военное время. Боевое расписание. Вооружение и снаряжение.
2. Общие основания по технике приказаний и донесений.
3. Разведка и наблюдение за неприятелем.
4. Служба связи.
5. Походные движения и охранение марша.
6. Техника распоряжений во время походных движений.
7. Тактика пехоты, кавалерии, полевой легкой артиллерии, полевой тяжелой артиллерии (в части, касающейся службы Генерального штаба).
8. Тактика отрядов всех родов оружия (наступление, оборона, отступление, вывод войск из боя, бой за местные предметы, лесной бой, бой в теснинах, бой на реках и прочих водных преградах, ночной бой).
9. Распоряжения после боя.
10. Донесения о бое.
11. Оборона побережья.
12. Высадки.
13. Малая война. Прикрытие транспорта и нападение на него, прикрытие населенных пунктов и грунтовых путей сообщения, прикрытие железнодорожных линий.
14. Распоряжения при сторожевом охранении, при расположении по квартирам и на биваке, по обеспечению продовольствием и по снабжению, по санитарной службе, по инженерной части, по военным сообщениям (по железнодорожной и телеграфной части), по этапной службе, по полевой подготовке войск, на случай перемирия (демаркационная линия и пр.).
15. Разведка местности (топография).
16. Крепостная война.

16 апреля 1919 г. по приказу РВСР № 260 от 11 февраля 1919 г. создана Высшая советская школа (курсы) штабной службы, готовившая специали-

⁵ Сост. по: Там же. Л. 5-5об.

стов для низших должностей Генерального штаба.⁶ Как отмечалось в одном из документов, целью создания школы было «дать преимущественно практическую подготовку для службы в войсковых штабах и выполнения в них несложных работ оперативного характера по заданиям начальников штабов».⁷ Школа находилась в подчинении Главного управления военно-учебных заведений.⁸ В июне 1919 г. было утверждение Положение о школе.⁹ Во главе школы стояли начальник и военный комиссар. Переменный состав был рассчитан на 150 слушателей. Слушатели получали жалованье по должностям, которые занимали перед поступлением. Постоянных штатных преподавателей было четверо, а количество внештатных (как тогда писали, частных) определено не было. Начальник школы, завуч и двое из четырех штатных преподавателей должны были быть генштабистами.¹⁰ Оклад заведующего слушателями составлял 800 руб. Начальником школы стал генштабист А.Н. Суворов. Завучем школы с июля 1919 г. по июль 1920 г. был генштабист М.П. Алексеев. Школа была учреждена для ускоренной подготовки лиц, могущих занять младшие должности Генштаба. Слушатели получали практическую подготовку «для службы в войсковых штабах и выполнения в них несложных работ оперативного характера по заданиям начальников штабов».¹¹ Изначально предполагалось учредить школу при академии Генштаба РККА, чтобы использовать ее материально-техническую базу,¹² однако реализовать этот замысел не удалось. Начальник ГУВУЗ генштабист В.П. Муратов разработал проект системы подготовки кадров Генштаба в Советской России путем создания школ штабной службы при каждом фронтовом штабе и одной в центре — в Москве.¹³ На эту работу выделялось 50 000 руб. Однако высказывались и сомнения. Для обсуждения вопроса 11 апреля 1919 г. было созвано междуведомственное совещание при Военно-Законодательном Совете, на котором звучали предложения не открывать школу, а создать ускоренные курсы при академии. Нецелесообразность создания школ на фронтах доказывалась

⁶ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 112.

⁷ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 930. Л. 215.

⁸ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 9.

¹⁰ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 930. Л. 200.

¹¹ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

¹² Там же. Л. 37.

¹³ Там же. Л. 42.

тем, что «при отсутствии объединяющего органа, это не может выполнить инспекция, разные методы преподавания будут создавать разно-понимающих свои задачи генштабистов; при малом количестве лиц Генерального штаба на фронтах, трудно будет организовать преподавание».¹⁴ Впоследствии начальник Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяев решил, что фронтовые штабы перегружены работой и им не до подготовки кадров штабных работников,¹⁵ а достаточно создания одной подобной школы в Москве, что и было сделано. Школа расположилась в Москве по адресу Поварская, 40.

Начать обучение предполагалось уже в первой половине февраля 1919 г.¹⁶, однако этот срок оказался нереальным. Учебный процесс начался 1 июня 1919 г., причем всего, по данным учебной части, обучались 23 слушателя в двух отделениях. 15 июня открылись еще два отделения, на которые приняли 30 человек. Всего, таким образом, к середине июня 1919 г. обучались 53 слушателя.¹⁷ В первых наборах кадровых офицеров не было. Продолжительность обучения изначально составляла два месяца. Слушателей готовили к работе по службе Генштаба — обучали ведению служебной переписки, подготовке докладов, подбору материалов, составлению сводок и схем, разведке местности и противника, организации и службе связи.¹⁸ Недельный учебный план школы был следующим:

*Таблица 1. Первоначальный недельный учебный план
Высшей советской школы штабной службы¹⁹*

Предмет	Часов в неделю
Тактика	9
Топография	7
Связь	6
Разведка	3
Артиллерийская разведка	2
Инженерное дело	3
Военная администрация	4
Полевой устав	2

¹⁴ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 484. Л. 80б.

¹⁵ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.

¹⁶ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 484. Л. 2.

¹⁷ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

¹⁸ Там же. Л. 10.

¹⁹ Там же. Л. 17.

Ежедневная учебная нагрузка составляла шесть учебных часов, месячная — 156. С 1 июля 1919 г. в школе ввели преподавание французского и немецкого языков и политической грамоты. По данным на 1920 г. преподавали также тактику снабжения. Ежедневно делались сообщения о положении на фронтах. Полевые работы слушателей проходили в Сергиевом посаде, в районе станции Кунцево Александровской железной дороги и станции Тайнинская Ярославской железной дороги. Тактические занятия велись в Новогиреево.²⁰ Продолжались и наборы слушателей. В июле открылось пятое классное отделение из 17 слушателей. В августе — 6-е из 16 человек²¹, с 15 сентября открылось 7-е отделение.

Практически с самого начала у администрации школы сложилось понимание недостаточности такой подготовки, вследствие чего курс был расширен до четырех месяцев. Выпуск 1-го и 2-го отделений должен был состояться к 1 октября 1919 г., 3-го и 4-го отделений — к 15 октября (в итоге он на несколько дней задержался).²² Таким образом, даже первые наборы обучались по четыре месяца. Выпускные экзамены первого и второго отделений проходили с 24 сентября. Всего школу тогда заканчивал 21 человек, причем 17 получили аттестаты, 3 — нет, еще одному были заданы повторные работы по съемкам и задачам в поле.²³

Постепенно количество слушателей возрастало. 2, 24 и 27 октября прошли вступительные экзамены, по итогам которых в школу приняли 39 человек, а также 7 условно принятых.²⁴ 15 ноября состоялся 3-й выпуск 13 слушателей, а 26 ноября новый набор.

*Таблица 2. Реконструкция сведений о первых наборах слушателей Высшей советской школы штабной службы в 1919–1920 гг.*²⁵

Отделение и период обучения	Принято слушателей	Выпущено слушателей
1-е (01.06–01.10.1919)	23	21 выпускник (из набора 1 болен, 1 отчислен), 17 получили аттестаты, 3 не получили, 1 отправлен на повторные работы по съемкам и задачам в поле
2-е (01.06–01.10.1919)		

²⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 362.

²¹ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 58, 67.

²² Там же. Л. 67.

²³ Там же. Л. 103.

²⁴ Там же. Л. 108–108об.

²⁵ Составлено по: РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 17, 58, 67, 103, 108–108об., 115, 127, 131, 152, 152а, 154, 158, 169.

Продолжение Таблицы 2

Отделение и период обучения	Принято слушателей	Выпущено слушателей
3-е и 4-е (15.06–18.10.1919)	30	27 выпускников и 1 из первого набора, выпущено 25
5-е (15.07–15.11.1919)	17	13, 2 оставлено для повторной сдачи экзаменов
6-е (20.08.1919–20.01.1920)	16	
7-е (15.09.1919–14.02.1920)	9	8 выпущено, 2 больны
1-е (06.10.1919–16.03.1920)	9	28
2-е (06.10.1919–16.03.1920)	11	
3-е (27.10.1919–07.04.1920)	9	18
4-е (27.10.1919–07.04.1920)	10	
5-е (набор 26.11.1919, обучение 09.01–09.05.1920)	17	12

Обстановка разрухи накладывала свой отпечаток на работу школы. Например, для организации учебного процесса не хватало канцелярских товаров. С 27 ноября занятия прекратились, так как слушателей направили на заготовку дров. Учеба возобновилась только 9 января 1920 г., когда открылось пятое классное отделение.

При этом подготовка слушателей оставалась узконаправленной — предметы, по которым велось преподавание, давались в объеме академии, однако масса дисциплин была отброшена, чтобы не утяжелять программу. По сути, и это признавали специалисты, слушателей натаскивали на выполнение конкретных штабных задач.²⁶

Несмотря на изначально крайне слабую подготовку слушателей (это были офицеры военного времени, окончившие школы прапорщиков или красные командиры, окончившие советские командные курсы), они в целом успешно постигали военную науку. В школе активно применялся практический метод подготовки. Отделения были небольшими, что позволяло почти индивидуально заниматься со слушателями.

К преподаванию в школе были привлечены лучшие кадры старых генштабистов, в т. ч. профессорско-преподавательский состав академии Генштаба РККА. Вместе с тем, найти достаточное количество квалифицированных преподавателей было сложно. Не случайно администрация школы жало-

²⁶ Ашик Н. Московская школа штабной службы. Стб. 156.

валась: «Вообще теперь очень трудно найти специалистов, а тем более специалистов с боевым опытом и достаточным служебным стажем».²⁷ Вследствие нехватки специалистов Генштаба на фронте возникала текучка кадров, преподаватели не задерживались в школе. Так, например, на фронт забрали генштабиста С.Д. Харламова, преподававшего тактику. В июне 1919 г. забрали на фронт и генштабиста И.Г. Лепетюху. Генштабист Смирнов, получив 18 уроков (так в документе) и втянувшись в работу, оказался взят в штаб округа, часть часов ему пришлось отдать другим.²⁸ Другие преподаватели не могли уделять школе требуемое количество времени. Так, начальство генштабиста Н.С. Елизарова не позволяло ему преподавать тактику более трех часов, что привело к необходимости поиска другого преподавателя, коим стал генштабист М.А. Стугин. В 1920 г. военную топографию в школе читал генштабист С.К. Сегеркранц, военную администрацию — И.И. Щолоков. В целом в школе преподавали работники академий Генштаба, артиллерийской и военно-юридической: В.Ф. Новицкий, С.К. Сегеркранц и Н.К. Сегеркранц (артиллерист), Е.Е. Шишковский, С.Ф. Таубе, С.Н. Каменский, Н.Г. Корсун, А.Н. Рубан, М.М. Загю, А.И. Федотов, В.М. Смирнов, Н.С. Беляев, В.Р. Канненберг, А.Н. Сиверс, Н.И. Геништа, И.А. Белопольский, Б.В. Гейман, В.Н. Соколов.²⁹

В совершенно секретном донесении Высшей военной инспекции председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому о лояльности военно-учебных заведений Москвы, подготовленном в сентябре 1919 г., сообщалось: «Школа штабной службы: начальник школы Суворов — выдающийся знаток тактики — человек определенно белого цвета. Комиссар тов. Гондельман — очень хорош, вполне на месте. Сумел придать школе вполне приемлемый вид».³⁰ Возможно, в связи с этой информацией начальник школы и один из преподавателей в сентябре 1919 г. были арестованы.³¹ В принципе основания для подозрений у чекистов имелись. Например, в школе преподавал В.В. Ступин — один из видных деятелей антибольшевистской подпольной военной организации «Национального центра». Возможно, он и являлся тем самым арестованным преподавателем. Позднее школу возглавляли выпускники Николаевской академии Е.Е. Шишковский (и.д., с 15 апреля 1920 г.) и Н.В. Ашик (на 1921).

²⁷ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

²⁸ Там же. Л. 17об.

²⁹ Там же. Л. 328об.–329.

³⁰ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 380. Л. 4–4об.

³¹ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 103.

Высшая советская школа штабной службы являлась не единственным учебным заведением такого рода. В 1919 г. школа штабной службы по примеру московской возникла при штабе Западного фронта в Смоленске.³² У ее истоков летом 1919 г. стоял генштабист Ф.Е. Огородников³³, назначенный почему-то заведующим библиотекой и складом учебных пособий школы.³⁴ Пост начальника школы занимал генштабист В.С. Селиков. В школе преподавал генштабист Б.И. Волков.

В то же время организовать аналогичную школу при штабе Южного фронта не удалось по причине нехватки преподавателей — специалистов Генштаба. По данным на апрель 1919 г., когда этот вопрос разрабатывался (предполагалось открытие школы на 60 слушателей³⁵), генштабистов не было даже в дивизионных штабах, не говоря о бригадном уровне. Не способствовали успеху и низкие оклады преподавателей. Начальник штаба фронта сообщал начальнику ГУВУЗа 15 апреля 1919 г.: «Успех прохождения курса, да и вся организация школ, как видно из штата, зиждется преимущественно на специалистах Генерального штаба, которых даже при условиях совмещения преподавания с должностями начальника школы и заведывающего учебной частью, не может быть менее двух. Штабы армий до настоящего времени не могут наладить у себя работу, ссылаясь на недостаток специалистов Генерального штаба, которых в большинстве случаев нет ни в штабах дивизий, ни тем более в управлениях бригад.

Кроме того, для замещения указанных высших должностей необходимо остановить свой выбор на лицах, сколько-нибудь прикосновенных к педагогической деятельности. Таким образом, штаб Южного фронта определенно стоит перед затруднениями, которые препятствуют организовать школу штабной службы при существующем недостатке сотрудников Генерального штаба.

Помимо этого, в частности, обращают на себя внимание оклады содержания, прежде всего, не сообразенные с позднейшими указаниями приказов Реввоенсовета Республики № 502 минувш[его] года и от 3 февраля с.г. № 205. Они слишком незначительны, чтобы могли послужить эквивалентом труда и привлечь желающих, в особенности с тыла...

³² РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 734. Л. 116–117.

³³ РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 22. Л. 1об.

³⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 53.

³⁵ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 930. Л. 205.

Казалось бы, что во имя той пользы, которая, несомненно, может быть извлечена при организации подобных школ, учреждение последних преимущественно в тылу, в крупных центрах, в условиях возможности совмещения должностей наиболее всего отвечало бы задаче и ближайшим образом привело бы к ее успешному разрешению».³⁶

Несмотря на сложности с организацией школ на фронте, московская школа функционировала исправно. В результате этого к концу широкомасштабной Гражданской войны большевики были готовы ликвидировать дефицит кадров Генштаба путем массового выпуска подобных специалистов военного времени, квалификации которых хватало для штабной работы. Основу переменного состава школы составляли бывшие прапорщики военного времени. Недостаток знаний компенсировался высокой идейностью и порывом слушателей-коммунистов, коих в школе было свыше половины. К 1 марта 1920 г. в школе одновременно обучалось 65 человек в семи отделениях. К 1 апреля 1920 г. школа осуществила пять выпусков, ее окончили 94 человека³⁷, что способствовало снижению дефицита штабных работников в РККА. Изначально в школу принимали только военспецов и краскомов с боевым опытом, однако, видимо, постепенно стали допускаться послабления. В результате в 1920 г. в школе обучались уже и те, кто не имел военного образования или обучался лишь в учебных командах.

*Таблица 3. Состав слушателей
Высшей советской школы штабной службы (на 1920 г.)³⁸*

Категория	Численность слушателей	Процент
Партийность		
Коммунистов	100	57
Беспартийных	78	43
Общее образование		
Ниже среднего	109	52,1
Среднее	91	44,4
Высшее	5	3,5

³⁶ Там же. Л. 196-197.

³⁷ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 162.

³⁸ Ашик Н. Московская школа штабной службы. Стб. 156.

Продолжение Таблицы 3

Категория	Численность слушателей	Процент
Военное образование		
Военное училище мирного времени	13	8,8
Ускоренные 4-месячные выпуски	136	66,3
Учебные команды, без военного образования	40	19,5
Советские командные курсы	11	5,4

Наличие нескольких сотен слушателей стало существенным шагом вперед. По условиям приема слушатели должны были обладать стажем пребывания на командных или штабных должностях на фронте Гражданской войны в течение полугода.³⁹ Требовалось представить и политические рекомендации. Предпочтение отдавалось фронтовикам перед кандидатами от внутренних округов. При этом отбор в школу был достаточно жестким, хотя в условиях низкой образованности поступающих выбирать не приходилось. Также есть данные о том, что в школу откомандировывали неуспевающих слушателей академии Генштаба РККА.⁴⁰

Начальник школы описывал чудовищные итоги приема: «Громадное, можно сказать подавляющее, большинство командированных совершенно непригодны для занятия оперативных должностей. Общая подготовка часто отсутствует. Был случай в полное нарушение условий поступления. Командированный нигде ничего не кончал, говорить по-русски почти не может, командных должностей не занимал, не знал даже, зачем нужен компас и как он употребляется.

Многие ответы носили совершенно анекдотический характер. Например, один из испытуемых, оренбургский казак, не мог указать на стенной карте Оренбурга, не знал, где Черное море. Конечно, не нашел Италии и Англии. Другие испытуемые обнаруживали подобные же знания. Что же касается до сочинений, то они показывают почти полное отсутствие понимания военных явлений, не говоря уже о научной подготовке».⁴¹

Для зачисления в школу требовалось членство в партии или рекомендации двух партийных работников. В анкетах слушатели должны были указывать, не подвергались ли репрессиям при Советской власти и не понесли ли

³⁹ Там же. РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д.1. Л. 11.

⁴⁰ Там же. Л. 40.

⁴¹ Там же.

убытков, причем анкеты для военспецов и краскомов различались.⁴² Вступительные экзамены проводились по русскому языку, географии, тактике, топографии и математике.⁴³ Из державших экзамены в период с 1 февраля по 1 мая 1920 г. 205 человек были приняты 168, а окончили школу до 1 марта 66 (в четырех выпусках), причем отлично окончил только один слушатель, 8 — очень хорошо, 31 — хорошо и 26 — удовлетворительно.⁴⁴

Следует отметить, что указание на младшие штабные должности было довольно условным. Речь шла не о простых канцеляристах — слушатели школы занимали посты начальников штабов бригад и дивизий. Для укрепления практического начала в работе школы и связи с боевой жизнью РККА возникла специальная комиссия связи с фронтом, взаимодействовавшая с выпускниками. Уже в 1920 г. выпускники школы активно использовались на фронтах.

В 1920 г. обсуждался вопрос расширения программы обучения до восьми месяцев с тем, чтобы слушатели могли занимать не только младшие должности Генштаба, но вообще любые административные должности в штабах и поступать после некоторого времени службы в академии. Связано это было, в том числе и с тем, что о школе мало кто знал, и приток слушателей в целом был невелик. Кроме того, красные командиры не горели желанием идти в школу, поскольку дальнейшие служебные перспективы представлялись туманными, а особых преимуществ школа не давала. Несмотря на высокую результативность подготовки вследствие индивидуального подхода, выпускники не становились генштабистами и не имели надежд на продвижение по службе, как не окончившие академию. Не случайно вр.и.д. начальника школы даже писал: «Школа как бы умирает».⁴⁵

Поскольку острая потребность в быстрой подготовке младших штабистов прошла, в 1920 г. предполагалось увеличить курс до восьми месяцев за счет военной игры, комплексных тактических задач с элементами стратегии, тактики, фортификации, артиллерии, топографии, администрации. Предлагалось ввести верховую езду и фактически довести программу до уровня академической. В этом случае прием намечалось проводить дважды в году к 1 ноября (выпуск к 1 июля) и к 1 марта (выпуск 1 ноября) с тем, чтобы каж-

⁴² РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 10. Л. 50.

⁴³ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

⁴⁴ Ашик Н. Московская школа штабной службы. Стб. 156.

⁴⁵ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 146об.

дый набор летом проходил практику. Существовала идея в течение 2–3 лет провести через школу всех советских штабных служащих.⁴⁶

Также существовал проект годичного курса обучения с добавлением общеобразовательных предметов (русского языка, истории, математики, физики, военной географии, политической экономии, ознакомления с организацией промышленности и труда). Проект предусматривал два периода учебы — общеобразовательный⁴⁷ и специально-военный⁴⁸ по пять месяцев каждый и по 42 учебных часа в неделю, а в конце обучения два месяца на полевые задачи и экзамены. Годичная подготовка была введена уже в 1920 г., а для лиц со средним образованием курс длился полгода.

Когда в 1920 г. острота потребности в штабных работниках начала снижаться, возник вопрос о пересмотре Положения о школе. 26 июня 1920 г. приказом РВСР школе было присвоено название Высшая советская школа штабной службы командного состава РККА, а новое Положение утверждено 2 июля 1920 г. В целом курс школы давал слушателям солидную подготовку. Постепенно продолжительность учебы возрастала, но статус выпускников не менялся. В штабах РККА по-прежнему лучше относились к выпускникам ускоренных курсов старой академии⁴⁹, тогда как выпускники школы штабной службы даже не считались генштабистами. Как уже отмечалось, в 1920 г. курс школы стал более продолжительным по сравнению с курсами старой академии и составил один год, а в 1921 г. школа перешла на двухгодичное обучение.

Таблица 4. Учебный план Высшей советской школы штабной службы командного состава РККА по двухгодичной программе⁵⁰

Предмет	Часов (всего)
Общеобразовательный класс	
Военная администрация	120

⁴⁶ Там же. Л. 147.

⁴⁷ Учебный курс общеобразовательного отделения: тактика — 6 часов в неделю, топография — 5, русский язык — 5, история — 3, физика — 3, общая география — 2, изучение организации производства — 3, математика — 5, политграмота — 3, верховая езда — 2, уставы — 3, иностранный язык — 2 (Там же. Л. 160об.).

⁴⁸ Учебный курс специально-военного отделения: тактика — 6 часов в неделю, топография — 3, связь и служба Генштаба — 3, разведка — 3, инженерное дело — 5, артиллерийское дело — 3, администрация — 4, военная гигиена — 1, политграмота — 3, уставы — 2, военная география — 2, верховая езда — 2, изучение организации производства — 3, иностранные языки — 2 (Там же. Л. 160об.–161).

⁴⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 166.

⁵⁰ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 331об.–332.

Продолжение Таблицы 4

Предмет	Часов (всего)
Тактика	216
Топография	186
Русский язык	120
Русская история	60
Всеобщая история	60
Природоведение	120
Общая география	60
Математика	150
Политическая грамота	90
Артиллерийское дело	78
Фортификация	78
Уставы	30
Специально-военный класс	
Тактика	218
Топография	162
Военная администрация	60
Тактика снабжения	60
Связь и служба Генштаба	84
Разведка	60
Тактика технических войск	30
Военная география	60
Инженерное дело	138
Артиллерийское дело	138
Экономическая география	30
Военная гигиена	30
Русский язык	60
Русская история	60
Математика	60
Политграмота	90
Уставы	30

Обязательным было изучение одного иностранного языка по четыре часа в неделю на общих семестрах, кроме того, перед занятиями один час проводилась гимнастика, занимались и верховой ездой.

По службе Генерального штаба слушатели изучали творческую и техническую часть управления войсками, подготовку решения, основные положения для

управления войсками, оперативные приказы, размножение и рассылку приказов, участие Генерального штаба в работе органов снабжения и устройства тыла.⁵¹

В феврале-марте 1921 г. школу окончили 8 человек.⁵² Среди выпускников школ штабной службы были некоторые крупные советские военные деятели. Например, в 1919 г. ее окончил М.В. Захаров — будущий маршал Советского Союза, начальник Генерального штаба. Школу при штабе Западного фронта окончил другой будущий маршал Советского Союза — Ф.И. Толбухин.

20 сентября 1921 г. приказом РВСР № 2071 на базе московской школы штабной службы возник подготовительный курс Военной академии (уже в 1919-1920 гг. школа воспринималась как подготовительное отделение перед академией, после которой способные выпускники проходили практику в штабах и поступали в академию⁵³), а 11 октября приказом РВСР № 2242 школа была выведена из подчинения ГУВУЗу и переподчинена начальнику академии, как и планировалось изначально. Функционировать в качестве подготовительного курса школа начала с 1 ноября 1921 г.⁵⁴ В отчете наркомата по военным и морским делам за 1922 г. отмечалось, что в школе проходили подготовку 39 человек⁵⁵, однако, как эти данные соотносятся с включением школы в состав академии, установить не удалось.

Как отмечали современники, школа превратилась в «военный рабфак» при академии, «было принято около полутораста рабочих и крестьян. Это были, несомненно, боевые командиры, но с общим образованием максимум в пределах городского, а чаще и сельского училища. Они были полны жажды знания, но их нельзя было оторвать от военной жизни, их нельзя было отправлять на рабфак гражданский. Так был создан новый курс, который сыграл определенную роль в дальнейшей истории академии».⁵⁶ Слияние с академией проходило непросто. На подготовительный курс академии зачислили 110 человек, из которых 30 перешли из школы, а остальные были приняты со стороны. Подготовительный курс окончили многие видные военные и политические дея-

⁵¹ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1049. Л. 12.

⁵² РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1049. Л. 8.

⁵³ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 162об.

⁵⁴ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 171. Л. 1.

⁵⁵ Отчет народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. М., 1925. С. 51.

⁵⁶ Военная академия за пять лет. Под ред. М.Л. Белоцкого, И.Г. Ключко, Е.А. Шиловского. М., 1923. С. 72–73.

тели, в том числе, например, маршал Монгольской народной республики Х. Чойбалсан. Первым начальником курса в академии стал М.В. Бойцов.⁵⁷

Создание школ штабной службы, готовивших в короткие сроки младших штабных работников, трудно переоценить. Система подготовки специалистов Генерального штаба в Советской России приобретала дифференцированный характер. Выпускники школ выполняли простейшую техническую работу в штабах, что разгружало квалифицированных генштабистов от рутинной деятельности. При этом такие работники все же обладали некоторым багажом знаний, т.е. не являлись простыми писарями, а могли работать с картой, оформлять приказы и прочую документацию.

⁵⁷ Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 24. Л. 71об.

А. М. ЗАХАРОВ

*Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена*

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ, АНТАНТА И ПРОБЛЕМА ЭВАКУАЦИИ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА ИЗ СИБИРИ В МАРТЕ — АПРЕЛЕ 1918 г.

Уже в феврале 1918 г. стало ясно, что перспективы дальнейшего использования Чехословацкого корпуса на территории России представляются более чем туманными. «Присутствие в России 42-тысячного контингента иностранных войск, жаждавшего продолжать войну, из которой сама Россия вышла, было парадоксально, однако, как братья-славяне и до недавнего времени товарищи по оружию, стойко сражавшиеся против общего врага, чехи заслуживали уважения»¹. Политическое руководство корпуса было более заинтересовано в его присутствии на французском фронте — ближе к глазам западных союзников и общественного мнения стран Антанты.

15 марта в штабе Московского военного округа начались переговоры представителя Отделения ЧСНС в России И. Клецанды с наркомом по делам национальностей И.В. Сталиным и начальником оперативного отдела округа С.И. Араловым. Озвученная Клецандой идея вывода корпуса нашла поддержку высокопоставленных советских собеседников. На вопрос Сталина о дальнейших планах, Клецанда заявил, что корпус должен быть эвакуирован во Францию, но, если выход России из войны может быть пересмотрен, то и это решение также может дискутироваться (как видим, во главу угла ставился

¹ Флеминг П. Судьба адмирала Колчака, 1917–1920 гг. М., 2006. С. 15.

именно вопрос продолжения войны с немцами)². Ленин в силу занятости в Совнаркоме на переговорах не присутствовал, но, по воспоминаниям Клецанды, несколько раз общался с ним по телефону³. Полное взаимопонимание на первых порах было и по вопросу о возможности создания в Сибири 2-го корпуса: Сталин даже прозрачно намекнул, что война для России, быть может, еще не кончена и 2-й чехословацкий корпус может пригодиться. Одновременно в Курске представитель Отделения ЧСНС Б. Павлу вел с командующим войсками Советской Украины В.А. Антоновым-Овсеенко переговоры технического характера, которые также завершились вполне успешно, хотя при этом начальник военных сообщений штаба советских войск на Украине С.С. Бакинский в своей телеграмме в Москву отмечал: «Договор с главкомом Украины нисколько не связывает Совнарком всей России и может быть изменен, но не ранее, чем все части выйдут за линию Купянск-Курск к востоку»⁴.

Если большевики и чехословаки договорились, как казалось, вполне успешно, то у представителей Антанты присутствовал более пессимистический взгляд на проблему. 20 марта 1918 г. посол Франции в США Ж. Жюссеран в телеграмме Государственному секретарю США Р. Лансингу предупреждал о слабости сибирской контрреволюции и ее готовности опираться на помощь немцев и в связи с этим настаивал на обязательности присутствия союзнических войск в Сибири⁵. Германофильские настроения большевиков считались также само собой разумеющимися (хоть таковыми и не были). Союзники сами породили фантом возможного немецкого проникновения в Сибирь и сами же испугались этого фантома. Начальник Генштаба маршал Ф. Фош сообщал в середине марта начальнику французской военной миссии в России генералу Лаверню, что не рассматривает проблему перевозки корпуса на Западный фронт как неотложную, поскольку чехи могут быть «использованы на месте». Лавернь, прекрасно

² Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т.1 (ноябрь 1917 – август 1922 гг.). М., 1973. С. 50.

³ *Fic V.M. Československé legie v Rusku a boj za vznik Československu, 1914-1918. Díl. 2. Bolševici a československé legie: Počátek jejich ozbrojeného konfliktu, březem – květen 1918. Brno, 2007. S. 29.*

⁴ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 636. Л. 2.

⁵ *Гражданов Ю.Д., Зимина В.Д. Союз орлов: Белое дело России и германская интервенция в 1917–20 гг. Волгоград, 1997. С. 77.*

понявший намек Фоша, сокрушался в ответ, что сделать это будет трудно из-за нежелания многих легионеров воевать против большевиков.⁶

Обратим внимание на важную деталь — корпус в тот момент был абсолютно лоялен советской власти. Более того, 30 марта 1918 г. по настоянию последней из рядов корпуса было отчислено 15 русских офицеров, в связи с чем их влияние на кадровый состав корпуса заметно уменьшилось, сведясь едва к 20 % общего количества командиров.⁷

Изменения в положении дел последовали уже в марте 1918 г. Масарик покинул Россию 7 марта — он видел сложность ситуации, но все же счел возможным уехать. Инструкции он оставил руководителям Отделения ЧСНС — И. Клецанде и П. Максе — двум не самым авторитетным и сильным организаторам. Масарик как бы демонстрировал, что ничего особо сложного он в процессе эвакуации корпуса не видит.

Причин в изменении ситуации было несколько, и действие их давало кумулятивный эффект — появляясь в разное, но очень близкое друг к другу время, они усиливали действие друг друга. Во-первых, на границах Маньчжурии и Сибири, в дальнем конце магистрали, по которой двигались чехи, началось восстание атамана Семенова. Ходили слухи о его связях с представителями Антанты, и в Москве обоснованно начали сомневаться в разумности соглашений, ведущих к тому, что на театр военных действий вводилось компактное соединение экспедиционных войск — Чехословацкий корпус, — по сути находившееся под командованием Антанты.

Во-вторых, с начала апреля во Владивостоке появились уже интервенты собственной персоной - незначительные пока еще японский и английский воинские контингенты. Цель у них была вполне прагматичная: охрана складов Владивостока, превратившихся к этому времени в армейский арсенал циклопических размеров — 648 тыс. тонн различных военных грузов.⁸ Быстро перевезти все это в европейскую Россию возможности не было: при пропускной способности Уссурийской железной дороги в 80 вагонов в сутки за апрель-июнь можно было вывезти не более 120 тыс. тонн, а КВЖД с 13 апре-

⁶ Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны (История Дальнего Востока. Т. 3. Кн. 1). / Ред. В.Л. Ларин. Владивосток, 2003. С. 237.

⁷ Роцевский П.И. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966. С. 30.

⁸ Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002. С. 207.

ля вообще перестала отправлять грузы на запад.⁹ Однако сам факт появления иностранных военных контингентов в России произвел на Москву крайне неблагоприятное впечатление.

Третьей причиной изменения обстановки стала позиция Германии, с которой советское правительство старалось отношений не портить. Генерал Э. Людендорф впоследствии описывал в мемуарах, как видели происходящее в Берлине: «В России тем временем события развивались по весьма своеобразному сценарию, характерному для лживого советского правительства. С его согласия Антанта продолжала создавать там из бывших военнопленных чехословацкие воинские части. Они предназначались для борьбы с нами, и их должны были по Транссибирской железной дороге доставить на Дальний Восток, а оттуда морем во Францию. И это позволяло правительству, с которым мы подписали мир, а мы терпели!».¹⁰

В-четвертых, внутри советского руководства стали зреть разногласия по поводу перспектив чехословацкого корпуса. 22 марта, когда основные его силы только-только погрузились в эшелоны для отправки на Дальний Восток, Центросибирь, опасаясь вооруженных выступлений чехов и словаков, приняла решение приостановить их продвижение в Омске, сообщив об этом в Москву, в Совнарком. Действовали они не столько по своей инициативе, сколько по подсказке И.В. Сталина. Об этом говорит выдержка из протокола заседания Центросибири: «Представитель Совета Народных Комиссаров тов. Сталин, указав на то, что в пределах советской республики допустимы только советские вооруженные отряды, предложил разоружить их. Президиум предложил Совнаркому направить их на Архангельск».¹¹

Идея разоружения корпуса, возникшая, как видим, у Сталина, конкурировала с замыслом Троцкого — сделать из чехов ядро будущей Красной армии. 18 марта он приехал в Москву из Петрограда и уже через два дня издал приказ остановить продвижение корпуса на восток и разоружить его в Пензе — чехословацкие части ему были нужны все, здесь и сейчас, а не в виде эфемерного пока 2-го корпуса. В этот день Троцкого посетили военные атташе Франции и

⁹ Бойко-Павлов Д.И., Сидорчук Е.П. Так было на Дальнем Востоке. М., 1964. С. 219.

¹⁰ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая война в записках германского полководца, 1914–1918. М., 2007. С. 289.

¹¹ Полтораки С.Н. Враги советской власти в борьбе против «белого» движения в Сибири (к истории вопроса) // История «белой» Сибири. Тезисы научной конференции (7–8 февраля 1995 года). Кемерово, 1995. С. 17.

США — капитаны Ж. Садуль и Э. Риггз. Учитывая, что ровно сутки спустя маршал Фош предложил представителям Франции в России узнать у самих чехов мнение насчет использования их в качестве основы для Красной армии, своей идеей с представителями Антанты Троцкий поделился. 22 марта представитель Отделения ЧСНС Б. Чермак в категорической форме в беседе с генералом Лавернем отверг предложение Троцкого.¹² 27 марта Троцкий вновь потребовал в разговоре с И. Клецандой оставить 1-й корпус в России. Тот, сославшись на соглашение со Сталиным, отказал Троцкому, заметив при этом, что те чехи и словаки, которые хотели оставить корпус, уже перешли в Красную армию, «так как они стоят не за нашу, а за вашу политическую программу».¹³ Клецанда выдвинул встречное предложение: корпус готов был разоружиться в Омске, сдав оружие интендантству формируемого 2-го корпуса. Троцкий не согласился с этим, заявив, что это будет возможно лишь при твердом обещании Отделения ЧСНС, что 2-й корпус войдет в состав Красной армии. Сослался Троцкий и на Брест-Литовский договор, оговаривавший, что на территории, контролируемой правительством большевиков, не могут находиться воинские части, не состоящие под их командованием.¹⁴ На этом переговоры прервались: Клецанда покинул Москву и уехал в Омск, где умер от пневмонии спустя три недели.

Пятым аспектом проблемы стала медленная трансформация позиций руководства самого корпуса. Член Отделения ЧСНС Ежек говорил Масарику перед отъездом, что 80 % тех, кто служит в корпусе, недовольны бездействием и неопределенностью положения. Цифра, конечно, взята «с потолка» и преувеличена, но тенденцию отражает довольно точно.¹⁵ Проницательный С.П. Мельгунов сразу увидел, в чем слабость позиции невмешательства. «Роль чехов в Сибири — больной и сложный вопрос, — писал он. — Вопреки всем планам одного из главных творцов чехословацкой независимости, вопреки его воле, чехи и словаки были тесно вплетены в жизнь русского народа в период сибирского «анабазиса». Вопреки теоретически признаваемому принципу нейтралитета в русских делах, чехам и словакам пришлось быть определенно действенной силой на внутренних фронтах гражданской войны

¹² *Fic V.M. Op. cit. S. 33.*

¹³ *Bystrov V. Osud generála: Komentář k některým dokumentům o životě a tragickém konci Sergeje Vojtechovského. Praha, 2007. S. 47.*

¹⁴ *Ibid. S. 45.*

¹⁵ *Bradley J.F. Allied intervention in Russia. N.Y., 1968. P. 82.*

в России... Как ни корректны были эти «чешские добровольцы», неизбежно в период гражданской войны получалось весьма ложное положение какого-то «двоеподданства». Это сказывалось, как мы увидим, и на деле».¹⁶

Иными словами, чехословаки, вольно или невольно, обречены были на участие в нарастающем в России гражданском противостоянии. Единственным шансом избежать этого был их скорейший вывод из страны. Но тут включился и шестой фактор — на их роль по-другому стали смотреть союзники по Антанте.

Еще 7 апреля Париж, признавая необходимой эвакуацию чехов во Францию, соглашался на то, чтобы в ожидании судов они оказали помощь Семенову. Окончательное же решение предлагалось принять после того, как все легионеры соберутся во Владивостоке.¹⁷ Директор оперативного отдела Военного министерства Великобритании генерал Макдонах отмечал, что, с точки зрения его ведомства, чехословацкий корпус лучше всего было бы расположить где-то в районе Омска, так как ценность его для фронта сомнительна, но сковать активность немецких и австро-венгерских военнопленных в Сибири он сможет.¹⁸ 15 апреля специальный представитель британского МИДа Р.Б. Локкарт телеграфировал в Лондон, что корпус будет перенаправлен из Владивостока в Архангельск и указывал одну из вышеупомянутых причин: появление на Дальнем Востоке союзных интервенционистских отрядов, в первую очередь, японских. 17 апреля на заседании Военного кабинета министр иностранных дел А. Бальфур одобрил это, тем более, что Франция тут же предоставила англичанам право использовать чехословацкие подразделения для охраны Мурманска и Архангельска до их эвакуации из этих портов. 19 апреля начальник Британского Имперского генштаба скорректировал текст: «просить Советское правительство помочь чехам эвакуироваться во Францию через Мурманск или Архангельск». Однако в тексте, отправленном Локкарту 20 апреля, эта правка отсутствует.¹⁹ Изменение планов советского руководства никак не объяснялось, контакты с ним корпусу не рекомендовались, что делало изменение маршрута довольно зловещим и неопределенным событием.

¹⁶ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. М., 2004. Т. 1. С. 140–142.

¹⁷ Дальний Восток России в период... С. 237.

¹⁸ Bradley J.F. Op. cit. P. 73.

¹⁹ Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию... М., 1982. С. 75.

В результате дипломаты стран Антанты приняли два взаимоисключающих решения. Нота № 25 военных представителей стран Антанты в России от 27 апреля 1918 г. предлагала поделить корпус пополам: все части, находящиеся западнее Омска, перенаправить в Мурманск и Архангельск, «что же касается контингентов, которые уже продвинулись восточнее Омска, то они могли бы на условиях, указанных в ноте №20 п.5, в случае необходимости совместно участвовать в акции союзников в Сибири».²⁰ Пункт «с» резолюции № 4 Абвильского совещания Высшего совета Антанты от 4 мая 1918 г. направлял *весь* (курсив мой — А.З.) корпус во Владивосток, а в Мурманск и Архангельск должен был двигаться 2-й чехословацкий корпус, как мы помним, существующий пока лишь в проекте. Именно поэтому Англия за весь апрель и май 1918 г. ничего не сделала для вывоза корпуса, поскольку из двух указанных решений отстаивала первое, в то время как Франция — второе.²¹

Новость о предстоящем разделении корпуса на две части была плохо воспринята его рядовым составом, несмотря на утверждение этого решения Отделением ЧСНС. Почти весь личный состав был убежден, что возможность корпуса вывести все свои подразделения из России зависела от его способности сохранить свое единство. Р. Медек вспоминал, как солдаты иронично писали на дверях теплушек: «Одбочка (Отделение ЧСНС в России — А.З.) едет в Архангельск, а мы — во Владивосток. Счастливого пути!».²²

В ночь на 10 апреля по телеграмме председателя Центросибири Ослопова движение чехословацких эшелонов было вновь остановлено. По всей видимости, это было решением Омска, а не Москвы. Причиной стали действия казаков Дутова и высадка японских солдат во Владивостоке. Во всяком случае, именно так объяснили происшедшее П. Максе в Самаре, где он в тот момент находился. Остановка была вновь списана на недоразумение, тем более, что уже 12 апреля штаб Красной гвардии в Омске заявил о возобновлении движения в ритме четырех эшелонов в день.²³

²⁰ Голуб П.А. Мятёж, взорвавший Россию. М., 2003. С. 57; Голдин В.И., Журавлев П.С., Соколова Ф.Х. Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. Архангельск, 2005. С. 70.

²¹ Fic V.M. The Collapse of American Policy in Russia and Siberia, 1918: Wilson's Decision Not to Intervene (March – October, 1918). Boulder, 1995. P. 93.

²² Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J. Českoslovenští legionáři (1914-1920). Praha, 1996. S. 173.

²³ Ibid. S. 66.

14 апреля 1918 г. комиссар Пензенского совета Лукьянов и представители Отделения ЧСНС при авангарде корпуса В. Гирса и В. Гоуска телеграфировали в Пензу со станции Мысовая, что первый эшелон прошел Иркутск, а с местным советом установлены нормальные деловые отношения²⁴.

Но на сибирские эшелоны приостановка продвижения произвела сильное впечатление. В ней видели немецкую интригу. «В атмосфере, насыщенной взаимным недоверием и подозрениями, — пишет историк чехословацкой "легии" в Сибири, — наши войска чувствовали себя очень плохо, и среди них начали раздаваться голоса, требующие, чтобы продвижение на Владивосток было достигнуто более радикальным способом».²⁵ 13 апреля на железнодорожной станции Кирсановка недалеко от Пензы прошло совещание делегатов от 1-й дивизии корпуса. С.П. Мельгунов зря полагал «Кирсановскую резолюцию» радикальной: напротив, в ней четко выразилось лишь одно желание — как можно быстрее покинуть Россию. Делегаты приняли решение приостановить разоружение и требовать у Отделения ЧСНС одобрения этого шага. Последнее было невозможно — Отделение ЧСНС хотело мирно договориться с большевиками и потому готово было идти на уступки. Однако «Кирсановская резолюция» абсолютно адекватно отражает ирреальность той ситуации, в которой оказался корпус.²⁶

«На нас в некотором смысле влияла политика Антанты, откровенно ставшая антибольшевистской, — писал легионер К. Свобода. — С другой стороны, нельзя не отметить, что некоторые наши офицеры, настроенные резко антибольшевистски, вели тайные переговоры с их противниками, а нас склоняли к открытой конфронтации».²⁷

Мемуарист здесь, пожалуй, склонен к некоторой аберрации взгляда: политика Антанты еще не была антибольшевистской — она, собственно, была никакой, выразившись в принятии взаимоисключающих решений по эвакуации корпуса. Однако очевидной здесь представляется неприязнь к коммунистическим агитаторам. Руководство же корпуса и Отделение ЧСНС в России пока старались с ними не конфликтовать. 8 апреля 1918 г. был подписан при-

²⁴ Ibid. S. 69.

²⁵ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 142–145.

²⁶ Bradley J.F. Op. cit. P. 88.

²⁷ Svoboda K. S vichřící do dvou světadílů: Dokumentární historie ruského legionaře. Praha, 2006. S. 102.

каз № 34 по корпусу, дававший агитаторам возможность общаться с солдатами и категорически воспрепятствовавший применению против них силы.²⁸ Приказ наполнил солдат такими подозрениями в адрес собственного начальства, что и породил «Кирсановскую резолюцию». Действия агитаторов в Пензе самими коммунистами впоследствии оценивались как наивные и психологически неоправданные, при том, что отвечать за них в итоге пришлось Пензенскому совету, которому корпус не доверял.

Командир корпуса В.Н. Шокоров и начальник штаба корпуса М.К. Дитерихс узнали о «Кирсановской резолюции», находясь на станции Веркуновская неподалеку от Иркутска. 14 апреля 1918 г. в 20.00 они издали специальное дополнение к приказу № 34, еще раз подчеркивавшее, что любое применение корпусом силы в отношении русских граждан категорически исключено. Оружие солдатам предлагалось сдавать добровольно.²⁹

Две недели спустя условия смягчились (вступила в действие нота Антанты от 27 апреля). Эшелоны, уже находившиеся восточнее Омска, могли следовать дальше. Те, что находились западнее Омска, отправлялись по новому маршруту — в Архангельск.³⁰

Происходящее заставило и Москву несколько скорректировать свою позицию. 2 мая 1918 г. Сталин направил в Пензенский совет телеграмму следующего содержания: «СНК считает предложения Чехословацкого корпуса справедливыми и вполне приемлемыми при неременном условии немедленного продвижения эшелонов по направлению к Владивостоку и немедленного устранения контрреволюционного командного состава. Чехословаки передвигаются не как боевые единицы, а как группа свободных граждан, берущих с собою известное количество оружия для своей самозащиты от покушений со стороны контрреволюционеров. По поручению СНК Сталин».³¹

В теории каждому эшелону полагалось 168 винтовок с 300 патронами на винтовку и один пулемет с 1200 патронами, но на практике чехи без труда спрятали в поездах гораздо больше вооружения. Процесс сдачи не-

²⁸ *Bradley J.F.* Op. cit. P. 111.

²⁹ *Fic V.M.* Op. cit. S. 53.

³⁰ *Флеминг Д.* Указ. соч. С. 16,18.

³¹ *Велеховский Ф.* Чехословаки в России. Екатеринбург, 1918. С. 28.

которого его количества проходил с разногласиями и отсрочками в атмосфере взаимного недоверия.³²

Как бы там ни было, к середине мая 1918 г. Чехословацкий корпус растянулся в 62 эшелонах, только 15 из которых находились восточнее Омска, по всей длине Транссибирской железнодорожной магистрали. Проблемы, выросшие из разного понимания возможности и необходимости его эвакуации, вступали в самую острую свою фазу...

³² Флеминг Д. Указ. соч. С. 15.

В. В. КАЛИНОВСКИЙ

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КРЫМУ

Гражданская война существенно отразилась на развитии Крыма, подарив ему и непродолжительный опыт государственности, и хрупкое ощущение последней цитадели Белого движения, и трагедию Красного террора, когда над полуостровом вошло «Солнце мертвых». Неслучайно памятный камень, находящийся в Центральном парке культуры и отдыха в Симферополе, символизирует вырванное из груди, но не переставшее биться сердце. Безусловно, Гражданская война стала рубежом, навсегда изменившим историю полуострова. Телеграмма М.В. Фрунзе о ликвидации Южного фронта возвестила о начале советского периода крымской истории. Сегодня, после окончания этого временного отрезка, в эпоху политической нестабильности и экономического кризиса, крымские историки, политологи, представители творческой интеллигенции и общественных организаций все чаще обращаются именно к опыту Гражданской войны, пытаясь найти в том периоде ответы на актуальные вопросы современности. Наиболее показательным примером этого может служить наличие портретов Номана Челебиджихана на заседаниях Курултая крымскотатарского народа, что можно связать с памятью о непродолжительном опыте национальной государственности. Естественно, что интереснейшая, но полная лакун, история Гражданской войны в Крыму является заметной темой современных штудий местных историков. Краткому обзору этих работ посвящена данная, не претендующая на всеохватность, публикация.

В годы Советской власти, когда государственная историческая наука не терпела альтернативных точек зрения, основные труды, освещавшие события Гражданской войны, были партийными и догматическими. К числу наиболее показательных исследований можно отнести работы Б.М. Вольфсона [1] и П.Н. Надинского [2]. Происходившие на полуострове военные и политические баталии освещались с классовых позиций, неудобные для большевиков моменты либо преподносились в искаженном виде, либо замалчивались. Взятие Перекопа считалось отправной точкой новой эры истории Крыма, что особенно заметно по выступлениям названных выше исследователей в местной прессе конца 30-х годов XX века. До начала горбачевской Перестройки итоги и ход войны в крымской исторической литературе концептуально не пересматривались, да и в последующие годы историки отличались консерватизмом подходов.

Принципиально ситуация изменилась после распада СССР. Новое время сняло идеологические барьеры для исследователей, но принесло и свою специфику. Словно в романе В.П. Аксенова, в научном отношении Крым стал Островом, оторвавшимся от России, но не ставшим полноценной частью Украины. В связи с этим местные историки периода Гражданской войны зачастую не знают о работах своих коллег из академических центров — Москвы, Санкт-Петербурга и Киева, не говоря уже о публикациях региональных исследователей. Складывавшиеся десятилетиями связи между университетами в одночасье оказались разрушены. Частые в советское время поездки по центральным архивам сделались труднодоступными для крымских доцентов и профессоров. Поэтому большая часть ученых замкнулась на местном архивном материале и на изданиях, отложившихся в библиотеках Симферополя и Севастополя.

Несмотря на все трудности, за годы независимости Украины в Крыму появилось несколько значимых исследований по истории Гражданской войны. Среди них выделяется своей обстоятельностью созданная братьями А.Г. и В.Г. Зарубиными книга «Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму». Пытаясь оставаться беспристрастными наблюдателями, историки постарались объективно представить все аспекты многоуровневого конфликта. Второе издание книги, расширенное и дополненное, на сегодня является наиболее масштабным из трудов по рассматриваемой проблематике [3]. В 2013 году появилось уже отдельное исследование В.Г. Зарубина «Проект «Украина». Крым в годы смуты (1917–1921 гг.)», продолжающее предыду-

щие наработки автора и раскрывающее как деятельность краевых правительств, так и дающее описание жизни полуострова в заявленный период [4].

Значительным вкладом в дело исследования Гражданской войны в Крыму становится публикация малоизвестных документов о событиях на полуострове. На этой ниве проявил себя бывший директор Государственного архива города Севастополя В.В. Крестьянников. Им были подготовлены к печати такие сборники материалов как «Севастополь: хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов» [5] и «Варфоломеевские ночи в Севастополе. Декабрь 1917 – февраль 1918 г.» (последний — совместно с архивистом Н.М. Терещук) [6]. Значительное число документов было опубликовано на страницах разных изданий сотрудниками Государственного архива в Автономной Республике Крым С.А. Андросовым и Л.П. Кравцовой.

Некоторое количество статей по проблематике Гражданской войны появлялось на страницах местных научных журналов. Один из них — «Историческое наследие Крыма» — издавался Республиканским комитетом по охране культурного наследия при Совете министров Автономной Республики Крым, но, к сожалению, прекратил свое существование. Второе издание — историко-краеведческий и литературно-философский журнал «Крымский архив», выходящий с 1994 года. Гражданская война, наряду с Крымской (Восточной), стала одним из «коньков» журнала, поэтому практически все местные специалисты по проблематике выступали на страницах журнала со своими работами. Еще одним важным направлением деятельности «Крымского архива» стала публикация документальных свидетельств — архивных материалов и малодоступных статей из эмигрантской прессы, преимущественно личного характера.

После возвращения крымских татар из мест депортации начинается бурное развитие исследований на национальную тематику. Естественно, что и вопросы Гражданской войны не остались без внимания. Было подготовлено несколько объемных сборников документов (составители — М.Н. Губогло и С.М. Червонная [7]; А.Г. Зарубин [8]). Что касается непосредственно исследователей из числа крымских татар, то ими создаются преимущественно научно-популярные или публицистические статьи, посвященные крымскотатарской Директории и ее активным участникам.

Одним из наиболее изученных вопросов истории Гражданской войны в Крыму сегодня является развитие науки и образования на полуострове. Как известно, в поисках лучшей жизни многие выдающиеся деятели русской интеллигенции (В.И. Вернадский, Б.Д. Греков, А.Н. Толстой и др.) отправились именно

сюда. В деле публикации малоизвестных документов проявил себя профессор Таврического национального университета С.Б. Филимонов. Им подготовлено несколько сборников документов с комментариями ученого, среди которых наиболее значимы две работы — «Хранители исторической памяти Крыма» [9] (о деятельности Таврической ученой архивной комиссии) и «Интеллигенция в Крыму (1917–1920): поиски и находки источниковеда» [10]. Не умаляя заслуг С. Б. Филимонова, отметим, что многие публикации профессора в местной периодической печати и университетской многотиражке носят достаточно громкие авторские уточнения, такие как «уникальная находка» или «сенсационная находка», которые далеко не всегда можно назвать справедливыми.

Жизнь крымских ученых в годы Гражданской войны, их переписка со столичными коллегами, отразились в работах заслуженного работника образования Украины, профессора Таврического национального университета А.А. Непомнящего. Благодаря широкому использованию материалов из архивохранилищ Украины и России ученому удалось воссоздать целостную картину жизни людей, отдавших жизнь во славу науки. Особенно это касается таких ученых как А.И. Маркевич [11] и Н.Л. Эрнст [12]. Их жизнеописания вышли в не имеющей аналогов книжной серии «Биобиблиография кримведения», создателем и неизменным редактором которой является А.А. Непомнящий.

Последней по времени работой по истории Гражданской войны в Крыму стала монография А.В. Ишина «Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 годах» [13]. В ее основу легла недавно защищенная исследователем докторская диссертация. Монография А.В. Ишина вызвала ряд разноречивых откликов — от положительных со стороны публицистов до сдержанно-негативных со стороны специалистов по проблеме.

В заключение следует отметить, что, несмотря на все трудности, научные связи между исследователями восстанавливаются, и крымчане уже не находятся в информационном вакууме. Так, сразу после выхода попала в Крым и тепло была встречена учеными монография А.С. Пученкова «Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории» [14]. Надеемся, что сотрудничество будет продолжаться, шириться и крепнуть.

Литература

1. Вольфсон Б.М. Конец авантюры барона Врангеля. Симферополь: Крымгиз, 1940. 120 с.

2. Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма: Ч.2 /Акад. наук СССР. Крымский филиал. Симферополь: Крымиздат, 1957. 302 с.
3. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь: АнтикВА, 2008. 728 с.
4. Зарубин В.Г. Проект «Украина». Крым в годы смуты (1917–1921 гг.) Харьков: Фолио, 2013. 379 с.
5. Севастополь: хроника революций и гражданской войны 1917–1920 годов / В.В. Крестьянников (сост., науч.ред. и коммент.). Севастополь: Крымский Архив, 2007. 639 с.
6. Варфоломеевские ночи в Севастополе. Декабрь 1917 – февраль 1918: документы и материалы / сост. В.В. Крестьянников, Н.М. Терещук. Севастополь, ЧП Арефьев, 2009. 284 с.
7. Губогло М.Н., Червонная С.М. Крымскотатарское национальное движение: [в 2 т.] /Рос. акад. наук. Центр по изуч. межнац. отношений, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Б.и., 1992. 330; 339 с.
8. Зарубин А.Г. Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. [Документы] // Вопросы развития Крыма (Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник). Симферополь, 1996. Вып. 3.
9. Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма : о наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931 гг.) Изд. 2-е, перераб. и доп. Симферополь: ЧерноморПРЕСС, 2004. 314 с.
10. Филимонов С.Б. Интеллигенция в Крыму (1917–1920): поиски и находки историков-исследователей. Симферополь: ЧерноморПРЕСС, 2006. 229 с.
11. Непомнящий А.А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения / Тавр. нац. ун-т им. В.И. Вернадского, РГ. Свода памятников истории и культуры Украины по Автоном. Респ. Крым. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. 429 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 3)
12. Непомнящий А.А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения / Центр памятниковедения Нац. акад. наук Украины [и др.]. Киев: Стило, 2012. 463 с. (Серия: «Библиография крымоведения»; вып. 15).
13. Ишин А.В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 годах. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012. 384 с.
14. Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб.: Нестор-История, 2013. 352 с.

А. С. Пученков

Санкт-Петербургский институт истории РАН

УКРАИНА И КРЫМ В 1918 — НАЧАЛЕ 1919 г.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Украина и Крым в период Гражданской войны пережили одну из величайших драм в своей истории. Распад Российской Империи породил мощнейшие национальные движения на окраинах: насаждение новой государственности на территории вчерашних генерал-губернаторств и краев сопровождалось невиданным разгулом жестоких страстей. Украина и Крым не стали в этом ряду исключением. По сути, на территории благодатного края царил хаос, власть переходила из рук в руки, в то время как население было фактически отдано этой самой властью на откуп грабителям всех мастей и калибров. Одновременно с этим Украина и Крым стали объектом беззастенчивого интереса союзников, а перед этим — центральных держав. И те, и другие преследовали в первую очередь свои собственные интересы, рассматривая занятую территорию как великолепную сырьевую и геополитическую базу, а население — как обслуживающий персонал.

В общем-то, ужас и бессмысленность братоубийственной бойни легче чем где бы то ни было можно проследить на примере рассматриваемого региона. Особенность развития политического процесса на Украине и Крыму заключалась в нарастающей силе хаоса и жестокости противоборствующих сил. Безусловно также и то, что история Украины и Крыма неотъемлемым образом связана с историей русской Гражданской войны — именно Киев и Севастополь зачастую были перевалочной базой для офицерства перед дальнейшей отправкой его на Дон; здесь отдыхали от ужасов чрезвычайек пред-

ставители российской буржуазии и видные политики старой России; наконец, здесь, в условиях *мирного времени*, (ни Украина, ни Крым в 1918 году не принимали формального участия в Гражданской войне в России), Скоропадский и Сулькевич — диктаторы Украины и Крыма — могли попытаться создать «землю обетованную», от которой могло пойти возрождение прежней России — великой и независимой державы. Однако, все сложилось иначе, не так, как хотелось многим, верившим в прочность Украинской Державы и Крымского протектората, а главное — в силу немецких штыков.

В 1918 году Украина и Крым стали ареной противоборства самых разных политических сил — от монархистов до украинских и татарских националистов. Общим для всех участников борьбы было стремление к захвату власти. Как и всегда в таких случаях, народ оказался разменной монетой в сложной политической игре по очень большим ставкам.

Жизнь Украины и Крыма в 1918 – начале 1919 года проходила по-разному. Крым, объективно говоря, еще не попал в полной мере под воздействие революции: здесь, на полуострове, все-таки было спокойней, чем в России или на Украине. Вместе с тем, Крыму еще предстояло выйти на авансцену российской Гражданской войны, пережив в драматическом 1920 году в полной мере и отчаянную попытку Врангеля создать уникальный «остров Крым», и все ужасы красного террора. Однако все это будет позже. Тогда, в 1918 году, Крым лишь эпизодами погружался в ужасы братоубийственного противостояния. Правительственная же деятельность крымского правительства Соломона Крыма, по наблюдению современников, больше походила на заседания земств в старое, доброе дореволюционное время. Можно согласиться с исследователем А.А. Тесля, тонко подметившего в рецензии на книгу автора этих строк, что сознание крымских и украинских политиков не поспевало за событиями. «В этом, кстати, можно видеть одну из причин — не основную, но также немаловажную — успеха большевиков, которые изначально были нацелены на действие в новых, «небывалых» условиях, принимая «эксперимент» и заведомо ожидая, что поведение объекта даст новое знание о нем — ориентируясь на которое, необходимо будет менять и собственное поведение. Их противники — при всем многообразии их позиций и подходов — по преимуществу либо сохраняли привычные, устойчивые формы поведения в изменившихся условиях, либо пребывали в растерянности. При первой нормализации обстановки участники событий начинали действовать так,

как если бы большая часть предшествующих проблем, породивших ситуацию, исчезла...».¹ Как бы то ни было, к концу 1918 г. в Крыму было спокойнее, чем едва ли не на всей территории бывшей Российской Империи.

Украина в 1918 году испытала все мыслимые и немыслимые ужасы безвременья. Год начался с беспримерной и варварской бомбардировки Киева советскими войсками под командованием Муравьева, однако период первого владычества большевиков в «матери городов русских» оказался крайне непродолжителен. Не стала долгожителем и Центральная Рада, зазавшая на Украину войска центральных держав, сразу же обложивших благодатный край тяжелой данью и систематично отправлявших в «метрополию» составы с продовольствием и сырьем. Мимоходом противники Антанты ухитрились «слопать» Крым, тем самым обрекая на гибель или позорную сдачу значительную часть Черноморского флота, выбравшего в итоге затопление в Цемесской бухте. Отношение немцев к противникам большевиков было в 1918 году очень и очень противоречивым. В конечном итоге, центральные державы, естественно, в первую очередь заботились об обеспечении собственных интересов.

Переговоры немцев и австрийцев с представителями различных политических сил в том же Киеве были не только и не столько флиртом, не только и не столько политикой «Разделяй и властвуй», как казалось некоторым мемуаристам — правильнее будет говорить о поисках оккупантами надежных союзников, которые смогут обеспечить сохранение существующего положения вещей, т. е. обеспечить господство Германии и Австро-Венгрии на оккупированной территории и вывоз с нее всего, необходимого для потребностей большой войны. Именно исходя из этого, в конце апреля 1918 года немцами и была сделана ставка на гетмана Скоропадского.² Последний казался немцам основательным политиком, осторожным человеком, который будет держаться за свалившуюся в его руки власть, и будет видеть в немцах единственных гарантов существования его режима власти. По аналогичной причине, в Крыму был установлен марионеточный режим власти генерала Сулькевича.

Отношение к Скоропадскому еще со времен Булгакова, красочно показавшего это в своем романе «Белая гвардия», было немного ироническое.

¹ Тесля А. Очерки полураспада // Internet: Режим доступа: <http://www.russ.ru/Mirovaya-rovestka/Ocherki-poluraspada>

² Подробнее см.: Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб.: Нестор-история, 2013. 352 с.

Действительно, современники находили в процедуре выборов гетмана сходство с опереткой. Речь же, думаю, должна идти о другом: в сложнейших условиях 1918 года, лавируя среди множества взаимоисключающих течений, Скоропадский продемонстрировал изрядное политическое искусство, оказав сторонникам вооруженной борьбы с большевиками крупную моральную поддержку. Именно на территории Украины укрывались общественные деятели, буржуазия и, наконец, с Украины на Дон в течение всего гетманата шел неиссякаемый поток офицерства. Да и сам факт существования не охваченной волной большевизма Украинской Державы, пускай и находящейся под германской пятой, сыграл колоссальную роль для антисоветской борьбы и дальнейшей эскалации Гражданской войны. Сложно не согласиться с генералом Н.В. Шинкаренко, утверждавшим в своих воспоминаниях, что «самый факт существования Украины Скоропадского или, вернее, присутствие на ее территории германских войск задержал распространение советов на Юг...».³ Действительно, недолгая «гетманиада» сыграла колоссальную роль для дальнейшей эскалации Гражданской войны, Украинская Держава стала своеобразной «подушкой безопасности», позволившей с одной стороны обезопасить Добровольческую армию от фронтального соприкосновения с главными силами большевиков, а с другой — выиграть драгоценное время для создания более крупных и боеспособных антисоветских сил.

Дать какую-то характеристику гетману как политику чрезвычайно трудно, думается, что Скоропадский в глубине души понимал шаткость своего положения, скомпрометированного «немецким» источником своей власти. Как следствие, гетман безуспешно пытался создать свои боеспособные вооруженные силы, установить союзные отношения с Красновым, безуспешно налаживал мосты для связи с командованием Добровольческой армии, а в конце своего правления пошел «ва-банк», объявив о федерации Украины с будущей небольшевистской Россией и предпринимая целый ряд усилий для того, чтобы заручиться поддержкой сил Антанты. Запоздалое «русофильство» гетмана, вкупе с недооценкой им Петлюры — признанного вождя украинского селянства — сыграло для гетмана роковую роль. Именно самостийники и их лидер Петлюра погубили Скоропадского; усилия гетмана по обороне Киева от петлюровцев были крайне неэффективными. Неудача обороны

³ Центральный музей Вооруженных Сил (ЦМВС). Документальный фонд. Воспоминания генерала Н.В. Шинкаренко. Ч. II. Л. 95.

города вынудили Скоропадского и последнего руководителя обороны Киева графа Долгорукова позорно бежать, в еще большей степени подтвердив бутафорский характер Украинской Державы, созданной германскими штыками.

Сулькевич, несомненно, был менее крупной политической фигурой, чем Скоропадский. В отличие от Скоропадского, Сулькевич был именно «техническим» главой своего государства, не претендовавшим даже на видимость своей диктатуры. Опять-таки, в отличие от гетмана, Сулькевич уступил свою власть безропотно.

Большое значение в 1918 году играл так называемый вопрос об ориентации. Речь шла о том, на какую силу — на Антанту или на Германию — следует опереться противникам большевизма в целях скорейшего свержения Советской власти. Позиции сторонников Антанты, равно как и германофилов, были глубоко продуманы, и за каждой из них стояла целая сумма аргументов. О моральной стороне, т. е. о том, как может выглядеть использование иноземной силы в целях подавления внутренней смуты, никто тогда не думал. Мало кто из российских политиков сумел сохранить в этой борьбе ориентаций свою репутацию незапятнанной. Классический пример — бывший министр иностранных дел первого состава Временного правительства Павел Николаевич Миллюков, летом 1918 г. неожиданно для всех перешедший в «германскую веру» и пытавшийся вести безуспешные переговоры с представителями германского оккупационного командования на Украине. Для Миллюкова ошибочная ставка на немцев стала фатальной и означала конец российского этапа его политической карьеры. Лидер кадетов оказался фигурой в высшей степени скомпрометированной: последующие попытки Миллюкова занять какое-то положение в системе Добровольческой армии, попасть в состав Особого Совещания при Деникине ни к чему не привели. Краткосрочное германофильство Миллюкова Миллюкова же как политика и погубило.

Отношение Деникина ко вновь возникшим под фактическим немецким протекторатам государствам — Украине и Крыму — было презрительным. Антон Иванович видел в двух бывших генералах русской службы — Сулькевиче и Скоропадском — если говорить без обиняков — предателей, находящихся на службе у врагов России — немцев. Между тем, и Сулькевич, и, в особенности, Скоропадский, относились к Добровольческой армии не то чтобы не враждебно, но даже доброжелательно. Особенно это относилось к Скоропадскому, осознавшему после поражения Германии в Великой войне,

что только силы русских добровольцев смогут спасти его режим от крушения, а Украину от петлюровщины. Деникин, однако, не пошел на сохранение статус-кво — ни на Украине, ни в Крыму, не предоставив гибнущим прогерманским режимам Скоропадского и Сулькевича военной помощи со стороны Добровольческой армии. Вместе с тем, надо учитывать то обстоятельство, что к концу 1918 г. положение Добровольческой армии на фронте борьбы с большевизмом было не из легких. «Лишних» полков, дивизий и армий у Деникина просто не было. Гетманщина, не сумевшая создать боеспособную армию, была обречена на падение. Таким образом, проект создания независимой Украинской Державы под защитой австро-германских штыков провалился. Несостоятельными оказались и мечтания как, возможно, и самого Скоропадского, так и многих русских общественных деятелей о том, что вновь, как и тысячу лет назад, Киев станет «матерью» нового «издания» возрождаемой Российской Державы. «Скоропадщина» просуществовала всего семь с половиной месяцев. «Генеральские диктатуры» Сулькевича и Скоропадского рухнули фактически в одночасье и стали доказательством того, что националистические режимы, держащиеся лишь на силе иностранных штыков, обречены на гибель.

В свою очередь, задуманная как начало широкомасштабной военной экспедиции сил Антанты в Россию французская интервенция в Одессе, с самого начала, что называется, не задалась. Взаимоотношения же русских политических кругов, добровольческого командования, французских интервенционных сил и петлюровцев в конечном итоге превратились в дешевую склоку, против своей воли сыграв на руку лишь большевикам. В свою очередь, украинский народ в 1918 г. показал, что его в той же степени, что и русский, захватила Гражданская война, расколовшая нацию на множество «вер» — в торжество пролетарского интернационализма, в «Единую, Великую, Неделимую Россию», хотя последняя и не предусматривала возможности самостоятельной государственности для Украины; в «незалежную» Украину, живущую под знаком националистической идеологии; и, наконец, вера в то, что вернувшись к старому-доброму времени, — можно вновь зажить по-человечески. Увы, революционный пожар лишь только начинал разгораться, а населению Украины и Крыма предстояло пережить еще немало кровавых драм.

Д. И. Стогов

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)*

СУДЬБА ЛИДЕРОВ ПРАВЫХ ПАРТИЙ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Революционный 1917 год и последующая за ним Гражданская война 1918–1922 гг. полностью изменили социально-политическую конфигурацию в российском обществе, привели к глобальным изменениям в политической жизни и общественном движении России. Правомонархическое движение, которое до февраля 1917 г. фактически являлось оплотом самодержавной власти, ее правой рукой, сразу после февральской революции 1917 г. было разгромлено, а его остатки оказались в глубоком подполье.

Тем не менее, весьма примечательна судьба лидеров ведущих дореволюционных русских правых организаций, которые в новых революционных условиях вынуждены были реагировать на вызовы времени: либо в силу своей возможности приспособливались к революционной власти, либо, полностью отвергая ее, активно боролись с ней, вливаясь в годы Гражданской войны в Белое движение.

Отметим, что в исторической и политологической литературе под правыми традиционно понимают «консервативные партии, отстаивавшие и отстаивающие традиционные – политический, социальный, экономический, ре-

лигиозный, бытовой — уклады жизни, стоящие за сохранение основ существующего или существовавшего строя».¹

Наиболее последовательной и активной частью русского правомонархического движения были черносотенцы. В России конца XIX — начала XX вв. они выступали за сохранение незыблемого традиционного самодержавия, и в этой связи термин «черносотенцы» для того времени фактически являлся синонимом слова «монархисты». Черносотенцы ратовали также за первенство русской народности и православной религии на территории традиционного проживания великороссов, малороссов и белорусов, которые рассматривались ими как составные части триединого русского народа.

К правым организациям с некоторой долей условности можно отнести националистов², в частности, Всероссийский национальный союз (ВНС) — крупнейшую организацию русских националистов, стоявшую в политическом спектре чуть левее черносотенных организаций.

Если мы посмотрим на биографии ведущих лидеров правых организаций, то их послереволюционные судьбы можно разделить, условно говоря, на три основных типа:

1) *Лидеры правых организаций, активно боровшиеся с советской властью.* В эту категорию можно отнести, в частности, думских депутатов — руководителя Русского народного союза имени Михаила Архангела (РНСМА) Владимира Митрофановича Пуришкевича и руководителя Союза русского народа (СРН) Николая Евгеньевича Маркова, а также его соратника, депутата Государственной думы Георгия Георгиевича Замысловского, биографии которых как наиболее *типичные* рассмотрим подробнее.

Вскоре после падения самодержавия Пуришкевич возобновил политическую активность и даже смог создать подпольную монархическую организацию осенью 1917 г. Однако она была раскрыта большевиками, и Пуришкевич получил один год тюрьмы (плюс три — условно), но был вскоре (в мае 1918 г.) амнистирован. Позже он стал активным участником Белого движения. Он создал Всероссийскую народно-государственную партию (ВНГП),

¹ Правые партии. Документы и материалы. 1905–1917 гг. Т. 1–2 / Публ. Ю.И. Кирьянова. М., 1998. Т. 1. С. 5.

² Об идеологических различиях между националистами и черносотенцами см.: Иванов А. А. «Россия для русских»: pro et contra. Правые и националисты конца XIX — начала XX века о лозунге «русского Возрождения» // Трибуна русской мысли. 2007. № 7. С. 92–101.

заявляя, что выступает за восстановление монархии в России. Однако, полагал политик, к власти должен прийти не Дом Романовых, а новая династия, избранная, как он выражался, свободным волеизъявлением народа.³

Летом 1917 года Н.Е. Марков создает в Петрограде подпольную организацию «Великая единая Россия», которая ставила перед собой цель спасти царскую семью (в эту организацию также входили видные правые деятели Г.Г. Замысловский, Н.Д. Тальберг, некоторые правые депутаты Государственной думы, гвардейские офицеры). Кроме того, политик вошел в состав руководства конспиративной «Объединенной офицерской организации», главой которой являлся генерал Е.К. Арсеньев. Также, наряду с великим князем Павлом Александровичем и бывшим председателем Совета министров А.Ф. Треповым, с весны 1918 г. Марков входил в состав «Комитета петроградской антибольшевистской организации», которая являлась филиалом московского «Правого центра», и действовал под конспиративным псевдонимом «Tante Ivette». Планировалось привлечь германские войска и немецких военнопленных к планируемому государственному перевороту с целью последующего восстановления в России монархии. Лично Марков вел переговоры с доверенным лицом немецкого генерала Пауля фон Гинденбурга, однако из-за непомерных требований германской стороны достигнуть соглашения не удалось.

8 ноября 1918 г., после провала всех планов по спасению царской семьи и в разгар «красного террора», Марков уезжает из Петрограда и перебирается в соседнюю Финляндию. С конца того же года он активно участвует в Белом движении на северо-западе России. В 1918–1919 гг. он являлся членом «Братства Белого креста Великой единой России», стоял во главе монархического «Союза верных», в котором в основном преобладали офицеры; редактировал выходившую в Ямбурге газету «Белый крест», вскоре запрещенную за монархизм командующим армией генералом А.П. Родзянко. Следует также отметить, что в мае 1919 года, спасаясь от грозившего ему ареста, Марков при помощи гвардейских офицеров Александра и Сергея Гершельманов (сыновей известного покровителя черной сотни московского генерал-губернатора С.К. Гершельмана) покинул Финляндию и пересек Финский залив.

Созданный Марковым на территории Эстонии «Союз верных» в основном считал необходимым вести активную работу в Красной армии, которая,

³ Подробнее см.: Иванов А.А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика. М.; СПб., 2011. С. 372–398.

по мнению Маркова, должна была осуществить военный переворот, возглавляемый внедренными в Красную армию членами Союза.⁴

Летом 1917 г. Г.Г. Замысловский состоял членом основанной Н.Е. Марковым подпольной монархической организации «Великая единая Россия». После октября 1917 г. Замысловский перебрался в Киев, затем, в 1918 году, в Ростов, где пытался создать единый фронт, имевший лозунгом «великую, единую и неделимую Россию, на основе законопреемственной монархии».

В начале ноября 1918 г. правый политик пытался собрать монархический съезд, стараясь привлечь к нему в том числе и «представителей Добровольческой и Кубанской армии». Позже Замысловский вошел в Национально-либеральную партию, отколовшуюся в апреле 1919 г. от Русского собрания, но не порвавшую с ним связи. Пропаганда велась главным образом в среде интеллигенции и мелкой буржуазии. Национал-либералы одно время активно поддерживали «Союз русских национальных общин» в его деятельности по сколачиванию блока близких по духу организаций. Однако вскоре у партии возникли разногласия с «Союзом». В съезде в Ессентуках партия участия не приняла, а вместо этого вновь вошла, наряду с Всероссийским монархическим центром, в Русское собрание.⁵

2) *Лидеры правых организаций, не выступавшие против советской власти*, хотя, как правило, и не одобрявшие ее политику. К этой категории правых политиков можно отнести, в частности, руководителя Всероссийского Дубровинского Союза русского народа (ВДСРН) Александра Ивановича Дубровина, его соратника, ученого-правоведа Бориса Владимировича Никольского, другого соратника Дубровина Николая Николаевича Жеденова, видного черносотенца Клавдия Никандровича Пасхалова, черносотенного публициста, присяжного поверенного Павла Федоровича Булацеля и многих других.

Наиболее полной информацией мы располагаем относительно деятельности в годы Гражданской войны А.И. Дубровина и Б.В. Никольского, биографии которых и рассмотрим более подробно.

В феврале 1917 г. А.И. Дубровин, обычно живший в деревне, временно оказался в Петрограде. Уже 28 февраля он, несмотря на тяжелое состояние

⁴ Подробнее см.: *Марков Н.Е.* Думские речи. Войны темных сил / Сост., предисл., коммент. Д.И. Стогова. М., 2011 С. 29–32.

⁵ Подробнее см.: *Замысловский Г.Г.* В борьбе с ненавистниками России / Сост., предисл., коммент. Д.И. Стогова. М., 2013. С. 33–36.

здоровья, был арестован. В ночь со 2 на 3 марта Александр Иванович был переведен в Петропавловскую крепость и помещен в Трубецкой бастион.⁶

В начале октября 1917 г. Дубровин решением анонимного чиновника внесудебной комиссии Министерства юстиции был освобожден по состоянию здоровья под залог в 2 тыс. руб.⁷ Документ разрешал ему свободное проживание по всей России. Поначалу Дубровин жил в гостинице с женой, которая прибыла в Петроград хлопотать об освобождении мужа, и племянницей. Квартира Дубровина была разгромлена, а средств к существованию не было никаких.

Позже семья Дубровиных решила переехать в Москву к старшему сыну Александру, который в то время служил помощником начальника Казанской железной дороги. С 12 декабря 1917 года Александр Иванович жил в Москве у старшего сына по адресу: Денисовский переулок д. 9, кв. 1.⁸ Из боязни нового ареста сын запретил отцу не только выходить из дома, но даже появляться в передней. Зимой Дубровин сильно заболел и почти два года был прикован к постели.⁹ 28 ноября 1918 г. скончалась его супруга.¹⁰

К апрелю 1919 года Дубровин поправился, стал выходить из дома. С лета он вернулся к врачебной практике,¹¹ так как надо было каким-то образом зарабатывать себе на жизнь. Кроме того, свое фактическое служение при новой власти вполне объяснимо его политическим *credo*, высказанным впоследствии на допросе в ЧК: «Считаю необходимым добровольно подчиняться всякой законной власти как человек религиозный».¹² Сначала он стал частнопрактикующим врачом, а с 1 декабря 1919 года был зачислен в штат 1-й Лефортовской амбулатории.¹³ Положение вещей было таким, что в трудных условиях Гражданской войны поначалу мало кто интересовался политиче-

⁶ Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин) / Публ. В.Г. Макарова // Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг.: сб. статей / Под ред. Д. Б. Павлова. М., 2010. С. 101.

⁷ См.: *Чхартивили П.Ш.* Черносотенцы в 1917 г. // Вопросы истории. М., 1997. № 5. С. 134, 136, 140; согласно показаниям Дубровина в ЧК, это произошло 2 ноября 1917 г.: Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин). С. 102.

⁸ Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин). С. 98.

⁹ Там же. С. 96.

¹⁰ Там же. С. 102.

¹¹ Там же. С. 96.

¹² Там же. В ходе второго (последнего) допроса Дубровин заявил еще более лаконично: «Политические убеждения: беспрекословное повиновение правящей власти» (Там же. С. 98).

¹³ Там же.

скими воззрениями Дубровина; нужны были квалифицированные специалисты, а их в условиях революционной неразберихи крайне не хватало. Получилось так, что практически целый год Дубровин работал врачом советской больницы. Более того, когда осенью 1920 года его сын переехал на другую квартиру, соседом Дубровина стал комиссар Конышев.

Сразу после трагических событий марта 1917 г., по-видимому, из-за своего участия в работе монархических организаций, по предложению министра народного просвещения А.А. Мануйлова Б. В. Никольский подал в отставку¹⁴ и находился на положении заштатного профессора до октября 1917 года, когда был избран сначала приват-доцентом, а затем доцентом классической филологии историко-филологического факультета Юрьевского университета, куда в спешном порядке и направился читать лекции.¹⁵

В феврале 1918 года Никольский временно приостановил свою научную работу, так как типографии закрыли, а писать не было сил при холоде.¹⁶ Он ездил из Петрограда в Юрьев до февраля 1918 года, пока сообщение не прервалось в результате немецкой оккупации Эстляндии. В Петрограде Никольский продолжал преподавать в Училище правоведения.

В августе 1918 года Б.В. Никольский написал письмо в Комитет по устройству Воронежского университета (личный состав Юрьевского университета к тому времени находился в Воронеже) и, получив положительный ответ, в конце сентября собирался отправиться в Воронеж для устройства в университете.¹⁷ Однако, судя по письму к Б.А. Садовскому, датированному 26 октября (8 ноября) 1918 года, и последующим событиям, он никак не мог туда выехать.¹⁸

До самой своей трагической кончины в 1919 г. Никольский не оставлял литературную деятельность. По словам анонимного автора некролога Никольского, «в издании Академии Наук должен был выйти его труд — "Пушкин и его современники"».¹⁹

¹⁴ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 1–2 (по старой нумерации 4а–4б). Архивная справка. Л. 2 об.

¹⁵ Там же. Д. 2 (по старой нумерации 4а). Л. 60, 66б.

¹⁶ Там же. Л. 137б.

¹⁷ Там же. Л. 329б.

¹⁸ Монархист и Советы. Письма Б. В. Никольского к Б. А. Садовскому 1913–1918 / Публ. С. В. Шумихина // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб., 1992. С. 371.

¹⁹ Никольский Б.В. [Некролог] // Вестник литературы. 1919. № 6. С. 13.

В первой половине 1919 г. Никольский «служил в военно-научной секции Всеобуча в качестве нештатного постоянного сотрудника, принимал участие в заседаниях коллегии и читал лекции по милиционной системе и вопросам, связанным с ней».²⁰

3) *Правые деятели, поддержавшие советскую власть и активно сотрудничавшие с ней.* Сразу оговоримся, что, по понятным причинам, таких среди черносотенных и националистических деятелей было совсем немного. Наиболее известным из них является князь Михаил Михайлович Андроников, издававший в предреволюционные годы журнал «Голос России», организатор одного из крупнейших петроградских правомонархических салонов.

После Октябрьской революции, в 1918 г., князь М.М. Андроников служил в ЧК. Об этом свидетельствует письмо В.И. Ленина, датированное 10 июля 1919 г., следующего содержания: «Тов. Зиновьев. Прошу назначить исключительно партийных, опытных, абсолютно надежных и беспристрастных — товарищей для расследования поведения... б[ывшего] князя Андроникова (друга Распутина, Дубровина и т. д.), служащего в Чека в Кронштадте».²¹ По утверждению советских исследователей, Андроников даже являлся начальником Кронштадтской ЧК.²² Обстоятельства этого назначения до конца не ясны.

В 1999 г. в американском издании «Вестник» появилась публикация некоего Гарри Любарского из Чикаго, который без ссылок на источники утверждает, что Андроников был назначен на столь ответственную должность «по рекомендации Ленина и Дзержинского»,²³ занимаясь организацией денежного потока для представителей бывших имущих классов, желавших откупиться от тюремного заключения, или для намеревавшихся выехать из Советской России.²⁴ Однако эта информация не вызывает доверия и заслуживает тщательной проверки.

В заключение скажем несколько слов о дальнейшей судьбе некоторых деятелей русского монархизма. Жизненный путь тех или иных деятелей рус-

²⁰ Архив ГУ ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Архивно-следственное дело № П-92726. Л. 10.

²¹ Ленин и ВЧК. Сб. документов (1917–1922). М., 1975. С. 226–227 (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 10545. Копия).

²² Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1. М., 1986. С. 287.

²³ Любарский Г. Князь Андроников и пан Дзержинский // Вестник. 1999. 3 августа. № 16 (220).

²⁴ Там же.

ских правых организаций закончился по-разному. Выделим четыре основные, наиболее типичные варианта:

1) *Деятели правых организаций, приговоренные чекистами к смертной казни.* Перечислим наиболее известные имена русских монархистов, обвиненных в контрреволюционной деятельности и казненных. Это А.И. Дубровин, казначей ВДСРН Е.А. Полубояринова, П.Ф. Булацель, Б.В. Никольский, протоиерей Иоанн Восторгов, известный ученый-медиевист профессор А.С. Вязигин, М.М. Андроников (обвинен в шпионаже в пользу Германии) и др.

2) *Деятели правых организаций, умершие в годы Гражданской войны естественной смертью либо от болезней.* К таковым можно отнести В.М. Пуришкевича, скончавшегося в 1920 г. от тифа; видного монархиста, организатора правого салона графа С.Д. Шереметева; другого монархиста, также организатора салона графа Н.Ф. Гейдена; казанского монархиста, лидера Казанского общества трезвости А.Т. Соловьева; по всей видимости, лидера астраханских монархистов Н.Н. Тихановича-Савицкого (пока что, к сожалению, дата его смерти неизвестна); Г.Г. Замысловского (скончался от тифа в 1920 г.) и другие.

3) *Деятели правых организаций, умершие в эмиграции.* К слову сказать, среди черносотенцев таковых было сравнительно немного. Отметим, в частности, Н.Е. Маркова, лидера петроградского правомонархического кружка А.А. Римского-Корсакова, первого руководителя Русского собрания, писателя и публициста князя Д.П. Голицына (Муравлина) и других. Некоторые из монархистов (например, В.В. Шульгин), эмигрировавшие вместе с остатками Белых армий, волею судьбы впоследствии оказались в Советском Союзе.

4) *Деятели правых организаций, скончавшиеся после Гражданской войны на территории СССР.* Отметим, что таковых в общей массе черносотенцев и националистов было не так уж и мало (по крайней мере, нельзя их судьбы считать единичными случаями). Это, в первую очередь, выдающиеся ученые, профессора, академики, разделявшие в предреволюционные годы монархические убеждения и активно участвовавшие в работе правых организаций. Их научные заслуги признавали и ценили лидеры Советского государства, хотя в драматические 1930-е гг. судьба этих деятелей складывалась далеко не просто. Отметим в этой связи, в первую очередь, извест-

ного историка, академика, собирателя древностей Н.П. Лихачева и выдающегося филолога, академика А.И. Соболевского. Ряд других известных монархистов (не относящихся к разряду ученых), например, К.Н. Пасхалов и Н.Н. Жеденов, отойдя от всякой политической деятельности, мирно доживали свои последние годы и умерли естественной смертью²⁵.

²⁵ Как установлено нами со слов ныне здравствующего внука Н.Н. Жеденова – И.А. Обу-
ха, Николай Николаевич Жеденов скончался естественной смертью в Ростове-на-Дону в
1933 г. (*Жеденов Н.Н.* Гроза врагов русского народа / Сост., предисл., примеч. Д.И. Стого-
ва. М., 2013. С. 37).

Н. И. БОГОМАЗОВ

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

Занимаясь достаточно долгое время историей Белого движения на Северо-Западе России и защитив по этой теме кандидатскую диссертацию¹, автор этих строк со временем отошел от указанной проблематики, переключившись на изучение других вопросов.² Поэтому хотелось бы поделиться с коллегами по цеху своими соображениями относительно тех проблемных мест в историографии Белого движения на Северо-Западе, которых, к сожалению, остается еще достаточно. Возможно, кто-то из них обратит свое внимание на эти «белые пятна».

В рамках этой заметки мы не будем давать подробную характеристику всем работам, вышедшим за 95 лет, прошедшие с момента описываемых событий. Тем более, что на данный момент уже существуют подробные историографические очерки проблемы. Практически вся советская литература о начальном этапе Гражданской войны на Северо-Западе, включая журнальные и газетные статьи, отражена в издании «Псковская область в период Великой Октябрьской Социалистической революции, Гражданской войны и империа-

¹ Богомазов Н.И. Начальный этап Белого движения на Северо-Западе России (1918 г.). Автореферат дисс... канд. ист. наук. СПб., 2011.

² См. напр.: Богомазов Н.И. «Отказ советского правительства произведет удручающее впечатление»: попытка Красного Креста получить разрешение на посещение советских тюрем и лагерей // Новейшая история России. 2013. № 3.

листической военной интервенции».³ Пожалуй, один из лучших историографических обзоров проблемы дал Александр Николаевич Чистиков в коллективной работе «Интервенция на Северо-Западе России».⁴ Так отметим небольшой очерк псковской историографии 1920-х гг. с упоминанием малоизвестных статей в периодических изданиях, выполненный доцентом Псковского государственного педагогического университета А.В. Филимоновым.⁵

Остановимся лишь на главных, основополагающих работах по интересующей нас проблематике, которых на данный момент, на наш взгляд, три. Если расставлять их по хронологии, то первая фундаментальная работа — это труд ленинградского историка Н.А. Корнатовского «Борьба за красный Петроград», вышедший в 1929 г. к 10-летию обороны Петрограда. Н.А. Корнатовский первым исследовал процесс зарождения Псковского корпуса и описал его боевые действия в 1918 г. Несмотря на то, что эта работа, написанная более 80 лет назад, несет на себе явный отпечаток своего времени, а некоторые ее утверждения и выводы опровергаются позднейшими авторами и вновь выявленными источниками, она актуальна и по сей день. Ни один исследователь Гражданской войны на Северо-Западе не может обойти ее стороной. Переиздание этой книги в 2004 г.⁶ свидетельствует как минимум о сохраняющемся интересе к этой работе и о существующем спросе на нее

Вторая работа, изданная сравнительно недавно, в 1999 г., принадлежит перу петербургского историка А.В. Смолина и являлась вплоть до самого последнего времени основным и наиболее полным исследованием по истории Белого движения на Северо-Западе России.⁷ На основе огромного количества материалов российских и, что очень важно, зарубежных архивов А. В. Смолин прослеживает всю историю белых северо-западников с момента зарождения в 1918 г. и до полного краха и ликвидации в 1920 г. Скрупулезно рассматриваются и анализируются все аспекты Белого движения: военные действия, внутренняя политика, связи с Германией и странами Антан-

³ «Псковская область в период Великой Октябрьской Социалистической революции, Гражданской войны и империалистической интервенции: Указатель литературы. Псков, 1987.

⁴ Интервенция на Северо-Западе России (1917–1920 гг.). СПб., 1995.

⁵ *Филимонов А. В.* Освещение событий Гражданской войны 1919 г. на Псковщине в 1920-е гг. // Белое движение на Северо-Западе России и судьбы его участников: Материалы Второй международной научно-исторической конференции в г.Пскове. Псков, 2005. С. 121–131.

⁶ *Корнатовский Н. А.* Борьба за красный Петроград. М., 2004.

⁷ *Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России. СПб., 1999.

ты, отношения с новообразованными государствами, отношения с другими белыми армиями, экономические вопросы, культурная деятельность, связи с разного рода заговорщиками и т. д.

Наконец, третья работа, о которой необходимо сказать, это основательное исследование эстонского историка Рейго Розенталя «Северо-Западная армия: Хроника побед и поражения», опубликованное на русском языке в 2012 г.⁸ Особая ценность работы заключается в том, что автор, владея эстонским языком, привлекает огромное количество материалов из эстонских архивов, а также и других эстонских источников, не доступных до того момента для отечественных исследований.

Однако, несмотря на наличие таких серьезных работ, начальному этапу Гражданской войны, 1918 году, в них отводится мало места. Пытаясь охватить в своих исследованиях весь период противостояния на Северо-Западе, авторы естественным образом главное внимание уделяют событиям 1919 г., когда белые добились наивысших успехов и осуществили два своих наступления. События 1918 года играют лишь роль пролога, предыстории.

Долгое время вообще отсутствовали работы, посвященные конкретно событиям 1918 г. В 2008 г. в альманахе «Белая гвардия» вышла статья П.П. Лилленурма «Псковский корпус Северной армии»⁹, которая на данный момент является единственным исследованием, посвященным исключительно начальному этапу Белого движения на Северо-Западе в 1918 г. П.П. Лилленурм широко использует материалы псковских, эстонских и латвийских архивов, а также впервые вводит в оборот материалы из архива Дома Русского Зарубежья.

Ввиду обзорного характера этой публикации, ограниченной по объему, мы упомянем лишь основные (на наш взгляд) проблемные места в существующей историографии вопроса. Хочется подчеркнуть: главная проблема на сегодняшний момент — это проблема источниковая. Особенно что касается периода с лета по 10 октября 1918 г., т.е. весь «подготовительный этап» с момента начала переговоров немцев с представителями петроградских подпольных антибольшевистских организаций и до создания Псковского корпуса. Большинство фактов этого периода нам известно только из воспоминаний

⁸ Розенталь Р. Северо-Западная армия: хроника побед и поражений. Таллинн, 2012.

⁹ Лилленурм П.П. Псковский корпус Северной армии // Белая гвардия. 2008. № 10.

П.Р. Бермондт-Авалова¹⁰, который сам в описываемых им событиях (что касается Пскова) не участвовал и, по всей видимости, эта часть его мемуаров принадлежит перу его боевого товарища – В.Г. фон Розенберга. И лишь в редких случаях мы имеем сведения о событиях августа-октября 1918 г. из других источников¹¹. Таким образом, именно этот временной отрезок представляется наиболее перспективным для дальнейшего изучения.

Пожалуй, самый спорный эпизод в рамках интересующего нас периода (1918 г.) — это захват белыми Талабских островов. В перипетиях этого известного белогвардейского рейда пытались разбираться современники, историки, публицисты; статей по этой тематике предостаточно.¹² Но, к сожалению, надо признать, что на сегодняшний день история захвата отрядом Б.С. Пермикина Талабских островов безусловно требует уточнения.

Другой проблемный момент — смещение генерала А.Е. Вандама с поста командующего Псковским корпусом 16 ноября 1918 г. По единственной известной на данный момент версии, так же основывающейся на книге П.Р. Бермондт-Авалова, генерал А.Е. Вандам после ужина в отряде С.Н. Булак-Балаховича «скомпрометировал себя».¹³ Как нам кажется, более подробное исследование этого эпизода позволило бы пролить свет на взаимоотношения внутри Псковского корпуса накануне боев за Псков 25 ноября 1918 г. Из источников следует, что личный состав Псковского корпуса не был доволен генералом А.Е. Вандамом и, по всей вероятности, ужин в отряде С.Н. Булак-Балаховича (чины которого больше всего были настроены против А. Е.

¹⁰ Авалов П. В борьбе с большевизмом. Глюкштадт-Гамбург, 1925.

¹¹ См. напр.: Видякин Б. Краткая записка о возникновении Северного корпуса и дальнейшей его боевой деятельности. [Б.м.][Б.г.]; Зуров Л. Ф. Формирование Северной армии // Белая гвардия. 2003. № 7; и др.

¹² Кистер Г. История Талабского батальона // Белая борьба на Северо-Западе России. М., 2003; Пермикин Б.С. Генерал, рожденный войной: Из записок (1912–1959) / Ред.-сост. С.Г. Зирин. М., 2011; Палакс В. Жизнь, отданная революции: К 95-летию со дня рождения Я.Я.Залита // Псковская правда. 1971. 24 ноября; Троицкая Т. Маяк на острове // Огонек. 1982. № 15; Кочевин Ф.Г. Воины Толовы (Талабский полк в контексте истории) // Белое движение на Северо-Западе и судьбы его участников: Материалы Второй международной научно-исторической конференции в г. Псков. Псков, 2005; Мальцев Ю.П. К истории белого рейда на Талабские острова // Белое движение на Северо-Западе и судьбы его участников: Материалы Второй Международной научно-исторической конференции в г. Пскове. Псков, 2005; Лилленурм П.П. Псковский корпус Северной армии... С.227; и др.

¹³ Авалов П. В борьбе с большевизмом... С. 80.

Вандама) был только поводом для смещения пассивного в боевом плане командующего корпусом.

Наконец, последний знаковый по нашему мнению эпизод, который является «белым пятном» в существующей историографии — это переговоры руководства Псковского корпуса и Эстонской Республики, проходившие в начале декабря 1918 г. после оставления белыми Пскова и закончившиеся подписанием договора 6 декабря 1918 г.¹⁴ Процесс ведения переговоров белыми плохо исследован. Неясно, когда именно и при каких условиях белые окончательно отказались от отступления в Латвию и решили договариваться с Эстонией. Как именно проходил процесс принятия решения о выборе эстонского варианта в верхах Псковского корпуса, с какими настроениями к этим переговорам подходили эстонские государственные деятели — все это нам известно лишь пунктирно.

Резюмируя все вышесказанное, можно сказать, что общая канва событий второй половины 1918 г. на Северо-Западе России очерчена имеющейся историографией вопроса. Процессу зарождения, становления и развития Псковского корпуса посвящена, как мы видели, не одна работа и в общих чертах он исследован неплохо. Но остаются лакуны, «белые пятна», проблемные места, которые нуждаются в дальнейшем изучении. Мы уже отмечали, что историкам проблемы остро необходимо расширение источниковой базы. Необходимо вводить в оборот массивы документов из архива Дома Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына. Более того, на наш взгляд, перспективным направлением поиска источников по проблеме является Литва (в Ковно находилась штаб-квартира 8-й немецкой армии) и особенно Германия, а именно ее военные архивы. Остается надеется, что новые источники, будь они найдены, помогут уточнить и дополнить уже имеющуюся историографию проблемы.

¹⁴ На малоисследованность этого эпизода наше внимание обращал и уже упоминавшийся нами крупнейший исследователь Белого движения на Северо-Западе А. В. Смолдин.

П. А. ВАСИЛЬЕВ

Санкт-Петербургский институт истории РАН

ВЛИЯНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА УПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИКОВ В ПЕТРОГРАДЕ

Войны не проходят без ранений, а ранения требуют лечения и лекарств. Лекарства, в свою очередь, зачастую способствуют формированию у раненых привыкания, а в некоторых случаях и наркотической зависимости. Такие крупные вооруженные конфликты второй половины XIX в. как Гражданская война в США или Франко-прусская война, сопровождались вспышками морфинизма среди солдат и медиков. Первая мировая война также повсеместно признается как фактор, послуживший важным катализатором «наркотизации» как военных, так и широких слоев гражданского населения в целом ряде стран (прежде всего Европы и Северной Америки). Россия не была здесь исключением, однако современная историография зачастую ограничивается формальным признанием значения войны в данном аспекте и придает гораздо больший вес революциям 1917 г., воспринимая «демократизацию» наркотизма прежде всего как результат приобщения к своего рода «коду богемной личности» и следствие «смены иерархии стандартов поведения» (термины Н.Б. Лебиной).¹ Такой подход не вполне учитывает значение Первой мировой и Гражданской войн как собственно вооруженных конфликтов, сопровождавшихся широким применением наркотических средств в практике военной медицины в качестве анальгетиков и анестетиков, и способствует (возможно, произвольно) политизации данной темы, изображая нарко-

¹ *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии: 1920–1930 годы. СПб., 1999. С. 29.

тизм как специфическую проблему раннесоветского периода, отсутствовавшую в России до революций 1917 г.

Цель данной статьи состоит, прежде всего, в том, чтобы подчеркнуть независимое значение Гражданской войны для роста употребления наркотиков в России. Мы фокусируемся на Петрограде и Северо-Западе России, но некоторые наблюдения будут, по-видимому, справедливы и для других регионов страны. Представляется, что, анализируя резкое увеличение числа наркоманов и «загрязнение» ранее «чистых» социальных слоев, нельзя обойтись без учета обстановки военного времени. При этом необходимо исследовать как факторы общего порядка (экономические проблемы, слабость и нестабильность власти, психологический кризис), так и более конкретные проявления военной повседневности (широкое употребление морфия и кокаина в медицинской практике, ослабление контроля над ввозом, распределением и продажей наркотических средств, действие «сухого закона», голод, болезни, переутомление, нахождение в плену, сиротство и беспризорность), которые способствовали «наркотизации» населения. Нами анализируются особенности наркотизма военного времени, каналы распространения и практики употребления наркотиков, социальный, этнический и половозрастной состав наркоманов. Наконец, вопреки устоявшемуся представлению о пассивности властных структур в борьбе с наркотизмом до середины 1920-х гг., мы показываем значимость «первых шагов» российской наркополитики в период Гражданской войны и их неожиданную преемственность с предшествующими и последующими мероприятиями.

Мы, разумеется, не отрицаем влияния революций 1917 г. на наркоситуацию в России. Все же представляется необходимым еще раз подчеркнуть, что если под «демократизацией» типа российского наркомана понимать резкий рост численности наркоманов и наркотизацию широких социальных слоев, то нельзя обойтись без признания важного значения Гражданской войны и общей «обстановки хаоса, слабости и нестабильности власти»² для создания в России так называемой ситуации аномии,³ которая весьма способствует увеличению числа девиантов (в том числе наркоманов).

² Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917–1921 гг. и борьба с ней. СПб., 2001. С. 5.

³ В классической трактовке Роберта Мертона аномия — это «анормальные социальные условия, в которых социальные связи сильно ослаблены ... в результате быстрого социального изменения прежние формы утрачивают свое значение, а новые еще не успевают

Так, несмотря на то, что наркотическое воздействие морфия на организм было известно медикам с конца XIX в.,⁴ он по-прежнему широко употреблялся как отличное обезболивающее средство. Естественно, что в период Первой мировой и Гражданской войны особая необходимость в нем возникла во многих странах мира, в том числе и в России. Многие солдаты, получившие тяжелые ранения на фронте, приобщались к морфию, который назначался им медиками. В свою очередь наркоманами становились также врачи и медсестры, стремясь преодолеть тяжелый психологический шок и будучи уверенными в своей способности контролировать прием наркотика.⁵ По мнению М.Н. Гернета, значение войны как фактора кокаинизма объяснялось «потребностью борьбы с теми тяжелыми настроениями самой разнообразной формы, которые порождала постоянная опасность смерти на войне».⁶

В целом, по мнению известного немецкого врача Эрнста Йоэля, в условиях военных действий «назначение опиатов ... происходило менее сдержанно, чем в нормальное время... Медико-полицейский надзор ... проводился недостаточно строго, и доверенные лица не всегда соблюдали всю осторожность, необходимую при выдаче этих медикаментов».⁷ Так как морфий легально распространялся в различных медицинских учреждениях и в аптеках, то зачастую для получения наркотика требовалась лишь симуляция боли или

сформироваться». (Лисовский В.Т., Колесникова Э.А. Наркотизм как социальная проблема. СПб., 2001. С. 47–48).

⁴ Gossmann J. Über chronischen Morphiummissbrauch // Deutsche Medicinische Wochenschrift. 1879. Bd. 34–36.

⁵ Рапопорт А.М. Кокаинизм и преступность // Московский медицинский журнал. 1926. № 1. С. 46; Горовой-Шалтан В.А. Морфинизм, его распространение и профилактика // Вопросы наркологии: Сб. № 2 / Под ред. А.С. Шоломовича. М., 1928. С. 47; Голант Р.Я. Проблемы морфинизма: (Клинические и диспансерные наблюдения, экспериментальные исследования) // Труды Государственного института медицинских знаний (ГИМЗ) / Под ред. Н.К. Розенберга: Вып. V. Л., 1929. С. 24, 25; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города... С. 29; Петроград на переломе эпох: Город и его жители в годы революции и гражданской войны / Под ред. В. А. Шишкина. СПб., 2000. С. 93.

⁶ Гернет М.Н. Наркотизм, преступность и уголовный закон // Право и жизнь. 1924. № 3-4. С. 42.

⁷ Joël E. Die Behandlung der Giftsuchten. Alkoholismus, Morphinismus, Kokainismus usw. Leipzig, 1928. S. 26–27.

подделка рецепта.⁸ Таким образом, практически во всех без исключения медицинских учреждениях во время войны появились морфинисты.⁹

Многие из этих больных наблюдались в лечебницах и на протяжении 1920-х и 1930-х гг., и их истории болезни отразились в медицинских публикациях того времени. Так, например, один больной, «старый революционный работник», во время Гражданской войны был ранен в позвоночный столб, вследствие чего имел паралич нижних конечностей и под влиянием жены пристрастился к морфию.¹⁰ Приобщение к наркотику могло произойти и спустя достаточное продолжительное время после окончания Гражданской войны (в т. ч. более 10 лет), но ключевым фактором здесь все равно было полученное во время боевых действий ранение или перенесенное заболевание вроде сыпного тифа¹¹. В целом, около половины наблюдавшихся В.А. Бахтияровым в Свердловске в середине 1930-х гг. больных пристрастились к наркотику в период с 1915 по 1920 гг. (14 чел.).¹²

Наконец, необходимо особо подчеркнуть значимость того факта, что в условиях сухого закона, введенного с началом Первой мировой войны,¹³ такие наркотики, как морфий, кокаин и опий, оказались гораздо доступнее алкоголя: значительная часть населения нашла в них достойную замену привычной водке.¹⁴ В то время как для получения водки в 1914–1924 гг. требовалось прибегать к помощи «черного рынка», наркотики повсеместно использовались в легальной медицинской практике, особенно активное применение найдя в стоматологии и офтальмологии.

⁸ Голант Р.Я. Указ. соч. С. 29.

⁹ Панин С.Е. Потребление наркотиков в Советской России (1917–1920-е годы) // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 130.

¹⁰ Стрельчук И.В. и др. Гравидан и проблема борьбы с преждевременным одряхлением при алкогольной и морфийной интоксикации // Бюллетень института урогравиданотерапии. 1935. № 2. С. 45.

¹¹ Стрельчук И.В., Обнорский П.П. Гравиданотерапия в борьбе с наркоманией // Там же. 1934. № 1. С. 39–41.

¹² Бахтияров В.А. К вопросу о наркомании // Труды научно-исследовательских институтов Свердловского облздравотдела: Сб. № 7. Свердловск, 1936. С. 202. С 1882 по 1913 г. пристрастилось к наркотику 5 чел., с 1920 по 1925 гг. – 6 чел., с 1926 по 1930 гг. – 4 чел.

¹³ Только 9 августа 1921 г. было разрешено производство вин крепостью не выше 14%, с 30 января 1923 г. производились наливки и настойки не крепче 20%, а водки в свободной продаже не было до 1925 г.

¹⁴ Аронович Г.Д. Наблюдения и впечатления среди кокаиноманов // Научная медицина: Сб. 1920. № 6. С. 685, 686; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города... С. 30.

Неудивительно в данном контексте то, что в 1919–1920 гг., наблюдалось частое нарушение правил отпуска кокаина в государственных аптеках и на складах, где хранились огромные запасы наркотика для нужд здравоохранения города и губернии.¹⁵ Несмотря на закрытие многих кафе и увеселительных заведений¹⁶ в городе продолжали оставаться подобные очаги кокаинизма, хотя и наблюдалось перемещение центров торговли наркотиками в ночлежки и чайные, причем многие из последних были настолько известны тем, что предлагали своим посетителям кокаин, что даже назывались «чумными».¹⁷ В результате расследования уголовного дела в 1919 г. на одной только улице Марата (Николаевской) было зафиксировано наличие более 20 (!) продавцов кокаина, торгующих у себя на дому, в меблированных комнатах и в кафе.¹⁸ Имеются сведения о том, что кокаин в период Гражданской войны распространялся даже в театральных залах.¹⁹ Согласно отчету об облаве, проведенной в гостинице «Москва» 2 сентября 1919 г., там был обнаружен «приют, где продолжают свою вакханалию женщины, продающие себя, и уголовные элементы. При облаве арестовано 25 человек, найден кокаин...».²⁰

Широко распространена была и нелегальная торговля наркотическими средствами на улице, с прилавков, на рынках и т. д. Материалы следственных дел и судебных заседаний показывают, что в 1919–1920 гг. кокаин активно распространялся и употреблялся прямо на улице в центральных районах Петрограда (в особенности в районе Сенной площади, в Щербаковом переулке, на проспекте 25 Октября и уже упоминавшейся улице Марата)²¹. В.И. Мусаев

¹⁵ Протокол совещания при Комиссариате Здравоохранения по вопросу о борьбе с проституцией 23 января 1919 г. (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга [далее — ЦГА СПб]. Ф. 2815. Оп. 1. Д. 526. Л. 40 об.); *Аронович Г.Д.* Указ. соч. С. 682.

¹⁶ Петроград на переломе эпох... С. 93.

¹⁷ Протокол совещания при Комиссариате Здравоохранения по вопросу о борьбе с проституцией 23 января 1919 г. (ЦГА СПб. Ф. 2815. Оп. 1. Д. 526. Л. 40 об.); Петроград на переломе эпох... С. 93.

¹⁸ Дело о кокаинистке с улицы Марата, Петроградский народный суд 2-го отделения 1-го Городского района (ЦГА СПб. Ф. 53. Оп. 8. Д. 670. Л. 3-22).

¹⁹ *Мусаев В.И.* Указ. соч. С. 177.

²⁰ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 1. Д. 58. Л. 476. См. также: Петроград на переломе эпох... С. 92.

²¹ ЦГА СПб. Ф. 53. Оп. 8. Д. 160. Л. 4; Там же. Д. 208. Л. 1; Там же. Оп. 9. Д. 25. Л. 2–2об.; Там же. Д. 32. Л. 2; Там же. Д. 533. Л. 2–9об., 17–18 об.

приводит примеры хранения крупных партий кокаина на дому и в съемных квартирах для продажи и обмена на краденые вещи в период 1918–1921 гг.²²

Меры борьбы с наркотизмом после революций 1917 г. отличались известной хаотичностью. В годы Гражданской войны борьба с наркотизмом велась преимущественно с использованием жестких репрессивных мер, что согласовывалось с общим курсом на ликвидацию свободной торговли (подобные меры, связанные и с моральным осуждением, применялись против продавцов алкоголя, табака или игральных карт). Так, за июнь–декабрь 1918 г. в Петрограде было задержано 632 человека, занимавшихся продажей карт и наркотических средств.²³ По данным Шкаровского, в 1919–1920 гг. аресты продавцов кокаина производились регулярно, а сроки заключения достигали десяти лет.²⁴ Встречались и случаи применения высшей меры наказания против «самой отвратительной из видов спекуляций», что было разрешено предписанием СНК «О борьбе со спекуляцией кокаином» от 31 июля 1918 г. и декретом ВЦИК «Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» от 20 июня 1919 г.²⁵

Судя по имеющимся у нас данным, практика репрессивных мер по отношению к продавцам кокаина и кокаинистам в годы гражданской войны принесла некоторые плоды: врачи и сотрудники учреждений здравоохранения признавали, что в период военного коммунизма наркомания «значительно сократилась».²⁶

В то же время материалы судебных заседаний народных судов Петрограда показывают, что наиболее частым приговором, выносившимся наркоторговцам в период Гражданской войны, было все же заключение в исправительный дом на срок от нескольких месяцев для «новичков» до 2 лет для ре-

²² Мусаев В.И. Указ. соч. С. 176, 177, 179. О деле Смирнова и его сообщников см.: Притон кокаинистов // Петроградский голос. 1918. 29 марта.

²³ Ведомости арестов и задержаний по г. Петрограду за июнь–декабрь 1918 г. (ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 3. Д. 18. Л. 4, 5, 12, 13, 18, 19, 24, 25, 30, 31, 36, 37, 43, 45).

²⁴ Шкаровский М. Семь имен «кошки»: расцвет наркомании в 1917–1920-е годы // Невский архив: Историко-краеведческий сб. Т. III. М.; СПб., 1997. С. 468.

²⁵ Федоров А.В. Сильнодействующие и ядовитые вещества как предмет преступления: история и современность (1917–2008 гг.) // Наркоконтроль. 2008. №. 2. С. 9; Лошкарев В.В. Антинаркотизм в России: теоретический и историко-правовой анализ. Самара, 2011. С. 89–90.

²⁶ Семашко Н. О кокаинизме и борьбе с ним // Известия ЦИК СССР. 1925. 4 января.

цидивистов.²⁷ Однако в ходе разбора упомянутого дела «о кокаинистах с улицы Марата» суд и вовсе счел нужным применить амнистию и прекратить делопроизводство «за долгим промежутком времени».²⁸ Точно так же в ноябре 1920 г. 2-е отделение народного суда 1-го Городского района отказалось удовлетворить просьбу членов домового комитета бедноты дома № 14 по Кузнечному переулку и выселить торговцев кокаином — супругов Сергея и Надежду Филипповых. Сославшись на постановление СНК от 7 ноября 1920 г. о применении амнистии, суд постановил прекратить делопроизводство.²⁹

Таким образом, здесь налицо достаточно либеральный подход народного суда к продавцам кокаина, что в действительности вовсе не было редкостью в практике судов раннесоветского периода. Возможно, что отчасти этот либерализм был связан с раскаянием обвиняемых и умелым использованием ими нового политического языка. Примечательно в данном контексте написанное 31 августа 1919 г. прошение Станислава Казимировича Рутковского, обвиняемого в употреблении кокаина:

«Будучи арестован 16 августа с.г. при обходе, я не получил формулированного обвинения, а подозреваюсь в употреблении наркотических средств. Принося свои чистосердечные раскаяния в употреблении наркотиков, я в свое оправдание могу выставить свою первую судимость и то обстоятельство, что я стал употреблять наркотики как следствие тяжелой контузии, полученной на фронте. Граждане судьи! Я человек совершенно больной и не получая никакой помощи со стороны, я заболел и ныне нахожусь в госпитале, причем к моим физическим страданиям прибавляются мучения нравственные, тем что в переживаемый политический момент, когда долг каждого быть на фронте или иначе работать на оборону, я лишен возможности принять участие в общем деле отражения белогвардейских банд. Мне, сознающему, что счастливая жизнь трудового пролетариата возможна только при социальной [sic!] советской республике, быть отверженным и не иметь возможности принимать участие в борьбе с наймитами капитала, очень тяжело. Под влиянием этих мыслей болезнь моя прогрессирует и мне предстоит грозная перспектива или умереть за тюремными решетками или выйти из-под стра-

²⁷ Дело по обвинению Евгения Богданова в употреблении кокаина, Александра Петрушевского, Кронида Агафонова, Ивана Денисова в спекуляции кокаином и Зинаиды Петровой в соучастии (ЦГА СПб. Ф. 53. Оп. 9. Д. 32. Л. 22, 24); Дело по обвинению Василия Петрова в продаже кокаина (Там же. Д. 533. Л. 18-18 об.).

²⁸ ЦГА СПб. Ф. 53. Оп. 8. Д. 670. Л. 24-25.

²⁹ Там же. Оп. 9. Д. 476. Л. 3-4.

жи нетрудоспособным инвалидом, который не в состоянии заработать себе кусок хлеба.

Граждане судьи! Даю Вам честное слово, что все сказанное правда. Содержание под стражей угнетает меня и я умоляю Вас ускорить движение моего дела и назначить мое дело скорее к слушанию, или, если возможно, освободить меня до суда, т. к. я не намерен скрываться от суда, т. к. признаю свою вину.

Граждане! Дайте возможность снова стать честным тружеником, каковым я всегда и был, дайте возможность принять участие своей работой в обороне красного Питера, дайте возможность снова стать гражданином Социальной республики, верным народу и Советской власти, со своей стороны клянусь всем для меня дорогим не повторять преступлений, а заниматься честным трудом, как и раньше».³⁰

В то же время следует отметить противоречивость раннесоветской наркополитики. В 1919–1920 гг. задержания производились милицией не только за торговлю, но даже и «за употребление кокаина».³¹ В силу рассмотренного выше примата «социалистического правосознания» и «соображений справедливости» суды регулярно рассматривали такие дела, несмотря на то, что формально употребление наркотика не являлось уголовно наказуемым деянием. Хотя в ряде случаев делопроизводство прекращалось с применением амнистии,³² суды достаточно часто приговаривали потребителей кокаина к общественным работам сроком от одного до восьми месяцев.³³ Фактор Гражданской войны проявлялся еще и в том, что в ряде случаев потребители и продавцы наркотиков освобождались от уголовного наказания, но направлялись в распоряжение военного комиссариата или даже непосредственно на фронт.³⁴ Особенно часто такое случалось осенью 1919 г. Несколько курьез-

³⁰ ЦГА СПб. Ф. 53. Оп. 8. Д. 378. Л. 7–7 об.

³¹ Журналы регистрации происшествий по городу и пригородам (ЦГА СПб. Ф. 33. Оп. 1. Д. 33. Л. 78, 102 об., 154, 184, 193, 225, 229, 233, 238, 254, 266; Там же. Д. 34. Л. 175 об., 196.).

³² Дело по обвинению Мещерской Ольги в употреблении кокаина (ЦГА СПб. Ф. 53. Оп. 8. Д. 160. Л. 8).

³³ Дело по обвинению Воронцова и Баранова в употреблении кокаина (Там же. Д. 208. Л. 2); Дело по обвинению Егора Шарова, Иосифа Шифрина в торговле кокаином (Там же. Д. 306. Л. 6); Дело по обвинению Зайде Е.Е., Орле Т.Н., Ивлевой А.С., Щедриной Е.И. в употреблении кокаина (Там же. Оп. 9. Д. 25. Л. 4 об.).

³⁴ Дело по обвинению Егора Шарова, Иосифа Шифрина в торговле кокаином (Там же. Ф. 53. Оп. 8. Д. 306. Л. 6–6 об.); Дело по обвинению Станислава Рудковского в употреблении кокаина (Там же. Д. 378. Л. 13–13 об.); Дело по обвинению Николая Иванова в спекуляции кокаином (Там же. Д. 389. Л. 6); Дело по обвинению Евгения Жабровского и Ивана

ный случай произошел с обвиняемыми Евгением Жабровским и Иваном Горячевым, которых суд за употребление и продажу кокаина 1 октября 1919 г. приговорил к немедленной отправке на фронт, но при этом постановил выдать им обратно все отобранные вещи (в том числе кокаин).³⁵

Проанализировав процесс «демократизации» типа российского наркомана, необходимо еще раз подчеркнуть значение Гражданской войны как катализатора перемен, связанных с наркотизмом и эволюцией наркополитики в России. Как представляется, объяснение «демократизации» через «код богемной личности» работает только для отдельных случаев и, например, практически не объясняет морфийную наркоманию. Скорее, в экстраординарных условиях конца 1910-х — начала 1920-х гг. (в частности, в условиях «сухого закона») наркотики стали более доступны населению, чем алкоголь. Огромной важностью обладает тот факт, что на протяжении Гражданской войны морфий, кокаин и опий активно применялись в медицинской практике. Таким образом, в противовес расхожим представлениям о наркотиках как о товаре «с черного рынка», необходимо признать, что в описываемый период в России существовал вполне легальный и обширный рынок наркотиков.

Необходимо отметить слабую степень разработанности мер медицинского, санитарного и пропагандистского воздействия в период 1917–1924 гг. По современным стандартам методы лечения, применяемые в то время, следует признать крайне неэффективными.³⁶ Многие из пациентов, пристрастившихся к наркотику еще в период Гражданской войны, наблюдались у врачей и в 1930-е гг. Что касается административных мер уголовного преследования продавцов наркотических средств (а в ряде случаев и их потребителей), то они, хотя и имели некоторый успех (в особенности в годы «военного коммунизма»), все-таки скорее загнали социальную болезнь внутрь, нежели излечили ее.

Горячева в употреблении кокаина (Там же. Д. 466. Л. 7–7 об.); Дело по обвинению Лисса в продаже кокаина (Там же. Оп. 9. Д. 540. Л. 36).

³⁵ Там же.

³⁶ Некоторые медицинские тексты 1930-х гг. уже намекали на эту неэффективность и требовали, в частности, продолжения снабжения «неизлечимых» наркоманов наркотиками и даже введения некоторых форм «снижения вреда». См., например: *Канторович Н.В.* Диспансерные наблюдения над морфинистами // Советская психоневрология. 1936. № 3. С. 72–74.

Е. А. Кириллова

*Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена*

ДОМОВЫЕ КОМИТЕТЫ БЕДНОТЫ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Проблема взаимоотношений утвердившихся в 1917 г. в России властей и общественного самоуправления вызывает немалый интерес у историков. В последние годы всё чаще появляются исследования, в которых рассматриваются вопросы домового самоуправления горожан.¹

После Февральской революции 1917 г. в ходе реформы муниципального управления в доходных домах городов России были созданы домовые комитеты, которым отводилась роль низших органов городского самоуправления, подчиненных районным думам. Домовые комитеты создавались жильцами для отстаивания своих интересов перед домовладельцем, распределения нормированных продуктов и товаров среди жильцов, для охраны дома, что стало особенно важным в условиях лета — осени 1917 г.² Домовые комитеты являлись объективной необходимостью, они были призваны решать насущные проблемы горожан.

¹ Демидова А.Р. Хозяйственная жизнь Петрограда 1917 – начала 1920-х гг.: Город в условиях экстраординарности: Дисс. ... канд. ист. наук: / РГПУ им. А.И. Герцена. СПб., 2008; Пишур А. (Само)управление в петроградских жилых домах. 1. Домовые комитеты (1917-1921). // Антропологический форум 2012. № 17. Online. Режим доступа: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/17online/>; Obertreis, Julia. Tränen des Sozialismus. Wohnen in Leningrad zwischen Alltag und Utopie 1917–1937. Köln, 2004.

² Давыдов А.Ю. Мешочники и диктатура в России: 1917–1921 гг. СПб., 2007. С. 52–56.

Октябрьские события 1917 г. серьёзно повлияли на указанный процесс: вместо прежних домовых комитетов с сентября 1918 г. новой властью стали насаждаться домовые комитеты бедноты из пролетариев, переселенных в дома буржуазии. Аналогия с комитетами бедноты, создаваемыми в тот же период в деревнях, просматривается определенно. Далее по материалам постановлений петроградских городских властей и по документам архивов Санкт-Петербурга будут рассмотрены механизмы создания и деятельность домовых комитетов бедноты в годы Гражданской войны. Особое значение при этом имеют сохранившиеся в ЦГА СПб в фонде Жактов (Ф. 7965) протоколы общих собраний жильцов петроградских домов и заседаний домкомбедов.

Большевистские деятели оценили возможности домовых комитетов по организации и объединению населения по месту жительства, доведению до него своих директив. Советская власть не сразу ликвидировала сложившиеся ранее домовые комитеты, сначала «приглядывалась» к ним. Домкомы привлекали к исполнению постановлений (сбор тёплых вещей для армии, выполнение трудовой повинности), они продолжали выполнять уже привычные им обязанности (распределение ордеров на промтовары).

Новая власть ставила перед домовыми комитетами другие задачи. Массовые переселения пролетариата из «трущоб» в «барские квартиры» центра имели своей целью не только предоставить жильё угнетенным и обездоленным, но также «разбавить» социальный состав населения центра города. Эти переселения затронули в 1918–20-х гг. в Петрограде большую массу людей — около 225 тыс. человек,³ что составляло почти одну треть населения города в 1920 г. Одновременно возникла необходимость подавления буржуазных элементов и установления контроля над ними. Городским властям стало также ясно, что члены старых домкомов в большинстве не являются сторонниками большевиков. Поэтому руководство домовыми комитетами новая власть решила передать представителям социально близких слоёв населения.

Положение о домовых комитетах бедноты было издано Петросоветом 8 сентября 1918 г.⁴ В нём устанавливалось, что избирательным правом обладают только рабочие и служащие, выборы в комитеты должны проходить

³ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД). Ф. 16. Оп. 3. Д. 4622. Л. 5 об., 6.

⁴ Положение о домовых комитетах бедноты гор. Петрограда и его пригородов. // Северная Коммуна. 1918. 8 сент. № 100.

под контролем и наблюдением районных советов. Домкомбеды провозглашались техническими органами районных советов, исполняющими поручения Советской власти. В число главных обязанностей домкомбедов входило наблюдение за буржуазным населением домов с целью недопущения доставки мешочниками продовольствия, а также недопущения в буржуазных квартирах контрреволюционных собраний, укрывательства белогвардейцев, шпионов и других контрреволюционных элементов. Неисполнение домкомбедами возложенных на них обязанностей считалось изменой делу революции и должно было сурово караться. Таким образом, новые комитеты большевистская власть создавала для контроля над нелояльными жильцами.

Это постановление о домкомбедах не было достаточно конкретным, оно не гарантировало, что членами их будут выбраны действительно пролетарии. Уже в конце ноября того же года в газете «Северная коммуна» сообщалось: в некоторые домкомбеды в Александро-Невском районе проникли даже бывшие домовладельцы, скрывшие своё происхождение и богатство.⁵

Поэтому 30 января 1919 г. Совет комиссаров Союза коммун Северной области издал новое постановление о домкомбедах, «сводя воедино все положения» о них.⁶ Теперь роль, функции и организация домкомбедов определялись чётче. Избирательным правом обладали жильцы, которые могли участвовать в выборах в Советы, в комитет избирали одного человека от 50 жильцов дома. Домовые комитеты бедноты переходили из ведения областного комиссариата юстиции в ведение областного комиссариата внутренних дел.

Комиссариат внутренних дел Союза коммун Северной области (СКСО) после ликвидации СКСО в апреле 1919 г. был преобразован в Отдел управления Петрогубисполкома, подразделение, ведавшее общими вопросами организации работы Советов, учетом, регистрацией населения (отделение ЗАГС), поддержания порядка в городе (в их ведении находились милиция, а также формально — ЧК). Итак, домкомбеды оказались в подчинении Отдела управления Петрогубисполкома — подразделения НКВД РСФСР на местах (в структуру Отдела управления входило гражданское отделение).

При этом сам муниципализированный жилой фонд Петрограда находился в ведении Комиссариата городского хозяйства СКСО (Комгорхоза), после

⁵ Домовые комитеты бедноты из буржуазии. // Северная Коммуна. 1918. 28 ноября. № 165.

⁶ Обязательное постановление Совета Комиссаров Союза Коммун Северной Области о домовых комитетах бедноты г. Петрограда. // Северная Коммуна. 1919. 30 января. № 22.

ликвидации СКСО переименованного в Совет коммунального хозяйства (Совкомхоз)⁷, который стал отделом исполкома Петросовета, также был подчинен по ведомственной линии НКВД. Комгорхоз, а позже Совкомхоз должен был содержать жильё в порядке, заниматься его ремонтом, для этого в их структуре существовал жилищный отдел (жилотдел).

Домкомбеды, устанавливалось в обязательном постановлении 30 января 1919 г., в домах Комгорхоза являлись лишь контрольно-политической организацией и были не вправе вмешиваться в дело управления и эксплуатации домов, им предоставлялось лишь право контролировать действия назначенных Комгорхозом для этой цели заведующих домами.⁸ Таким образом, никаких хозяйственных функций домкомбедам не предоставлялось.

Домкомбеды, по постановлению, избирались сроком на 3 месяца, выборы проходили под контролем гражданского отдела районного совдепа, который присылал своего представителя на выборные собрания, а результаты выборов утверждались в гражданском отделе.

Однако в домах, где существовали домовые комитеты, члены их на выборах вошли в состав домкомбедов, произошла просто перемена названия. Так, в доме № 37 по 14 линии В.О. первые выборы домового комитета состоялись на общем собрании 4 сентября 1917 г., были выбраны 7 человек, среди них от комнатных жильцов Я. Лосиков, конторщик.⁹ В сентябре 1918 г. вместо домового комитета, по постановлению Петросовета, необходимо было избрать домовый комитет бедноты. В доме № 37 по 14 линии общее собрание 11 сентября постановило: «Председателя домового комитета Я. Лосикова как служащего и незаменимого работника в комитете в должности утвердить».¹⁰ Лосиков продолжал исполнять обязанности председателя, был снова перевыбран в марте 1919 г. На этом же собрании в члены комитета была выбрана Е.Г. Крадецкая, счетовод. Она участвовала в работе домового комитета уже в сентябре 1917 г., в члены комитета не выбиралась, но предложила свои услуги по перепечатке документов комитета на пишущей ма-

⁷ Постановление исполкома Петроградского Совета «О Совете коммунального хозяйства». // Северная Коммуна. 1919. 15 апреля. № 83.

⁸ Северная Коммуна. 1919. 30 января. № 22.

⁹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7965. Оп. 3. Д. 92. ЛЛ. 4, 40, 74.

¹⁰ Там же. Д. 92. Л. 102.

шинке, что было с благодарностью принято.¹¹ В сентябре 1919 г. общее собрание выбирает Крадецкую председателем домового комитета бедноты.¹² Она долго возглавляла комитет дома, продолжала работать в домоуправлении в 1921 г., когда были созданы жилищные товарищества.¹³

Можно констатировать преемственность между домовыми комитетами 1917 г. и домкомбедами — в них работали те же самые жильцы. Обычной практикой в домкомбедах при очередном требовании о проведении переывборов было просто подтверждать в должности прежний комитет, как переизбранный.¹⁴

В городской прессе раздавались призывы к пролетарскому населению домов приложить все усилия для обновления домкомбедов, чтобы в их состав вошли только достойные представители рабочего класса с коммунистами во главе.¹⁵ Этим признавалось, что в состав домкомбедов по-прежнему входят совсем не пролетарские элементы. В домовых комитетах бедноты центральных районов города работали не вновь поселившиеся в домах трудящиеся, обычно это были старожилы домов, ставшие советскими служащими.

Вероятно, что представителей пролетарских элементов выбирали в домкомбед для «маскировки», чтобы удовлетворить предъявляемым требованиям к членам комитетов. Так, в доме № 64/66 по Шпалерной ул. (в то время — ул. Воинова) 22 февраля 1919 г. в присутствии представителя Совета домовых комитетов бедноты их района был выбран домкомбед в составе: Салагаев П.Е. — столяр, Розет Э.Г. — фармацевт, член профсоюза служащих в аптеках, Елисеев А.Ф. — браковщик Главного Артиллерийского Управления. Однако работой в комитете занимался только Розет, который пролетарием не являлся, но как член профсоюза становился служащим, признавшим Советскую власть; остальные члены комитета не принимали в его работе никакого участия.¹⁶

Домкомбеды провозглашались низшими элементарными ячейками Советской власти, «проводниками в жизнь её предначертаний».¹⁷ Обязанностью

¹¹ Там же. ЛЛ. 12 об., 122.

¹² Там же. Л. 135.

¹³ Там же. Д. 93. ЛЛ. 20, 48, 80, 109.

¹⁴ Там же. Д. 9. Л. 15.

¹⁵ Северная Коммуна. 1919. 20 ноября. № 264.

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 9. ЛЛ. 1–1 об., 8.

¹⁷ Северная Коммуна. 1919. 20 ноября. № 264.

их являлось наблюдение над проживающими в доме, выполнение распоряжений городских властей. Но в реальности домовые комитеты выполняли многочисленные функции, являлись домово́й конторой, где вели учёт и регистрацию населения, заполняя домовые книги, передавая сведения о жильцах (списки нанимателей прислуги и владельцев собак из жильцов) в отделы Советов (милицию, финансовый отдел). Жильцы получали от домкомбедов свидетельства и удостоверения, предназначенные для самых разнообразных целей (удостоверение на покупку обуви, удостоверение на получение разрешения на право выезда из города).¹⁸ Для значительной части горожан домкомбеды являлись самым ближайшим органом власти — в 1920 г. домкомбеды были созданы в 26 % жилых домов Петрограда.¹⁹

Постепенно представителям городской власти становилось всё очевиднее, что жилищные отделы Советов сами не способны содержать все муниципализированные дома и проводить в них ремонт. Доставшиеся от частных владельцев дома имели «запас прочности», в них можно было проживать сначала без проведения значительных ремонтных работ. Но к концу 1919 г. это «проедание» жилищного фонда привело к тому, что дома всё более разрушались. Домкомбедам решено было предоставить право хозяйственного заведования своими домами. 18 февраля 1920 г. президиум исполкома Петросовета издал постановление «Привлечение ДКБ к делу управления домами», где устанавливалось, что домкомбеды должны были к 25 февраля выделить одного из своих членов на должность управляющего домом, ответственного за ведение хозяйства перед жилотделом и непосредственно ему подчиненного.²⁰

Так в домах Петрограда возродилась должность управдома, которая существовала в прежнее время, при частном домовладении. Домовладельцы обычно нанимали управляющего, который отвечал за содержание дома и вступал во взаимоотношения с жильцами. Теперь управдомы находились в подчинении жилотдела Совкомхоза. Сами домкомбеды при этом оставались в подчинении Отдела управления.

Однако эта мера была принята поздно — большинство муниципализированных домов Петрограда, которые находились в ведении заведующих, лишённые хозяйского надзора, подверглись уже значительным разрушениям. Переда-

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 152. Л. 8.

¹⁹ Материалы по статистике Петрограда. Вып. 1. Пг., 1920. С. 64.

²⁰ Известия Петроградского Совета. 1920. 18 февраля.

вая 10 марта 1920 г. дом № 64-66 по ул. Шпалерной (ул. Воинова) в ведение выбранного жильцами управдома Э.Г. Розета, заведовавший домом до тех пор Д.И. Анкундинов подписал акт, в котором состояние дома описывалось так: «Часть квартир свободна, фановые трубы не действуют, пользоваться уборными нельзя, водопроводные трубы частью замерзли, частью полопались, в некоторых квартирах вода из верхних этажей протекает через потолки и стены в низшие жилые этажи, размывая потолки и стены; штукатурка и стены обваливаются, печи во многих квартирах в неисправности, дымоходы давно не чищены».²¹

Назначаемые прежде жилотделами в дома заведующие были посторонними лицами, проблем дома не знали, опыта управления недвижимостью не имели, нередко относились к своим обязанностям недобросовестно. Об этом свидетельствует протокол общего собрания жильцов дома № 45 по ул. Слуцкого (Таврическая ул.) от 15 января 1919 г. В доме проживали рабочие Главной водопроводной станции Петрограда, имевшие свой домовый комитет бедноты, но домом управлял заведующий. Собранию было доложено о заболеваниях в доме сыпным тифом из-за плохого санитарного состояния дома, при том, что «загрязнения дома производятся главным образом терапевтическим институтом, помещающимся в доме». Выяснилось также, что «никаких мер для очистки дома, как институтом, так и заведующим домом не производится, комитет-же бедноты никаких средств для принятия санитарных мер не имеет».²² Общее собрание постановило образовать комиссию для осмотра дома и принятия экстренных мер по приведению дома в порядок. Как видим, жильцы, недовольные работой заведующего, взяли на себя решение проблемы.

На смену назначаемым со стороны заведующим должны были прийти выборные управдомы из числа жильцов, которые напрямую были заинтересованы в поддержании дома в жилом состоянии. Однако деятельность вновь избранных управдомов была сильно ограничена: финансовых средств для содержания домов в их распоряжении не было. Обслуживание жилых домов должно было осуществляться государственными ремонтными конторами и предприятиями, куда управляющие домов направляли заявки на необходимые работы. Заявки от домов направлялись,²³ но выполнялись они нерегулярно, с опозданием, работа этих государственных структур была неэффективной.

²¹ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 9. Л. 38.

²² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.) Ф. 574. Оп. 1. Д. 280. Л. 23.

²³ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 9. ЛЛ. 17, 18 об., 21, 21 об., 22 об.

В домах, где домовые комитеты сформировались, особенно если ими руководила группа активных жильцов, способных нести ответственность за состояние своего дома (обычно это были «старожилы» домов, эмоционально привязанные к дому), домкомбеды брали на себя хозяйственные функции, пытались устранять собственными силами неполадки в домах, нередко проявляя при этом инициативу, идущую вразрез с указаниями большевиков.

Так, в конце марта 1921 г. на собрании домового комитета дома № 64-66 по Шпалерной ул. решался вопрос о мерах, которые надо предпринять в связи с «лопнувшей водопроводной трубой и невозможностью вследствие этого пускать воду». Было принято решение: «Ввиду долгого неприбытия водопроводчика с ремонтных мастерских, несмотря на экстренное заявление бывшего управдома, ... немедленно пригласить частного водопроводчика, причём, не останавливаясь, если водопроводчик желает получить плату хлебом, и разложить требуемое количество хлеба между всеми взрослыми жильцами дома».²⁴ Тем самым жильцы давали частнику работу в муниципализированном доме, осознав неспособность городских служб содержать вверенное им хозяйство в порядке.

Разделение в сфере управления жилищным хозяйством, «двоевластие», при котором муниципализированный жилой фонд находился в ведении Совета коммунального хозяйства, а органы управления домами — домкомбеды — находились в подчинении Отдела управления, не могло способствовать рациональной эксплуатации жилья. Организационная неразбериха, постоянное переподчинение домкомбедов и изменение их функций не позволили домкомбедам взять в свои руки управление домами. Это смогут сделать в дальнейшем, в годы нэпа, жилищные товарищества.

Таким образом, большевистским руководителям не удалось в полной мере добиться решения тех задач, которые ставились перед домовыми комитетами бедноты. Поскольку жильцы домов прибегали к специфической социальной мимикрии при выборе членов в домкомбеды, то обеспечить пролетарскую чистоту и лояльность домкомбедов было невозможно. Комитеты бедноты, в которые входили те же самые жильцы, что и в домовые комитеты 1917 г., продолжали выполнять большей частью те же функции, которые выполняли прежние комитеты. В этом проявился механизм адаптации населения, приспособления его к чуждым притязаниям власти.

²⁴ Там же. Д. 9. Л. 14.

В. В. ПЕТРОВ

Санкт-Петербургский государственный университет

ПЕТРОГРАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Гражданская война, ставшая закономерным результатом Октябрьского переворота, оставила неизгладимый отпечаток в истории России. Ни одна сфера жизни не осталась незатронутой. Петроград, находившийся на переднем крае войны, под угрозой северо-западной группировки белогвардейских войск и иностранных интервентов, весьма серьезно пострадал за этот период. Сложное положение города усугублялось «унаследованными» от старого режима развалом транспорта и системы снабжения, хозяйственной разрухой, ростом преступности.

Участь Петрограда полностью разделил Петроградский университет, помимо хозяйственно-бытовых столкнувшись также и с проблемами сугубо внутреннего, организационного и идеологического характера. Историография истории университета в годы Гражданской войны достаточно обширна. Она начала складываться непосредственно в 1918–1920 гг., события которых нашли отражение в источниках личного происхождения — дневниках и мемуарной литературе. Существенный вклад (с известными оговорками, касающимися идеологической составляющей) внесли в нее советские историки высшей школы. Изучение пореволюционной истории университета шло по двум основным направлениям, которые можно условно определить как «внешнее» и «внутреннее». Первое направление преимущественно сосредоточивалось на взаимоотношениях высшей школы с советской властью, образовательной политике большевиков, борьбе с «буржуазной контрабандой»

контрреволюционной профессуры и её «выступлениями» и «наступлениями». Второе больше внимания уделяло перестройке внутренней структуры университета, изменениям учебных планов, процессам «демократизации» (де факто означавшим ликвидацию какой бы то ни было автономии) и советизации высшей школы. Большинство научных работ по истории Санкт-Петербургского университета нельзя отнести к одному из направлений, как правило, в них в той или иной степени представлены оба подхода.¹ В настоящее время история высшей школы и профессионального образования продолжает возбуждать интерес исследователей, в том числе и применительно к истории Петроградского университета.²

Вместе с тем, непосредственные взаимоотношения профессуры университета с конкретными органами советской власти часто оставались «за кадром», оставляя почву для развития идеологических штампов и ярлыков. Попытке ликвидации одного из таких «белых пятен» и посвящена настоящая статья.

Ультиматум финского правительства 1–2 мая 1919 г. явился поводом, а наступление на Петроград белых частей ген. А.П. Родзянко, позже ген. Н.Н. Юденича — причиной, побуждавшей советскую власть организовать грозившей опасности соответствующий отпор. С этой целью под ружьё были постепенно поставлены практически все пригодные (в первую очередь идеологически) к тому граждане: «Красная армия вошла в следующий этап своего развития — от добровольчества к мобилизациям всех способных носить оружие рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян».³ В то же время, «все трудоспособное трудящееся население его было занято по внут-

¹ Ленинградский университет. 1819–1944 / Отв. ред. проф. В.В. Мавродин. М.: Советская наука, 1945; *Клушин В.И.* Борьба за исторический материализм в Ленинградском государственном университете (1918–1925 годы). Л.: изд-во Ленингр. ун-та, 1970; *Купайгородская А.П.* Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917–1925 гг.). Л.: Наука, 1984, и т. д.

² *Купайгородская А.П.* Советская высшая школа в 1917–1927 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1990; *Шилов А.В.* Из истории Петроградского университета: судьбы учёных в послеоктябрьский период // Петербургские чтения 97. СПб.: БЛИЦ, 1997. С. 254–257; 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет. Летопись 1724–1999. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999; *Ермошко А.Г.* Изменение социального облика студенчества Петроградского / Ленинградского университета в первые годы советской власти (1917–1925) // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 2 (16). С. 137–144; *Кривоноженко А.Ф.* Процесс советизации Петроградского университета в 1918–1922 гг. // Клио. 2013. №10. С. 104–108 и т. д.

³ *Корнатовский Н.А.* Героическая оборона. К пятидесятилетию обороны Петрограда против Юденича. Л.: Лениблиздат, 1934. С. 9.

ренному укреплению своих районов, а всё боеспособное шло на фронт». В результате многочисленных «ограблений» Петрограда в отношении боевого пролетариата защитников города отчаянно не хватало; особенно тяжёлая ситуация складывалась в отношении командного состава.

Не стал исключением в этом отношении и Петроградский университет. Шесть его преподавателей (согласно информации Правления) являлись бывшими «начальствующими чинами» царской армии и подлежали мобилизации. Университет, в силу постановления Совета Рабочей и Крестьянской обороны от 12 сентября 1919 г., мог заявить отвод лишь для ничтожной части призываемых — «одного специалиста из числа призываемых по каждой кафедре, за исключением бывших офицеров».⁴ Отдел высших учебных заведений Наркомпроса, однако, оговаривал, что освобождение офицеров от военной службы возможно, но лишь «в исключительных случаях <...> по соглашению <...> Комиссара по Просвещению с Председателем Революционного Военного Совета или их заместителей», когда могла быть «установлена полная его [офицера] незаменимость для научных и учебных занятий».⁵ Согласно сведениям, доложенным Правлением университета в Комиссариат по просвещению СКСО, в июне 1919 г. в штате числилось 305 преподавателей, «из которых 5 быв. офицеров» (и один оставленный при университете, т. е. всего 6, как указано выше).⁶ Все они по тем или иным причинам так и не были призваны в ряды Красной армии. Этот эпизод был рассмотрен в одной из наших публикаций.⁷

И.В. Егоров, исполнявший в 1917–1918 гг. обязанности комиссара высших учебных заведений и научных учреждений Петрограда, вспоминал позже, как однажды к нему явился ректор Э.Д. Гримм и сообщил, что «кем-то, видимо военными властями, сделано распоряжение мобилизовать весь преподавательский состав Петербургского университета на окопные работы».⁸ Благодаря личному знакомству Егорова с наркомом просвещения А.В. Луна-

⁴ Курсив наш. — В.П.

⁵ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7240. Оп. 14. Д. 112. Л. 14–14 об.

⁶ Там же. Л. 16 об.

⁷ Петров В.В. «Самозащита» профессорско-преподавательской корпорации Петроградского университета от призыва в РККА в 1918–1920 гг. // Сборник, издаваемый студентами Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: КультИнформПресс, 2013. С. 92–97.

⁸ Архив Музея истории СПбГУ. Ф. ИУ. Д. 405. Л. 7.

чарским и Верховным главнокомандующим Н.В. Крыленко «добиться отмены распоряжения военных властей ... ничего не стоило».⁹ Таким образом, первоначально профессорско-преподавательский состав Первого Петроградского университета был огражден от привлечения к трудовой повинности и тыловой службе (как и вообще все служащие советских учреждений).¹⁰ Кроме того, ссылаясь на А.В. Луначарского, А.А. Иванов, ставший ректором университета после Э.Д. Гримма, отметил, что «всем лицам научно-учебного персонала ... Университета должны предоставляться все возможные льготы ... освобождение от всеобщего обучения военному делу, ограждение занимаемых ими и содержащих ценные библиотеки и научные коллекции квартир от вселения в них посторонних лиц, освобождение от сопряженной с выселением реквизиции их квартир, а также от реквизиции принадлежащих им обстановки и имущества, ограждение от обысков и арестов без уведомления Комиссара по Просвещению и без предъявления против них каких-либо веских улик, изобличающих их в преступлениях».¹¹ Однако после известных событий на фронте «чаша сия» уже не могла миновать Петроградского университета и его сотрудников: в соответствии с распоряжением Совета Рабоче-крестьянской обороны РСФСР от 2 мая 1919 г. Петроградской трудовой коммуне было предоставлено право «получить все имеющееся у населения имущество, пригодное для вооружения и снаряжения воинских частей, обороняющих подступы к Петрограду», а также «вводить всеобщую трудовую повинность во всех отраслях труда и службы, кои могут оказать серьезную помощь при организации защиты Петрограда».¹² В условиях реальной угрозы захвата цитадели революции (что было наглядно продемонстрировано стремительным и успешно развивавшимся октябрьским 1919 г. наступлением белых частей) статус университетского преподавателя и даже профессора, и без того воспринимавшийся пролетариатом весьма скептически,¹³ подвергся

⁹ Там же. Л. 8.

¹⁰ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 813 (Филипченко Ю.А.). Ед. хр. 1. Л. 13.

¹¹ Там же.

¹² *Корнатовский Н.А.* Борьба за Красный Петроград (1919). Л.: Изд-во «Красной газеты», 1929. С. 157–158; *Собрание узаконений рабочего и крестьянского правительства. 1919. №19.* С. 219.

¹³ И.В. Егоров вспоминал: «В кооперативе Академии наук я слышал, как между сторожами шёл разговор, что теперь надо бы попросту передуть или перерезать лодырей».

стремительной девальвации. И хотя учёные по-прежнему были освобождены от всеобщей мобилизации 1879–1901 гг.р. (на основании распоряжения Губвоенкоммета от 21 мая¹⁴), теперь они привлекались к несению трудовой повинности (к их вящему раздражению и негодованию). Об отношении профессуры к принудительному исполнению повинности красноречиво свидетельствуют строки письма, отправленного профессором факультета А.Н. Самойловичем ректору университета А.А. Иванову (см. Приложение 1).¹⁵ Осознавая бессмысленность протеста против самой повинности, профессор требует хотя бы неукоснительного соблюдения процедурных вопросов, как то: строгого учета исполнения работы и своевременного оповещения о ней. Глухой ропот чувствуется в словах о «представителях Компроса, наблюдавших за исполнением повинности».

Вопросы социально-бытового характера, повседневной жизни Петрограда в пореволюционные годы пользуются в последнее время особенно пристальным вниманием историков,¹⁶ поэтому мы не будем отдельно останавливаться на них. Невыносимые, нечеловеческие условия существования в умирающем городе были ярко описаны П.А. Сорокиным (преп. факультета общественных наук), Н.Н. Платоновой (Шамониной) (жена проф. С.Ф. Платонова), С.Э. Фришем (лаборант Оптического института) и многими другими современниками.¹⁷

Вместе с тем, нашлось время и для небольшого торжества: в феврале 1919 г. отмечалось 100-летие университета. «Время для празднования юбилея было мало подходящим, никто не придерживался больше старых традиций и не

учёных, «разных академиков и профессоров»: только зря хлеб переводят, не работая». (Архив Музея истории СПбГУ. Ф. ИУ. Д. 405. Л. 7.)

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 813 (Филиппченко Ю.А.). Ед. хр. 1. Л. 20 об.

¹⁵ Там же. Ф. 671 (Самойлович А.Н.). Ед. хр. 3. Л. 1–1 об.

¹⁶ См. работы: *Мусаев В.И.* Городская повседневность // Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны. М.; СПб.: Центрполиграф, 2013. С. 95–198; *Демидова А.Р.* Хозяйственная жизнь Петрограда 1917 – начала 1920-х гг.: город в условиях экстраординарности: дис. ... к.и.н. СПб., 2008; *Беляева Е.А.* Материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны: 1917–1921 гг.: дис. ... к.и.н. Смоленск, 2005 и т. д.

¹⁷ *Сорокин П.А.* Долгий путь: Автобиограф. роман / пер. с англ. П.П. Кротова, А.В. Липского. Сыктывкар: Шыпас, 1991. С. 141–146; *Ростовцев Е.Н.* Обзор Дневника Н.Н. Платоновой (Шамониной) // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб.: Любавич, 2011. С. 72, 74–77; *Фриш С.Э.* Воспоминания о Ленинградском университете в первые годы после революции (1918–1924) // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 3 / редкол. С.Н. Валк, В.В. Мавродин, Н.Г. Сладкевич (отв. ред.) и др. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. С. 94–95, 102–103, и т. д.

вспоминал юбилейных дат. К тому же университет перестал быть единственным университетом в Петрограде», — вспоминал С.Э. Фриш. По его мнению, именно существование Второго и Третьего Петроградских университетов «послужило одним из поводов к тому, что ректорат решил по возможности торжественно отметить столетний юбилей первого университета».

Надо отметить, что подготовка к празднованию началась задолго до самого юбилея, в 1910 г., когда был намечен примерный план юбилейных публикаций. 5 декабря 1918 г. ректор проф. А.А. Иванов вошёл в Компрос СКСО с ходатайством о субсидировании этих изданий. «Несмотря на трудности, переживаемые страной, Советское правительство выделило средства для проведения юбилея. Наркомат просвещения подчёркивал, что страна испытывает бумажный голод, что сейчас необходимо в первую очередь издать учебники для народа».¹⁸

Юбилейная сессия заняла три дня, занятия были отменены. Заседания, в течение которых произносились речи об исторической судьбе университета, о его роли в развитии точных и гуманитарных наук, проходили в Актовом зале университета и в Александринском театре. Завершалось всё литературно-музыкальным отделением и театральной постановкой.

В первый день празднования, 21 (8 по старому стилю) февраля 1919 г. «разнёсся кем-то пущенный слух, что объединят оба университета, причём это объединение произойдёт в виде присоединения первого университета ко второму. Таким образом, столетний Петербургский университет будет закрыт. Говорили, что на юбилейное заседание приедет представитель Советской власти объявить об этом».¹⁹ В качестве представителя советской власти в университет прибыл лично нарком просвещения А.В. Луначарский, который «рассказал о новых задачах, которые должен теперь решать советский народ, и призвал университет и его учёных оказать всемерную помощь рабочему классу, Советскому правительству». Луначарский «определил как одну из важных задач университета — сблизить науку и массы». «...пусть же запомнят все, что в этот день, несмотря ни на какие недоразумения, представи-

¹⁸ Казакевич Р.А., Мандель С.З. К истории 100-летнего юбилея университета // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 2 / редкол. С.Н. Валк, В.В. Мавродин, Н.Г. Сладкевич (отв. ред.) и др. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. С. 162.

¹⁹ Фриш С.Э. Воспоминания о Ленинградском университете в первые годы после революции (1918–1924) // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 3 / редкол. С.Н. Валк, В.В. Мавродин, Н.Г. Сладкевич (отв. ред.) и др. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. С. 95.

тель рабочего правительства явился сюда, чтобы отвесить поклон перед университетом», — закончил он свою речь.²⁰

Однако именно в 1919 г. в ходе реорганизации трёх петроградских университетов произошла первая крупная структурная ломка: взамен юридического, историко-филологического и факультета восточных языков создавался единый факультет общественных наук, не принеший, по мнению Г.Л. Соболева, общественным наукам ничего, кроме вреда.²¹ Декларируя на словах нерушимость университетских традиций и неприкосновенность высшей школы и ее работников, большевики превращали Петроградский университет в полигон и орудие классовой борьбы. Как бы цинично это ни звучало, Гражданская война была использована лишь как удобный повод, чтобы подчинить и развалить профессорско-преподавательскую корпорацию, заставить ее осознать бесперспективность противодействия, направить университетское преподавание в идеологически приемлемое русло для создания новой социалистической интеллигенции.

Приложение

Письмо проф. А.Н. Самойловича ректору Первого Петроградского университета проф. А.А. Иванову. 23 сентября 1919 г.
Рукопись. (ОР РНБ. Ф. 671. Ед. хр. 3. Л. 1–1 об.)

Ректору Первого Петроградского Университета
от проф. А.Н. Самойловича

Срочное заявление.

В ответ на полученное мною сегодня в 7 ч. утра сообщение Ваше касательно моей явки для исполнения трудовой повинности 23–24 сентября, вынужден заявить, что таковую я исполнял 20 и 22 сентября, в чем имеется две моих росписи у представителей Компроса, наблюдавших за исполнением повинности на Колтовской наб. против завода «Вулкан». Иначе как издевательством над ученым персоналом Университета нельзя назвать поведение Канцелярии Совета, которая 1) не оповестила участников II смен, в которой я состоял, об явке к исполнению повинности;

2) привлекла меня к исполнению повинности вторично;

²⁰ Казакевич Р.А., Мандель С.З. К истории 100-летнего юбилея университета // Очерки по истории Ленинградского университета. Т.2 /редкол. С.Н. Валк, В.В. Мавродин, Н.Г. Сладкевич (отв. ред.) и др. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. С. 165–166.

²¹ 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет. Летопись 1724–1999. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 285.

3) оставила без внимания мое устное заявление помощнику Секретаря 22 сентября о том, чтобы меня не привлекали ко вторичному исполнению повинности, о чем я узнал заранее случайно.

Я во-время отбыл свою повинность во I-ой смене только потому, что лично справился о днях и месте работы этой смены.

Назначенная Компросом «Тройка» должна быть поставлена в известность относительно вышеописанного поведения Канцелярии.

Я же прошу сделать зависящее от Вас, Ректор, распоряжение о том, чтобы завтра в 7 ч. утра меня снова не тревожили несвоевременными приглашениями на работу, которую я уже исполнил.

А. Самойлович.

23 сент. 1919 г.

И. В. ПЕТРОВ

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ ЭСТОНИИ В КОНЦЕ 1917–1920-х ГОДАХ В КОНТЕКСТЕ ВОЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

История православных приходов на территории Эстонии в период острейшего внутреннего противостояния в стране до сих пор является темой малоизученной и весьма обделенной современными исследователями. Как ни странно наиболее полно данный процесс рассмотрел молодой немецкий специалист Себастьян Римстэд, изучающий проблему богословских реформ в Православных Церквях Эстонии и Латвии в 1917–1940 годах. Мы же попытаемся восполнить данный пробел изучив в нашей небольшой статье, прежде всего две, как нам кажется, основополагающие проблемы, а именно: ход процесса обособления Эстонского Православия от Российской Православной Церкви и отношение к событиям в православных приходах светских властей.

Вопрос об автономии эстонских православных приходов поднимался еще до событий 1917 года, в частности губернатор Эстляндии князь С.В. Шаховской, несмотря на свою резко пророссийскую линию в местной политике, выступал за учреждение отдельной епископской кафедры для Эстляндии, причем во главе ее он неизменно видел епископа из среды православных эстонцев. Однако в период конца XIX — начала XX века этот вопрос так и не был разрешен ни церковными, ни светскими властями и только события февраля 1917 года вновь поставили на повестку дня вопрос об изменении устройства местных православных приходов. Так, 8 августа 1917 года

в Юрьеве состоялось собрание Рижской епархии, главной целью которого должно было быть избрание делегатов на Всероссийский Поместный Собор. Именно тогда некоторые представители эстонских православных приходов впервые высказывают предложение об образовании в Рижской епархии отдельного Ревельского викариатства, объединяющего в себе все эстонские православные приходы. Тогда же началось обсуждение возможной кандидатуры на возглавление данного церковного образования. Большинство сторонников идеи создания Ревельского викариатства называли в качестве главного претендента настоятеля Исидоровской эстонской православной церкви в Петрограде, видного просветителя и миссионера протоиерея Павла Кульбуша. Данная кандидатура не вызвала широких протестов и со стороны большинства русских православных приходов эстонской земли, благосклонно к ней отнеслись и в среде руководство Российской Православной Церкви. 24 декабря 1917 года отец Павел принимает монашеский постриг и рукополагается в сан архимандрита, а уже 31 декабря в Ревеле в Александро-Невском соборе митрополит Петроградский Вениамин (Казанский) и епископ Лужский Артемий (Ильинский) возводят архимандрита Платона (Кульбуша) в сан епископа. Очень скоро владыка Платон отправился в Москву для участия в Поместном соборе, однако долго задержаться в Советской России ему не удалось: из-за внутренних противоречий в Эстонии он возвращается к месту своего служения. В то же самое время Рижский архиепископ Иоанн (Смирнов) назначается на Рязанскую кафедру, после чего жизнь в среде православных приходах Латвии и Эстонии на некоторое время напоминало безначалие и хаос. В связи со сложившейся тяжелой ситуацией Патриарх Тихон (Беллавин) назначает владыку Платона временно управляющим всей Рижской епархией. После возвращения в Ревель епископ Платон совершает свое первое богослужение в Спасо-Преображенском соборе. Интересно отметить, что перед началом богослужения местные православные эстонцы преподнесли Ревельскому викарию облачение, расцвеченное цветами эстонского национального флага. Важно отметить, что владыка Платон (Кульбуш) поддержал идею эстонской национальной независимости и всегда отмечал в своих проповедях этого периода пользу от обособления Эстонского государства. Часть пророссийски настроенных пастырей и прихожан были недовольны эстонофильской, с их точки зрения, линии управления православными приходами Ревельского викариатства и даже направили письмо со своими опасениями Патриарху.

Несмотря на беспокойное положение внутри православных приходов Эстонии, епископ Платон принял решение о переносе места своего пребывания в фактический административный центр Балтии в годы Первой мировой войны — город Тарту. Этот же период был ознаменован и военными катаклизмами: в марте 1918 года практически вся Балтия была оккупирована немецкими войсками, достаточно критически относящимися к Православию. Часть православных храмов тут же закрываются (рижский Кафедральный Христорождественский собор вообще был превращен в кирху). В тяжелый 1918 год владыка Платон, несмотря на острейшее военное противостояние в регионе, посетил 71 приход. Пытался он наладить и достаточно прочные отношения с немецкой оккупационной администрацией (отметим, что он прекрасно владел немецким языком). Некоторые действия святителя не могли понравиться германцам. Особенно смелым поступком можно назвать его поездку в мае 1918 года в Ригу, в ходе которой он посещает многие православные приходы на протяжении 11 дней. Некоторые приходы немецкие власти ему посетить запретили, интересно, что в основном это были латышские православные приходы. В ходе данной поездки владыке Платону давались недвусмысленные предложения о возвращении в Ревель. Позже Ревельский vikarий хотел еще раз посетить Латвию, что, однако, ему не было разрешено германской оккупационной администрацией. Столь тяжелая ситуация, осложненная крайне наколенной военной обстановкой, привела к тому, что в октябре он обратился с протестом к немецкому правительству, отправив его через генерала 8-ой армии фон Катхена и эстонского консула в Лондоне Пийпа. В частности, в нем был особо отмечен вопрос реквизирования у православных приходов земель, домов и огородов немецкими войсками, по приказу последних была ограничена, а иногда и просто запрещена деятельность приходских школ. Многие назначаемые владыкой Платоном на приходы клирики не могли добраться до места своего назначения из-за чинимых оккупационной администрацией препятствий. Отмечено в этом документе и ограничение деятельности самого главы православной жизни Латвии и Эстонии, в особенности в вопросе свободы передвижения по епархии и созыве собрания представителей приходов для решения назревших проблем.

С окончанием Первой мировой войны у православных Балтии появляется новая надежда на спокойную и мирную жизнь, направленную на дальнейшее решение вопроса о статусе Эстонской епархии. 12 ноября 1918 года вла-

дыка Платон (Кульбуш) выпускает специальное воззвание, в котором призывает своих соотечественников «к построению свободной и независимой» Эстонии. Первый номер эстоноязычного православного журнала «Uus Elu» также основными вопросами, стоящими на повестке дня объявил создание независимой от государственной власти Православной Церкви и отношение с Российским Православием. Однако данный процесс очень скоро снова заходит в тупик, причиной чему стала разгорающаяся в стране освободительная война, очень похожая на события, происходящие в России. Уже 29 ноября 1918 года в Нарве на заседании образованного эстонскими красными Временного Революционного Комитета Эстония была провозглашена независимой республикой советов — Эстонской Трудовой коммуной во главе с видным эстонским большевиком Яном Анвельтом. 9 и 10 октября красные заняли Йыхви и Кохтла, 16 — Раквере и Кунда. А 22 декабря 49-й полк 6-й дивизии занял Тарту. В городе начинаются массовые аресты, масштабы которых до сих пор вызывают споры у исследователей. В цели нашей работы не входит описание проблемы масштабов данных репрессий, нас в большей степени интересует арест и расстрел представителей православного духовенства. Сам владыка Платон (Кульбуш) был арестован 2 января 1919 года в 19 часов после встречи с благочинным. Вместе с Ревельским викарием также был арестован его протодьякон Константин Дорин. Чуть позже, 5 января, были арестованы настоятель Успенского собора протоиерей Михаил Блейве и настоятель Георгиевской церкви протоиерей Николай Бежаницкий. Все тартуские арестованные помещались в зданиях Кредитного банка и в здании полиции. Помимо православных были арестованы лютеранские пастыри и верующие. Очень скоро ситуация на фронте военного противостояния кардинально изменилась и многие районы Эстонии переходили в руки национальных сил. Вскоре красные поняли, что и Тарту им придется сдать. Однако прежде чем покинуть город они решили расстрелять многих арестованных. В список тех, кто был уничтожен просоветскими силами попал и епископ Платон, вместе со священниками Блейве и Бежаницким. До сих пор доподлинно неизвестно как именно расправились с православными пастырями, однако самого владыку Платона удалось опознать только по спрятанной под рубашкой панатгии. У временно управляющего Рижской епархии на теле было одиннадцать ран: 7 — штыковых на груди и 4 пулевые, затылок был пробит насквозь прикладом винтовки. Замученных православных пастырей отпевали в Успенском соборе Тарту, однако епископа Платона (Кульбуша) решили похоронить в

эстонской столице, что и сделали 9 февраля 1919 года в Спасо-Преображенском соборе.

Важно отметить, что расстрел в Тарту был далеко не единственным примером эстонского красного террора против представителей местного православного духовенства. Пожалуй, не менее известной является расправа над Везенбергским священномучеником протоиереем Сергием Флоринским. Отец Сергей был арестован 19 декабря 1918 года, через несколько дней после того как город заняли красные. Во многом из-за своего стойкого поведения во время допросов протоиерей Флоринский 26 декабря 1918 года был приговорен руководителями Вирумаской комиссии по борьбе с контрреволюцией Ханзингом и Габерманом к расстрелу. 30 декабря того же года на окраине города в лесу Палермо в группе 8 человек принял мученическую кончину и отец Сергей Флоринский (всего по подсчетам эстонского протоиерея Александра Лебедева от красного террора в Раквере погибло не менее 105 человек).

После освобождения большинства территорий Эстонии от советских войск перед местными православными приходами встали новые проблемы, в частности: церковная жизнь в Эстонии была с гибелью епископа Ревельского Платона (Кульбуша) обезглавлена, приходская жизнь находилась в невероятном запустении, к тому же и канонические проблемы, прежде всего в вопросе отношений с Российской Православной Церковью, решены не были. Важно отметить, что некоторые православные священники сами покидали территорию Эстонии, иногда забирая с собой необходимые для приходской жизни богослужебные предметы. К примеру, православные клирики Балтийского Порта и Вейсенштейна покинули свои приходы еще в октябре 1917 года, после чего богослужения в этих приходах Ревельского благочиния долгое время не совершались. Караперский священник Павел Четыркин вообще эвакуировался с отступающими немецкими войсками, забрав с собой антиминс и сосуды. Для решения возникших вопросов нужен был новый глава православных приходов Эстонии, который смог бы разрешить накопившиеся вопросы. Уже в феврале 1919 года стала высказываться точка зрения, согласно которой наиболее подходящей для этого фигурой должен был стать профессор Московского университета Александр Каэлас, который к тому же еще совсем недавно был одним из делегатов Поместного Собора. Однако к избранию Каэласа имелось одно непреодолимое препятствие: было известно, что он эвакуировался в Сибирь, в то время занятую Белыми войсками, после

чего его связь с Эстонией оборвалась. В марте того же 1919 года в эстонской столице было созвано собрание духовенства и представителей мирян, одной из главных тем которого было обсуждение вопроса формы зависимости Православной Церкви Эстонии от Российской Православной Церкви. Тогда же стало высказываться мнение и о полной автокефалии Эстонской Православной Церкви от Московской Патриархии. Главой Церкви был «избран» Александр Каэлас, а его викарным епископом стал Александр Паулюс. Следует сказать несколько слов об этом человеке, впоследствии много лет возглавлявшим Эстонскую Апостольскую Православную Церковь. Будущий митрополит Александр, а в миру Александр Карлович Паулюс родился в Лифляндской губернии в крестьянской семье православных эстонцев в 1872 году. Как лучшего ученика местной приходской школы его направляют в Рижское Духовное Училище, после окончания которого он заканчивает и Рижскую Духовную Академию. Около десяти лет после окончания семинарии Паулюс служил на приходах эстонского региона в качестве псаломщика-учителя. В 1901 году епископом Рижским и Митавским Агафангелом (Преображенским) он рукополагается в священники и служит на протяжении всего дореволюционного периода на эстонских приходах Рижской епархии: на острове Даго, в Каркси, в Лайузе и наконец в Пярну. Однако теперь данная кандидатура вызвала ожесточенное сопротивление со стороны русских православных приходов Эстонии. В связи с достаточно тяжелой внутренней обстановкой на этом собрании духовенства и мирян Паулюс временно отказывается от викарного епископства. Также в марте 1919 года обсуждался целый спектр богословских реформ, вопрос о церковно-приходских школах, духовном образовании, также было принято решение отправить делегацию к представителям Англиканской Церкви.

Статус собрания марта 1919 года до сих пор не определен ни историками, ни богословами. С одной стороны, некоторые исследователи и верующие склонны считать события марта 1919 года «Собором», другие же особо отмечают отсутствие на нем архиереев, по сему они именуют его собранием «Эстонского Временного Епархиального Совета». В то же время участники этого собрания отправили специальное послание в адрес Патриарха Московского Тихона (Беллавина), в котором фактически требовали разъяснения положения православных приходов Эстонии, возможно надеясь не только на автономию, но и на автокефалию. Глава Российской Православной Церкви временно передал эстонские православные приходы Рижской епархии, так и не

разрешив насущный вопрос. Однако данная позиция не могла устроить сторонников независимой Эстонской Православной Церкви, которые тут же обвинили Московского предстоятеля в следовании политики русификации.

В апреле 1920 года в Сибири умер Александр Каэлас и теперь вопрос о возглавителе православных приходов встал с новой силой. В мае 1920 года состоялось судьбоносное событие — Патриарх Тихон даровал Эстонской Православной Церкви автономию постановлением Священного Синода и Временного Церковного Управления от 10 мая 1920 года. Вопрос о полной автокефалии Эстонской Православной Церкви откладывался московскими церковными властями до созыва Поместного Собора. В том же году Александр Паулюс с согласия Московского Патриарха был хиротонисан в епископа Ревельского.

Отметим, что события 1920 года положили конец первому периоду борьбы православных эстонцев за создание независимой от Российской Православной Церкви Эстонской Православной Церкви. Несмотря на то обостряющийся, то затихающий конфликт между православными русскими и православными эстонцами данный период шел достаточно мирно, в особенности в сравнении с событиями 1920–1930-х годов. Особо отметим, что главенствующее влияние в данном процессе играли разворачивающиеся в Балтии военные действия. Так, немецкая оккупация, приостановила процесс мирного становления Эстонской Православной Церкви, существенно ограничила деятельность православных приходов страны, очень часто отдавая предпочтения местным лютеранским общинам. Однако сменившие немецких оккупантов просоветские силы начали настоящий террор против православного духовенства Эстонии, уничтожив многих его виднейших представителей, в том числе епископа Платона (Кульбуша). После же окончания Освободительной войны ситуация в среде православных приходов Эстонии вошла в достаточно мирное русло, однако проблемы возникшие в период военного противостояния не были окончательно решены и в межвоенный период.

Литература

1. ЕАА. F.1655. N.3. S.62.
2. Православие в Эстонии. Т.1. Исследования / под ред. прот. Н. Балашова, С.Л. Кравеца. М.: Православная энциклопедия, 2010. 320 с.
3. Русское национальное меньшинство в Эстонии / под ред. С.Г.Исакова. Тарту: Крипта, 2000. 448 с.
4. Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее. Таллинн: Русский исследовательский центр в Эстонии, 2000. 216 с.

5. Архимандрит Григорий Д. Папатомас. Несчастье быть маленькою церковью в маленькой стране. Богословская правда о Православной Церкви Эстонии. Таллинн, 2007.

6. Владислав Кумыш, священник. Священномученики Эстонской Церкви, в Юрьеве пострадавшие. СПб.: Журнал «Нева», 2000. 144 с.; Он же. Сотрудники и братья убиенных за Слово Божие. СПб.: Ника, 2001. 80 с.

7. Лебедев А.В. Военный священник Сергия Флоринский-священномученик. Материалы V Международной военно-исторической конференции / Под. Ред. А.В. Арановича. Санкт-Петербург, 1 ноября. Сб. Научных статей. СПб: СПГУТД, 2012. С.202–215.

8. Игорь Прекуп, священник. Православие в Эстонии. Краткий исторический очерк. Таллин: Trukis Astrukis, 1998; Протоиерей Игорь Прекуп, Протоиерей Николай Балашов. Проблемы Православия в Эстонии. О книге архимандрита Григория Папатомаса «Несчастье быть маленькой церковью в маленькой стране». Таллинн, 2013. 132 с.

9. Sebastian Rimestad. The Challenges of Modernity to the Orthodox Church in Estonia and Latvia. Wien: PETER LANG, 2012. 334 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Ганелин Р.Ш. *член-корреспондент РАН, гл. научный сотрудник, СПб Институт истории РАН*
- Полтораки С.Н. *д.и.н., проф., главный редактор журнала «Клио»*
- Гагкуев Р.Г. *к.и.н., зам. гл. редактора издательства «Дрофа»*
- Калашников В.В. *д.и.н., зав. кафедрой кафедр истории культуры, государства и права СПбГЭТУ*
- Соболев Г.Л. *д.и.н., почетный профессор СПбГУ*
- Цамутали А.Н. *д.и.н., гл. научный сотрудник, СПб Институт истории РАН*
- Давыдов А.Ю. *д.и.н., проф. кафедры русской истории, РГПУ им А.И. Герцена*
- Мусаев В.И. *д.и.н., ведущий научный сотрудник, СПб Институт истории РАН*
- Смирнова Т.М. *д.и.н. профессор кафедры истории и философии, СПбГУАП*
- Цветков В.Ж. *д.и.н., профессор МПГУ*
- Бажанов Д.А. *к.и.н., доц. кафедры русской истории, РГПУ им А.И. Герцена*
- Ганин А.В. *к.и.н., ст. научный сотрудник, Институт славяноведения РАН*
- Захаров А.М. *к.и.н., доц. кафедры русской истории, РГПУ им А.И. Герцена*
- Калиновский В.В. *к.и.н., преподаватель истории, Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского*
- Пученков А.С. *к.и.н., докторант, СПб Институт истории РАН*
- Стогов Д.И. *к.и.н., ассистент кафедры истории культуры, государства и права СПбГЭТУ*
- Богомазов Н.И. *к.и.н., ассистент кафедры новейшей истории России СПбГУ*
- Васильев П.А. *аспирант, СПб Институт истории РАН*
- Кириллова Е.А. *аспирантка кафедры русской истории, РГПУ им. Герцена*
- Петров В.В. *студент IV курса истфака СПбГУ*
- Петров И.В. *аспирант кафедры новейшей истории России СПбГУ*

Межвузовская научная конференция
«Гражданская война в России:
проблемы истории и историографии»

Сборник докладов

29 ноября 2013

Подписано в печать

Бумага офсетная. Печ.л. 11.33

Тираж 200 экз. Заказ ____

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, С.-Петербург, ул. Профессора Попова